

АЛЕКСЕЙ ЛУКЬЯНОВ
БАНДИТЫ
КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ

1919 год. Советская Россия объята пламенем гражданской войны. Штаб Колчака разрабатывает дерзкую и опасную операцию по устранению одного из злейших врагов Белого движения – начдива Василия Чепалева. В прошлом обычный плотник, Чепалев владеет артефактом редкой силы, и этот артефакт способен переломить ход войны в пользу белых. Однако в тщательно запланированную акцию вмешивается третья сила – бандиты, не признающие ни новой, ни старой власти. Кто же страшней: белые, красные или бандиты?! Это предстоит выяснить главному герою – семнадцатилетнему Лёнке Пантёлкину.

ПРОЛОГ

3-5 марта 1919 года

Часов в шесть утра сквозь храп напарника и назойливую дробь капли Богдан услышал посторонний звук. Было слышно, как лениво переступает по раскисшему снегу лошадь, как шуршат полозья и брякает под дугой одинокий бубенец.

— Стой, стрелять буду! — Богдан передернул затвор.

От резкого сухого звука дядь-Сила всхрапнул и проснулся:

— Ты чего, Тюньша?

— Богдан я. Сани едут.

Дядь-Сила прислушался.

Возница или спал, или был глухим, а может пьяным, потому что лошадь не остановилась. Сани нее так же скрипели.

Подслеповато взглядевшись в дымку раннего мартовского утра, старый красноармеец ткнул пальцем во что-то невидимое:

— Вот она! Сейчас в лог спускаться начнет.

— Кто «она»?

— Лизка, лошадь. Она вчера с обозом в Новодевичье ушла. Вот умная тварь! Она же по этой дороге всю жизнь ходит. Мы с тобой где стоим?

— На кладбище, — Богдан поежился.

— Вот именно. А Лизка покойников сюда без малого десять лет таскает.

— А где обоз?

Дядь-Сила задумался. Продотряд из десяти подвод и семерых бойцов под командованием товарища Рогова ушел в Новодевичье вчера днем. Назад их нужно было ждать не раньше, чем через трое суток. Но как могла отбиться от обоза самая старая и слабая лошадь?

Лизка с жалобным ржанием под тяжестью розвальней шла по склону лога.

— Надо бы, Тюньпа, глянуть, чего такое в саних, — сказал дядь-Сила. — Вдруг бомба?

— Богдан я! И нельзя самовольно пост оставлять.

— Так ты и не оставляй. Я фонарь возьму да схожу, а ты смотри в оба.

Сила запалил «летучую мышь», установил стеклянный колпак и, хлюпая по мокрому снегу дырявыми сапогами, отправился посмотреть, с чем прибыла Лизка.

Сначала было тихо. Потом послышался истошный крик дядь-Силы. Богдан не стал разбираться, что случилось, и пальнул в воздух.

Патруль подоспел через десять минут. Двое верховых и трое пеших спустились в лог, помогли Силе вытащить лошадь и сани наверх.

В саних лежало восемь трупов.

У каждого был вспорот живот и выпущены кишки, а вместо потрохов виднелась кровавая каша — в животы и в раскрытые рты продармейцев кто-то глумливо насыпал зерна. Ко лбу товарища Рогова была прибита записка: «Типерича вы нажрались».

Богдана вырвало. Он уже насмотрелся мертвых тел, но такое видел впервые. Лица мертвецов искажала адская мука — видимо, потрошили их заживо.

— Отродье кулацкое, — процедил Гринберг, командир патруля. — Ну, ничего, отольется им. Все отольется.

Едва рассвело, в Сенгилее собрали новый отряд в сотню бойцов под командованием краскома Павлова. Начальник ЧК Казимиров с подчиненным отправились с отрядом, чтобы провести следствие и выявить зачинщиков бунта.

На следующее утро в Сенгилей вернулся раненый чекист и рассказал, что все Новодевичье, а также Уинское и Усолье переметнулись к белым, отряд взяли в плен, а товарищей Павлова и Казими- мирового расстреляли и бросили в прорубь.

Следующий отряд, в двести штыков, возглавил Гринберг. Богдан с Силой вошли в его состав, однако воевать им не пришлось — в Ягодном красных ждала засада. Гринберга убили на въезде в село, остальных бойцов окружила толпа убого одетых крестьян. В мужицких лицах было нечто такое, что красноармейцы предпочли не стрелять, а отдать оружие.

— Тюньиа, драпать нам надоть, — сказал дядь- Сила. — Постреляют нас здесь, как куропаток. И ладно, если постреляют, а ну как на вилы поднимут? Драпать!

— Куда же драпать?

— А все равно, лишь бы отседа подальше. Ну, дунули!

Никогда бы Богдан не подумал, что у Силы, которому далеко за полтинник, такие быстрые ноги. С задранными полами старой солдатской шинели он бежал в сторону леса, взбивая плотный мартовский снег, словно пуховую перину. Богдан едва поспевал за ним и не слышал за спиной ни выстрелов, ни криков, ни проклятий. Он пообещал себе: если спасется — ну ее, к богу в рай, эту войну.

Он спасся.

Но слова не сдержал.

ЗИМА-ВЕСНА 1919 ГОДА

Колчак

Зима подходила к концу, солнце все увереннее и раньше выбиралось на небосвод. Александр Васильевич Колчак, ожидая начальника разведки с таинственным эмиссаром не то из Азии, не то из Африки, пил чай с главой штаба, генералом Лебедевым, и глядел в окно. «Скоро вторая после революции весна, обновление природы, — думал Колчак. — Кто знает, может, с этой весной народ России одумается и стряхнет с себя большевистскую коросту?»

Штаб только что завершил планирование крупномасштабного наступления на большевиков. Александр Васильевич возлагал на это наступление большие надежды. Смести всех красных, как весенний паводок, смыть обратно в Европу, откуда они пришли.

В дверь постучали.

— Войдите.

На пороге появился начальник Разведывательного отдела капитан Симонов.

— Господин адмирал, разрешите?

— Проходите.

Вслед за капитаном вошел странный человек: высокий, сутулый, в пенсне, слегка подтанцовывающий какой-то лишь ему одному слышной музыке. Потом адмирал поймет, что у его гостя была болезнь святого Витта.

— Знакомьтесь — господин Иванов, — представил спутника капитан.

«Господин Иванов» поклонился. Его усики и борода агрессивно топорщились, запотевшее пенсне съехало на нос, пухлые щеки алели с мороза.

— О чем вы хотели нам сообщить, господин Иванов? — спросил Александр Васильевич.

— О вещах в высшей степени странных, — сказал «Иванов» по-немецки.

Через пять минут Колчак решил, что «Иванов» не совсем правильно изъясняется на языке Гете. Гость говорил о вещах вопиющих и возмутительных по глупости и пошлости.

Якобы существуют силы, природа которых человеческому разуму неподвластна, но это не та эзотерическая ерунда, которой увлекалась супруга последнего российского императора, а нечто совсем другое, настоящее.

«Иванов» показал выполненные карандашом эскизы предметов, изображающих разных животных. Там были орел, слон, носорог, лев, скорпион и прочие, которых Александр Васильевич не запомнил.

Гость рассказывал, что такие предметы дают владельцу необычайные свойства, иногда — полезные, иногда — не очень.

По его словам, один из таких «зверей» есть у некоего Чепачева, красного командира. Его талисман, лев, вселяет в хозяина беспримерную храбрость и презрение к смерти. Благодаря леву Чепачев стяжал славу выдающегося полководца.

— Что за чушь! — воскликнул Колчак. — У нас здесь что — спиритический сеанс? Или, может, вы меня хотите водить за нос, как Распутин императора? Так вот, этого не будет. Прекращайте балаган.

— Александр Васильевич, — мягко, но непреклонно сказал начальник разведки, — я понимаю, что сведения противоречивые и даже неправдоподобные...

— Это бред! Полный бред!

— Но один такой предмет имеется у господина Иванова.

«Господин Иванов», до сих пор теребивший серебряную цепочку от часов, вытянул из кармана металлический брелок, с виду напоминавший не то белку, не то бурундука. В воздухе пронеслась нотка какого-то странного зловония, сначала легкая, но за мгновение набравшая силу. Воздух стал тяжелым, как в нужнике в летний день, дышать стало невозможно, смрад навалился со всех сторон. Все присутствующие, кроме «Иванова», бросились к окну, но тотчас вонь сменилась едва заметным ароматом сирени.

— Что... это? — спросил начштаба, когда способность дышать вернулась.

— Это скунс, американская вонючка, — ответил «господин Иванов». — Предмет, который позволяет изменять состав воздуха. На небольшом расстоянии, к сожалению. Запах и состав воздуха могут стать любыми, лишь бы человек мог их представить.

Александр Васильевич казался подавлен: каким нужно быть человеком, чтобы представить зловоние такой силы?!

— Я сожалею, что мне пришлось столь варварским способом демонстрировать возможности талисмана, — продолжил «Иванов», угадав мысли Колчака. — Этот запах преследует меня с тех пор, как я сидел в невольничьей яме в Средней Азии. Использование артефакта — всегда стресс для нервной системы, и пока не возьмешь под контроль воспоминания, наружу рвутся самые сильные из них. Надеюсь, сейчас, когда вы убедились в правдивости моих слов, мы можем продолжить?

«Иванов» предложил внедрить в дивизию Чепачева агента, который сможет добраться до артефакта.

— Если лев попадет к вам, ситуация на фронтах изменится самым кардинальным образом.

— Вот так — без людей, без кадров, без ресурсов? — усмехнулся Колчак. — По щучьему велению?

— Александр Васильевич, вы видели, что творит скунс, а ведь это, в общем, весьма бесполезный артефакт, ибо на больших площадях неэффективен. Если бы он умел менять состав воздуха на всем поле боя, я бы мог представить, например, иприт и выйти один против нескольких тысяч солдат.

— Иприт? Это же аэрозоль...

— Тем не менее я способен на это. Именно так я покинул ту яму.

Присутствующие поежились.

— Не стоит бояться, господа, — улыбнулся «Иванов», — если бы я хотел вас отравить, сделал бы это сразу. Надеюсь, это подтверждает мои самые искренние намерения помочь. Что касается вашего сомнения, Александр Васильевич, то могу сказать, что некогда лев принадлежал *вашему тезке* Александру Великому и вы прекрасно должны знать, каких успехов он добился. Итак, свою миссию я считаю выполненной, разрешите откланяться.

«Господин Иванов» откланялся и вышел.

Какое-то время все сидели тихо, пока Колчак не нарушил молчание:

— Кто мне объяснит — что это было?

Фрунзе

Партизанские методы и строптивый нрав Чепачева не раз выводили командарма из себя. Слишком долго Чепачев играл в разбойничью вольницу, слишком многое брал на себя. Окруженный ореолом липовой славы, начдив Чепачев уверовал в свою исключительность и вступал с командованием в

пререкания по самому ничтожному поводу, подтверждая славу независимого командира. И все ему сходило с рук, потому что он был эффективен.

Вскоре и другие командиры стали коситься — Чепaeву можно, а нам нельзя? Долго так продолжаться не могло. Фрунзе попытался вывести строптивца из игры, отправив сначала на курсы в Генштаб, а потом оставив томиться в тылу: мол, поутихнет боевая слава, тут мы его и снимем.

Отказ Второй Николаевской дивизии участвовать в подавлении Сенгилеевского бунта как нельзя лучше соответствовал ожиданиям Михаила Васильевича Фрунзе, и он отправил в Реввоенсовет рапорт о неподчинении Чепaeва.

Однако приказа о снятии Чепaeва с должности не прислали. Вместо этого к Фрунзе приехал председатель Реввоенсовета — Лев Давыдович Троцкий.

— Товарищ Фрунзе, я сейчас с тобой буду говорить о вещах секретных, — сказал он командарму и жестом предложил присесть — мол, иначе упадешь. — Ты уверен, что не испугаешься? Круг информированных лиц очень узок — Ильич, я, Дзержинский, Петере и Вацетис.

— Я не робкого десятка, товарищ Троцкий.

— Знаю, Михаил Васильевич, знаю. Но тут все слишком, понимаешь... — Лев Давыдович покрутил кистью руки в знак неопределенности материй, о которых предстоит вести речь. — В общем, я сам сначала не поверил.

— Что, святой Грааль?

— Почти угадал. Ну, если ты с такой иронией относишься к Граалю, слушай.

Троцкий рассказал невероятную историю о загадочных артефактах, способных полностью изменить жизнь человека. Эти предметы якобы наделяют хозяев небывалыми силами, позволяют управлять людскими массами и законами природы. Они настолько могущественные, что их изображали на гербах разных стран и знатных фамилий.

— Что за поповщина?! — возмутился Фрунзе.

— Поповщина, говоришь? — усмехнулся Троцкий. — Я тоже так думал.

По словам Троцкого, волшебный амулет есть у Ильича, который на спор убедил Троцкого и Дзержинского, что дважды два — пять.

— Уверяю тебя, мы с Феликсом Эдмундови- чем несколько минут были уверены, что он прав. И вот еще странность — когда Ильич своим предметом пользовался, у него глаза становились разного цвета. Один был зеленый, второй — голубой. Не веришь? Твое дело, не верь, но информация секретная. Теперь о главном. С момента образования ВЧК работает отдел по поиску этих самых предметов. Чем больше республика получит их, тем сильнее она станет. И, Михаил Васильевич, к чему этот разговор. Чепaeв твой обладает предметом. Судя по агентурным данным, львом — великой силы амулетом.

— Что же эта вещица делает? — усмехнулся Фрунзе.

— Дает совершенное бесстрашие. И солдатам Чепaeва тоже помогает. Смотрят они на Чепая, рвущегося в бой, и рвутся за ним, те за этими, следующие за теми и так далее. А на выходе получается отряд, который не боится смерти! Ты понимаешь, какие преимущества у тех, кто не боится смерти?

Фрунзе понимал. Он сам участвовал в боях и прекрасно помнил то упоение силой, когда смерть уже не страшна и можно делать все, что хочешь. Такое с ним случалось нечасто, но все же бывало. И он знал, что чувство всемогущества — пусть ложное, созданное подавленным инстинктом самосохранения — способно творить в бою чудеса.

— Представил армию, которую ведет лев? — усмехнулся Троцкий. — Это полезно, фантазировать. А между прочим, львом обладал Александр Македонский. Все мы хорошо помним, каких результатов он достиг. Теперь — у Чепaeва.

— Такой могучий предмет в руках мужлана? — сморщился Фрунзе. — Забрать к чертовой матери...

— А вот торопиться не надо, — предостерег председатель Реввоенсовета, — не надо! Ну как твой Чепaeв знает, откуда у него такая сила и любовь народная? Ты что думаешь: он вот так легко отдаст тебе то, без чего он — отставной козы барабанщик? Тут надо действовать очень осторожно.

— Да откуда вообще известно, что у Чепaeва именно эта... этот лев? Ерунда же на постном масле! Откуда?

— Агентурные данные, Михаил Васильевич, агентурные данные. Откуда к нему попал талисман, нам самим не понятно, да и неважно это. А вот люди, которые видели льва, нашлись. Некоторые сами сообщили, некоторым приходилось языки развязывать. Но главный свидетель — бывшая жена Чепая, Пелагея.

— Где вы ее откопали?

— В монастыре одном пряталась. Красивая баба, между прочим.

— От кого пряталась-то?

— Вот тут самое интересное. Сначала она жила у родителей Чепая, а потом вдруг детей забрала — и уехала. Мы спрашиваем: почему уехала? Она сказала, что мужа испугалась, он-де в последний раз, когда с фронта приезжал, сам не свой был. Глаза, говорит, разные стали, как у колдуна, зеленый да голубой, и вместе с крестиком на груди — талисман железный. Стали спрашивать, что за талисман. Она на бумажке и нарисовала.

Троцкий положил перед Фрунзе какой-то клочок бумаги, на котором химическим карандашом была начертана козья лапка, отдаленно напоминающая сидящего льва.

— И что мне со всем этим делать? — спросил Михаил Васильевич.

— Это уже ты думай, — Троцкий лучезарно улыбнулся. — Я тебя в курс дела ввел, дальше сам соображай. Попадет лев к тебе — пользуйся, нам сильная армия нужна. Но если ошибешься, и лев уплывет к белым — поблажек не жди. Все понял? Тогда успехов тебе, Михаил Васильевич. И помни — это государственного значения тайна, не разболтай!

С этими словами Троцкий покинул кабинет Михаила Васильевича, оставив командарма один на один с полученной информацией.

Думал Фрунзе долго, ошибаться не хотелось. Он не верил во всю эту галиматью с волшебными предметами. Может, под артефактами подразумевалась некая стратегическая информация, которую невозможно взять с боем? Хотя тогда зачем Троцкому сочинять про каких-то львов? Сказал бы прямо, без экивоков.

Когда голова уже заболела от мыслей о Чепая, и Фрунзе был готов плюнуть на осторожность и снять начдива, решение вдруг пришло само собой. Не получается придумать силовую операцию по изъятию чертова артефакта? Так надо заслать к Чепая агента, а лучше — двоих, чтобы хоть у кого-нибудь получилось. Пока дивизия Чепая стоит в Николаевске, своих людей к нему не приставишь — он к чужим подозрителен. А вот если отправить начдива в Александров Гай формировать новые части для наступательной операции, ему неминуемо придется брать незнакомых людей.

Когда эта мысль осенила Фрунзе, у него будто гора с плеч свалилась. Он радировал Троцкому, что приступает к операции «Лев».

Оставалось найти надежного агента.

Ёжиков

Последней каплей в чаше терпения командующего армией стал резкий отказ Чепая выдвинуть дивизию в Симбирскую губернию для подавления крестьянского бунта. Этот расклад даже политически безграмотный поймет, не говоря о политработнике Ёжикове.

Что стоило начдиву поднять свою дику дивизию и утопить кулаков в их собственной крови? Но вместо выполнения приказа Чепая продикувал шифровальщику такое послание, от которого даже ординарец Василия Ивановича, Петя Исаев (который сам от сохи и погибал на учениях такие рулады, что мухи дохли) густо покраснел. Самое мягкое выражение, которое использовал начдив, было «любитеесь конем».

— У меня половина личного состава из тех мест, мать их так, — бушевал Чепая. — Они что, хотят, чтобы вся дивизия взбунтовалась? Я им покажу! Собрались, понимаешь, золотопогонники в Реввоенсовете, против своих же воевать заставляют! Да я Ленину! Лично Ленину жаловаться буду! К стенке этот Реввоенсовет!

Реакцию штаба ждать пришлось недолго: Фрунзе пригрозил трибуналом и прочими страшными карами, намекнув, что в селе Балаково стоит небольшой отряд чекистов, как раз по соседству с домом Чепaeвых.

Василий Иванович радировал: «Только попробуйте!» Штаб армии замолчал. Это вовсе не означало, что Фрунзе сдался. Возможно, он уже отдал приказ взять семью Чепaeва под стражу.

Василий Иванович с каменным лицом ждал ответа. Наконец радиостанция ожила — командующий отдал начдиву приказ оставаться в Николаевске до особого решения Реввоенсовета.

— Я вам еще покажу... — зло прошипел Чепaeв и вышел прочь, хлопнув дверью.

Реввоенсовет долго принимал решение. Уже подавили бунт в Сенгилее и окрестностях, уже сошел снег, а дивизия по-прежнему стояла на квартирах в Николаевске. Назначенный комиссаром внутренних дел в уезде, Чепaeв терпеть не мог этой должности. Стихией Чепaeва был бой, открытое столкновение противников, а тут приходилось следить за соблюдением законности. А какая может быть законность, когда у каждого есть если не винтовка, то наган или обрез, а у некоторых — и «максим» на сеновале?

Все решалось по законам военного времени. Чепaeва не оставляло чувство, что расследования и дела шились белыми нитками, и нельзя было дознаться — виноватый ли к стенке встал или просто тот, кто под горячую руку попался.

Сегодня, по счастью, обошлось без расстрельных дел. «Форд» мчал Чепaeва с митинга в штаб. Рядом сидел Ёжиков, явно недовольный очередным выступлением начдива.

— Ну, чего насупился, комиссар?

— Вы, Василий Иванович, будто не в Генштабе учились, а в церковно-приходской школе, — фыркнул комиссар.

— Что опять не так?

— Да все у вас одно и то же: пустая говорильня. Что красный боец вынес из вашей речи? Я сам ничего не понял, хотя реальное училище заканчивал.

— А чего им нужно понимать, скажи мне, мил человек? Врага они знают? Знают! Шашкой махать умеют? Да лучше меня умеют! Тут главное — боевой дух поддерживать в боях. Такие речи — они самое то! Комиссар у нас ты, вот и рассказывай им про политику и прочее, а я им отец родной, бойцы над речами командира думать не должны.

Василия Ивановича понесло, он высказал дивизионному комиссару все, что думает: и про то, что его боевое формирование не на фронте бьется, а сидит в тылу и разлагается в плане дисциплины; и про то, что кто-то пустил нехороший слух, будто дивизию вообще расформируют за неподчинение Реввоенсовету; и про кулацкий бунт в Сенгилее.

— Я как мог умалчивал про это дело, чтобы мои не взбунтовались, а какая-то тварь все равно разболтала. Это какой там кулацкий бунт, в Сенгилее-то?! Десять раз продналог собрали с одних и тех же — это вам не кулацкий, это голодный бунт. Чем крестьянин землю засеять будет? А если бы мои орлы взбунтовались и пошли против власти?

— Контрреволюционные вещи говорите, товарищ Чепaeв, — попытался возразить Ёжиков.

— Чего?! Говорю?! Ладно, любись оно конем, говорю — значит, говорю. Зато не делаю! А остальные-то, погляди, так и бросились в Сенгилей! Вот это и есть самая опасная контрреволюция — своих бить.

— Кулаки утаивали продукты. Голод в стране.

— А у них — не голод? Ты на земле-то жил, комиссар? Лебеду жрал?

— В Питере дети умирают!

— А если крестьянин помрет, кто к сохе встанет? Дети из Питера?! А, что с тобой говорить! — Чепай махнул рукой. — Нахлобучили тебя, политически грамотного, на мою голову, а сейчас еще и начальника штаба какого-то нового прислали, не знаю даже, что за тип, любись он конем.

Ругань стихла сама по себе. Чепай был как сухая солома: распалялся моментально, жарко горел, а потом дунул ветер — и даже пепла не осталось.

Ёжиков стоически вынес отповедь. Он знал, что часы начдива сочтены, что по прибытии в штаб его арестуют, отдадут под трибунал и, скорее всего, расстреляют. Все высказывания Чепaeва комиссар записывал и дословно передавал наверх. Для этого Фрунзе и прислал Витю Ёжикова комиссаром в ди-

визию Чепая. Каким бы эффективным ни казался чепаевский партизанский метод, такого отчаянного вольнодумца на передовой долго держать не могли: того и гляди, переметнется к белым.

Комиссар никак не мог понять, как этот неотесанный чурбан завоевал славу народного героя и заступника, лихого командира, не знающего, что такое поражение. Василий Иванович был демагогом и смутьяном, скандалистом и матерщинником, и даже трехмесячные курсы в Генштабе его не изменили. При этом бойцы обожали начдива, командиры были преданы ему, будто собаки. Даже гражданское население, настроенное против красных, уважало чепаевцев и никогда не отказывало в провизии и ночлеге.

Впрочем, уже неважно: секретная шифрограмма, полученная Ёжиковым накануне, сообщала, что на днях прибудет новый начальник штаба дивизии. Этот начальник уполномочен заменить начдива, и Ёжикову предписывалось оказать содействие в смещении Чепая. Видимо, придется поить штаб, чтобы вязать Чепая пьяным, иначе может случиться конфуз.

В штабе было тихо: часовой стоял навтыжку и глазел в пустоту, явно спал, зараза, радист задумчиво грыз карандаш, наблюдая, как ползают по антенне мухи, ординарец нагло валялся на старой софе, подмыв под голову папаху. В воздухе витал запах несвежих портянок.

— Подъем! Белые! — злобно гаркнул Чепай на ухо Петьке.

Петька подскочил, потянулся сначала за шашкой, потом за наганом, но оружие лежало на столе и дотянуть до него он не мог.

— Опять ночью по бабам шляется! — Чепай метал громы и молнии. — Под трибунал пойдешь, шельма!

Петька заметался еще отчаянней, запнулся о сапоги, полетел кубарем на пол, вскочил, едва не забодаяв Ёжикова, и выбежал в двери.

— Вот! — рявкнул Чепай Ёжикову. — Вот что значит — в тылу стоять. Распустились! Вот она — контрреволюция, похуже всяких колчаков и Деникиных! Что молчишь?! Где твой казачок засланный?!

— Здесь казачок, — раздался с улицы спокойный, полный достоинства и собственной значимости голос. В коридоре слышались шаги. Шел гость как на военном параде — шаг четкий, грудь колесом.

— Здравия желаю, — громко сказал он, щелкнув каблуками и звякнув шпорами на манер золотопогонников.

Чепай пристально смотрел на прибывшего.

— По приказу Реввоенсовета и при согласовании с командующим Четвертой армией Фрунзе прибыл для исполнения обязанностей начальника штаба Второй Николаевской дивизии...

«Идиоты, — подумал Ёжиков. — Какие в штабе армии сидят идиоты, и в Реввоенсовете тоже! Прислать бывшего золотопогонника начальником штаба в дикую чепаевскую дивизию?! Да этого начштаба сейчас же на ментики порвут! Лицо надменное, форма новая, глаженная, с ромбиком комбрига, сапоги блестят, фуражка со звездой, усищи тараканьи...»

— Ночков, — сказал Чепай.

— Он самый, — ухмыльнулся новый начштаба.

— Любись ты конем, сам Ночков! Тебя не расстреляли, Ночков?

— Расстреляли, но промахнулись, — начштаба свободно, будто на минуту выходил, прошел в комнату, и они крепко обнялись с Василием Ивановичем. — А ты, гляжу, из фельдфебелей высоко приподнялся, — Ночков взял начдива за плечи и отодвинул от себя. — Наслышан, наслышан! Ох, и худой ты, брат, смотреть страшно. Ну что, будем опять вместе воевать?

— Твою мать, Ночков... — у Чепая не хватало слов, он разевал рот, как рыба, брошенная на дно лодки. — Я ж думал — тебя тогда...

— Многие так думали, — отмахнулся Ночков. — Потом все расскажу. Тебе, Василь Иваныч, пакет.

С этими словами начштаба отстранился, вытащил из планшета желтый конверт с сургучными печатями и вручил начдиву. Чепай немедленно вскрыл депешу, прочитал и сказал:

— Ну что, товарищ комиссар, пакуй вещи, едем в Самару.

Затем выглянул в окно и крикнул:

— Исаев! Петька! Живо надевай портянки и всех командиров ко мне. Дело будет!

Как ни пытался Ёжиков улучшить минутку и перекинуться парой слов с начштаба, Ночков увиливал от разговора. Ёжиков бегал туда-сюда, путался под ногами, но сказать, что он — тот самый Ёжиков, который должен во всем помочь, никак не получалось.

Между тем Петька, даже не забрав сапоги, оповестил командиров, и те собрались в штабе аккурат перед обедом. Василий Иванович облокотился о стол и сказал:

— Я и комиссар отправляемся сейчас в Самару, получать инструкции и карты у командарма. Вы вместе с новым начальником штаба — встань, Сергей Иванович, пусть тебя все видят, — так вот, вместе с начальником штаба выдвигаетесь сейчас же в Александров Гай. Там, скорее всего, будет переформирование, а после — на фронт. Я вас в Алтае догоню...

Во всей дивизии началась суета: крики, приказы, конское ржание и веселые матерки бойцов. Начдив с комиссаром сели в драндулет и поехали.

Василий Иванович весело поглядывал по сторонам, а Ёжиков мрачно думал, что его хотят подвинуть. Его, стопроцентного пролетария! И кто? Бывший царский военный специалист Ночков! Пролез, понимаешь, без мыла, подправил, видать, документики. Ишь, нарисовался, белогвардейская морда...

— Ты кого мордой назвал? — спросил Чепаев.

— Да так... неважно, — ответил Ёжиков и отвернулся.

— Да ты не сердись, комиссар, — примиряющее сказал Чепай, воспрянувший и радостный после встречи с новым начштаба. — Ночков, конечно, царский офицер, и сукин сын порядочный, но за справедливость всегда стоял горой. Я с ним в Галиции под одной шинелью спал, когда в разведгруппе служили. Ни одного солдата под пулю не подставил, если приказывал — только то, что по силам солдату. Настоящий боец. И, между прочим, он был из вольноопределяющихся, не аристократ. Не то студент какой-то, за бузу отчисленный, не то еще что-то, не упомяну сейчас. Так что не буржуй он, как бог свят — не буржуй. Сам за него поручусь, сам на смерть пойду!

Ёжиков сделал вид, что проникся искренностью начдива, понимающе кивнул и натянул козырек на нос, вроде бы спать собрался. Чепаев пожал плечами: не хочешь — не слушай. Ему было жалко Ёжикова.

Ночков, проигнорировавший комиссара, нашел минуту, чтобы поговорить с Василием Ивановичем. Сразу после собрания командиров начштаба вполголоса сказал ему:

— Ты там держи ухо востро. Фрунзе на тебя шибко сердит, да только руки у него короткие, чтобы до тебя дотянуться. Но комиссара все равно поменять хотят, еврейчика какого-то, Фурман фамилия. Себе на уме, говорят, типчик.

Чепаев вздохнул. Ёжиков тоже себе на уме, но к нему начдив уже привык. Комиссар — как заноза в заднице, а новый комиссар — цельная клизма! Ну, спи, Ёжиков, может, тебе в другом месте повезет.

Ёжиков не мог заснуть, в голове у него роились мысли одна другой злее. Комиссар понимал, что в Самаре Чепаева возьмут под арест, а его заставят писать рапорт о контрреволюционной деятельности Василия Ивановича. С одной стороны, слыть доносчиком не хотелось. С другой — слишком уж самонадеянным и гордым был начдив, и его спесь с самоуверенностью выводили комиссара из себя.

«Ничего, — думал Ёжиков, — ну, перекинут меня в другую часть. Да хоть к тому же Сапожкову! Там развернусь, обо мне еще услышат. А Чепаев... хрен с ним, с Чепаевым. Таких, как он, на ярмарке по дюжине за пятак дают. Сейчас пусть хорохорится. В ЧК, небось, по-другому запоем».

Фурман

— Товарищ Фурман?

— Так точно.

— Товарищ Фрунзе ждет вас.

Митя с легким замиранием сердца вошел в кабинет командарма.

Фрунзе оказался бритым налысо усатым приятным человеком. Когда Митя появился в дверях, Михаил Васильевич встал, широко улыбнулся, обнажив крупные прокуренные зубы, и пошел навстречу молоденькому комиссару, который и пороху-то еще не нюхал.

— Здравствуйте, товарищ Фурман. Как добрались?

— Здравствуйте, товарищ Фрунзе. Спасибо, хо...

— Присаживайтесь. Сейчас будем пить чай.

Открылась дверь, появился секретарь с серебряным подносом, на котором стояли два стакана чая, сахарница с кусковым сахаром, щипчики, ложечки. Секретарь оставил поднос на столе и вышел.

— Угощайтесь, это настоящий чай, не морковный, — пригласил Фрунзе.

Митя был голоден. Всю пайку он отдал замур-занным беспризорникам на вокзале еще в Москве, в животе урчало. Он не заставил просить себя дважды, тем более что к чаю были грудой насыпаны ржаные сухари.

— Итак, — Фрунзе уселся напротив гостя и чинно отхлебнул из стакана. — Вы закончили курсы политработников?

— Так точно.

— И рветесь на фронт?

— Так точно!

— Прекрасно. Ваша анкета мне сразу понравилась. Как вы смотрите на то, чтобы стать бригадным комиссаром?

По счастью, Митя уже проглотил размоченный в сладком кипятке сухарь и не подавился.

— Бригадным?!

— Поймите, у нас жестокая нехватка кадров. Если в малых подразделениях политработников еще могут подменять краскомы, то в крупных соединениях эти должности пустуют. А нам очень нужен комиссар в формируемой в Алгае бригаде. Вы понимаете меня?

— Я готов, товарищ Фрунзе.

— Прекрасно. Товарищ Чепаяев, будущий командир бригады, будет здесь с минуты на минуту.

Чепаяев? — изумился Митя. — Тот самый, который...

■ — Да-да, тот самый, который... Хотя надо сказать, что слава товарища Чепаяева все же несколько преувеличена. В связи с этим я и вызвал вас к себе.

Фурман, подавив внутреннее волнение, обратился в слух.

— Видите ли, Дмитрий Андреевич, товарищ Чепаяев в последнее время несколько... хм... оторвался от действительности. Он слишком уверен в том, что его рабоче-крестьянское происхождение — залог его победы и успеха в боях. Не любит военспецов, перешедших на сторону советской власти, не любит интеллигенции, вообще подвержен множеству предрассудков. Ваш предшественник, товарищ Ёжиков, не раз указывал Василию Ивановичу на недопустимость такого поведения. Красному командиру недостойно быть таким ограниченным, понимаете?

Митя истово кивал.

— Так вот, у меня к вам просьба — начните работу именно с товарища Чепаяева. Вы же на филолога учились? Привейте товарищу Чепаяеву любовь к слову, к искусству, к знаниям. Покажите, что жизнь — это не только конная атака. Возьмите его в духовный плен. Вы меня понимаете?

— Так точно, товарищ Фрунзе.

— Вот и отлично. И еще. Есть у Василия Ивановича странность одна — не расстается он с одной безделушкой, талисманом в виде льва. Он уверен, что именно этот талисман приносит ему победу. Надо как-то его от этой поповщины отучать. Как только представится удобный случай — заберите у него эту вещь. Заберите и припрячьте. Конечно, он сначала нервничать будет, но потом... ну, вы понимаете.

— Так точно.

В дверь постучали, появился секретарь:

— Товарищ Фрунзе, там Чепаяев. Запускать?

Фрунзе лукаво посмотрел на Митю и громко сказал:

— Запускайте.

Дзержинский

Яков Петере, заместитель председателя Всероссийской чрезвычайной комиссии, вошел в кабинет Феликса Эдмундовича без стука.

— Что у тебя? — спросил Дзержинский, не отрываясь от вороха бумаг.

— Пришла первая шифровка от Белого.

— Внедрился уже, значит?

— Так точно.

— Читай.

Петере достал из папки шифровку и прочел:

— «Сижу на вокзале. Народу много. Бога нет».

— Чего?

Петере повторил.

— Что это за галиматья?

— Кодовые фразы.

— А на нормальный язык перевести?

— Э... Внедрился, подозрения не вызываю, объект пока не найден.

— Как мне эта конспирация надоела, Петере. 15 следующий раз давай без усложнений.

— Есть.

— И эти «есть» брось, не на людях. Как думаешь, справится Белый с заданием?

— Он заинтересован, Феликс.

— Кровно заинтересован?

— Материально.

Дзержинский поморщился.

— Плохо это. Заинтересованность должна быть кровной. Материальное — это пыль, прах. Как там у Некрасова? «Умрешь не даром: дело прочно...»

— «...когда под ним струится кровь», — закончил Петере.

Дзержинский замолчал, погрузился в раздумья.

— Ладно, Яков, ступай. Пусть Белый делает свою работу, сообщай мне только тогда, когда будут подвижки.

Петере, не прощаясь, вышел из кабинета. Дзержинский снова погрузился в чтение.

Операция началась.

ЛЕТО 1919 ГОДА

Астрахань

Башка болит, рубаха вся заблевана, руки холодные трясутся, колени дрожат, сердце колотится... Опоила, ведьма, как есть — опоила.

Лёнька оперся о стену. Ох, как сильно качается стена! Колени ходуном ходят, мутит, пол прыгает то вверх, то вниз. И главное — народ кругом, много народу, и каждый норовит пихнуть — кто плечом, кто котомкой, кто ящиком. Пахнет ржавой водой, углем, креозотом... Никак вокзал?

Проходивший мимо старик, чистый и отутюженный так, словно на фотокарточку сниматься надумал, остановился и посмотрел в лицо Лёньки.

— Аристарх, что вы здесь делаете? — спросил он. — Да еще и в таком виде?

Лёнька попытался ответить, что он никакой не Аристарх, но язык распух и мешал говорить.

— Вы пьяны? — рассердился старик. — Позор! Какое счастье, что ваш покойный папенька не видит, как вы опустились. У вас еще молоко на губах не обсохло, а туда же...

Молоко... Точно — молоко! Лёнька еще подумал — странный у него вкус, не скисло ли? А мачеха, видать, туда отравы какой-то ухнула, не пожалела. И что теперь? Долго он тут валялся? И главное: где это, тут?

— Где... я... — не своим голосом спросил Лёнька.

— Известно где — в Астрахани. Полно, да вы ли :>то, Аристарх?

— Астрахань? А как же я здесь... — глаза Лёньки закатились, и он снова потерял сознание.

Лёнька

Ехали они в Саратов, к брату мачехи. Отец на фронт ушел, с белыми воевал, Лёнька остался в Тихвине с мачехой и сводными братьями. Оно, конечно, и в Тихвине было неплохо. Лёнька работал в типографии наборщиком, хоть что-то домой приносил, да только мачеха все равно была недовольна.

Друзья много раз говорили — оставь ее, живи сам, да только не мог Лёнька уйти, потому как обещание отцу дал. Братьям-то всего по два года, оставить малых не с кем. Мачеха домашние дела делала, Лёнька семью кормил. Очень ему братья полюбились, он бы и сам с ними сидел, если бы мачеха работать пошла. Но Лёньке больше платили, так что приходилось горбатиться.

Вдруг типографию закрыли, сказали — переводят в Новгород. Мачеха узнала, запричитала: по миру пойдем, с голоду помрем. Лёнька сказал, что не пропадут, можно и самим в Новгород податься. Тут мачеха вспомнила, что у нее в Саратове брат живет, авось не прогонит.

Сели на поезд, поехали. До Москвы быстро добрались, за день, а вот после хуже пошло, день едут — два стоят. Эшелоны на фронт идут, пути для них освобождают. Лёнька по сторонам поглядывает, да полу пиджака придерживает — у него там деньги зашиты. Мачеха туда-сюда шныряет — то молока малым купить, то снеди для себя и Лёньки. Но чем ближе к Саратову, тем нервнее становилась мачеха, шикала и на пасынка, и на своих. Видимо, боялась, как ее брат встретит.

Лёнька, по правде говоря, тоже боялся. Он бы лучше добровольцем в армию ушел, да годов пока не хватало. Лёньке семнадцать только в декабре должно было исполниться. Сам он ростом невелик, годков не прибавишь — не поверят. Сбежал бы из дому, да слово перед отцом сдержать хотелось.

Перед самым Саратовом мачеха вдруг успокоилась, повеселела и даже предложила Лёньке допить молоко — осталось много, а выливать жалко. Вот он сдуру и выпил. Что потом было, уже не помнил, будто все белесой пеленой затянуло. Скорее всего, в Саратове мачеха спихнула с себя лишнего едока, посадила на случайный поезд, и уехал Лёнька в Астрахань.

Камызяк

Способность нормально соображать вернулась к Лёньке ночью. Едва слышный плеск волн и качка подсказали, что кругом вода. Лёнька резко сел.

— Очнулся? — спросил сидевший рядом.

— Ты кто?

— Не «ты», а «вы», — поправил невидимый сосед.

Голос показался Лёньке знакомым. Не тот ли это дед, который на вокзале с ним разговаривал?

— Это ты... вы ко мне на вокзале подходили?

— Я. Ты невероятно похож на одного моего знакомого, сына моих друзей. Хотя сейчас заметно, что к фамилии Иванову не имеешь никакого отношения. Как звать тебя, отрок?

— Лёнька.

— Леонид. А фамилия?

— Пантелкин.

— Прекрасно. Меня зовут Евгений Тарасович Вяземской.

«Во попал, — подумал Лёнька. — Ладно — Астрахань, там наши, красные. Но угораздило столкнуться с контрой!» В том, что Евгений Тарасович был контрой, сомневаться не приходилось — говорок у него был самый что ни на есть буржуйский.

— Вероятно, тебя интересует, куда мы плывем и почему я взял тебя с собой, а не бросил подышать на вокзале?

Лёнька кивнул — мол, чего там, действительно, интересно, какого лешего этому Евгению Тарасовичу понадобилось тащить за собой пролетария.

— Ты был очень плох, и я не сразу понял, что ты не тот, за кого я тебя принял. Извини.

Вяземской

Новую власть Евгений Тарасович, бывший директор гимназии, не признавал. Он был убежденным кадетом и переворот воспринял как личное оскорбление. Чем больше большевики говорили о социальной справедливости, тем непонятнее Евгению Тарасовичу становились все те бесчинства, что творились в городах и весях. Насилие — это не тот метод, которым можно построить справедливое демократическое государство.

Насмотревшись на ужасы красного террора, Евгений Тарасович решил покинуть страну и предположил, что проще всего это сделать через Каспий: сначала в Баку, потом через Закавказье в Турцию, а оттуда — в Европу, например в Швейцарию.

Вяземской не был богат, все его состояние заключалось в книгах и в золотом брегете, подаренном по окончании университета отцом. Но Евгений Тарасович был прекрасно образован, знал основные европейские и несколько тюркских языков, изучал китайский с японским и надеялся, что сумеет прожить остаток жизни хотя бы переводами. У Вяземского не было семьи, и теперь ни от кого не зависящий бывший директор гимназии готовился начать новую жизнь.

Каково же было его удивление, когда на вокзале к толчее он вдруг увидел Аристарха. Евгений Тарасович и вправду сначала не понял, что пьяный подросток — это не сын Петра Петровича Иванопуло, преподавателя греческого языка, уважаемого и образованного человека, ближайшего своего друга.

Вяземской полагал, что вся семья Иванопуло сгинула во время беспорядков, по крайней мере, он сам видел, как полыхал дом Петра Петровича, и слышал душераздирающие крики изнутри.

Бывший директор посчитал своим долгом забрать с собой несчастного юношу.

В рыбацком поселке, куда Вяземской притащил полуобморочного Лёньку, выяснилось, что юноша хоть и несчастный, но вовсе не тот, за кого его принял Евгений Тарасович. Обычный мальчишка из рабочей среды. Что было делать, бросать его? Парень жестоко отравился. Правда, неясно было, чем — алкоголем от него не пахло. Никто в поселке не хотел оставлять подростка у себя. Ну как помрет, куда его девать? Так что пришлось Вяземскому тащить мальчишку с собой.

— Так я теперь еще и спасенный?! — возмутился Лёнька. — Может, мне еще и спасибо сказать?!

— Принуждать тебя к этому я не буду. Ты можешь вернуться, я не держу тебя.

— Вернуться?

— Человек, который перевозит нас, зарабатывает на этом деньги. Он вывозит из Астрахани к Каспию тех, кому не по пути с большевиками. В Камызяке будет остановка, там и сойдешь.

— А этот Камызяк — наш?

— Чей?

— Красный?

— Не знаю. Сейчас ни в чем нельзя быть уверенным.

Лёнька отодвинулся от контры Вяземского и опять провалился в сон.

Проснулся он от легкого толчка — ботик причалил к пристани.

— Это Камызяк? — спросил Лёнька у темноты.

— Камызяк, — ответила темнота незнакомым голосом.

Лёнька вскочил и побежал к трапу.

— Ты куда, пацан? — донеслось сзади. — До Каспия еще далеко.

— Сами драпайте, а я остаюсь, — огрызнулся Лёнька и соскочил на деревянные мостки.

Ботик, обиженно выпустив пар, отчалил и скрылся в ночи.

Кроме Лёньки на пристани никого не было. Од и пока я керосиновая лампа освещала грязную, в подпалинах, вывеску «Камызяк». Кругом валялись головешки, а пристань, видимо, была паспех сколочена из останков бывшей, сгоревшей пристани. Перил на ней не было, не было скамеек. В кромешной тьме казалось пусто и глухо, как бочке. Странно, что в этой темноте горела хотя бы керосинка.

— Стой! Руки вверх! — громко предупредил кто-то.

Лёнька безропотно задрал руки и зажмурился.

Три пары ног прогрохотали по доскам и остановились у Лёньки за спиной.

— Повернись, малахольный, — последовал приказ.

Лёнька повернулся и открыл глаза.

Перед ним стояли казаки: в галифе, в гимнастерках с георгиевскими крестами, в сапогах, с шашками и винтовками, в фуражках с красными и синими околышами.

«Вот влип, — подумал Лёнька, — все-таки к белым попал. Ну, спасибо тебе, Евгений Тарасович».

— Кто таков? Краснопузый? Документы есть? — спросил самый низкий из казаков, ростом почти с Лёньку.

— Аристарх я, Иванопуло, — заныл Лёнька, сам себе поражаясь. — Документов нет, у родителей остались.

— Родители где?

— Дальше поплыли, на Каспий.

— А ты чего?

— С красными драться хочу!

Уши и щеки у Лёньки пылали, будто костры. Он же хотел сказать правду, а вместо этого юлит, как барчук перед ребятами из слободки.

— Бреешь, краснопузый.

— Никак нет, ваше благородие, Христом-богом...

— Все вы Христом-богом, когда шашку с нагайкой видите.

— Да ладно, Поликарпыч, гляди, совсем мальчика застрашал. Ну какой из него краснопузый, он воробушек совсем, нестреляный.

— А ты руки видишь? Видишь, мозоли какие?

— И что, у меня вон тоже мозоли.

— А ты что скажешь, Онищенко?

— Что, Онищенко? Чуть что, сразу Онищенко. Скажешь рубать хлопца — буду рубать, скажешь в стан вести — в стан поведу. Я человек маленький.

Лёнька, не опуская рук, пал на колени:

— Дяденьки, не губите, свой я, свой! За веру, царя и отечество.

Слезы из его глаз брызнули самые искренние — помирать от шашек казаков не хотелось. Хотелось жить. Даже мрачная темная пристань казалась сейчас, перед лицом гибели, нарядной и веселой.

Поликарпыч сплюнул:

— Черт с тобой, — он обернулся на того, кто заступился за Лёньку, и сказал: — Ладно, отведем его к подхорунжему, пусть сам решает. Все, опусти руки, малахольный.

Спустя полчаса Лёньку привели в какую-то мазанку. Подхорунжий Филиппев, тоже невысокий и худой, брезгливо осмотрел пленного.

— Из-под Новгорода, говоришь?

— Да, ваше благородие, — Лёнька закивал, как китайский болванчик.

— Тихвин?

— Да.

— А ну как проверим?

— Воля ваша, проверяйте.

— А что ж родители-то твои решили так далеко и обход идти?

— Так война кругом, фронт. Думали, так проще.

— Дурни. А если бы мы не знали, что бот на Каспий идет, и гранатами вас закидали?

Лёнька стоял, шмыгал носом и со всем соглашался. Было одновременно и противно, и страшно, и сладко.

Филиппев решал недолго.

— Мне тут с тобой рассусоливаться некогда, мне плацдарм удержать надо. Для тебя ни формы, ни оружия нет. Отправлю тебя с нарочным в штаб, пусть там решают, шпион ты или впрямь за веру, царя и отечество служить хочешь.

Этой же ночью, пока не рассвело, в штаб Уральской армии, в поселок Каленый выехал нарочный с донесением и пленным подростком. С этого момента жизнь Лёньки Пантелкина понесло с ураганной мощью.

Каленый

Подходило к концу лет о. Лёнька уже два месяца числился помощником пулеметчика, форма на нем сидела ладно, и даже усики начали проклеиваться. Приняли его легко, даже как-то слишком легко. Лёньке не верилось, что казаки так доверчивы. Доверчивость, однако, легко объяснялась кадровой нехваткой — Уральская армия была одной из самых маленьких в Белом воинстве.

Лёнька под именем Аристарха Иванопуло проявил недюжинные способности в стрельбе и обслуживании пулемета, и наставник его, Зиновий Быков, не скупился на похвалы. Привычный к труду, Лёнька никогда не сидел без дела, выучился скакать на лошади, хоть и без джигитовки, но вполне уверенно, и лошадей уже не боялся.

Стала ему понятна и миниатюрность казаков. Были они все как на подбор невысокие и худые, ели мало. Зиновий объяснил, что худого и маленького седока лошади нести легче.

— Да и попасть в тебя труднее, чем если бы ты кабаном жирным был.

Лёнька слушал и внимательно смотрел по сторонам. Он тщательно запоминал имена и лица, количество орудий и пулеметов, внимательно слушал штабные сплетни и пытался найти в них *хоть* ..... полезной для красных информации.

Лёнька прекрасно влился в казачий круг, успел подружиться со многими и зарекомендовал себя с самых лучших сторон, но не оставлял надежды переметнуться к красным. Для этого случая он хотел узнать о белых как можно больше.

Поначалу, конечно, летал Лёнька по лагерю во нее стороны, был мальчиком на посылках. Драил сапоги, стирал, штопал, помогал кашевару, чистил лошадей. И только когда подхорунжий Белонож-кин, в чьей роте служил Лёнька, заметил, что казаки уже не покрикивают на новобранца, а весело зовут его в круг как равного, началась настоящая служба и настоящая боевая подготовка.

Научили Лёньку и стрелять, и гранаты метать, и лошадям на копыта специальные мешки надевать — для неслышной ходьбы. Все казаки были мужиками лет за тридцать, у всех были дети, каждый в Лёньке видел если не сына, то младшего родственника, и каждый чему-то учил. А Лёньке не нужно было повторять дважды — он ухватывал с первого раза, и звали его все не по имени и не по фамилии, а прозвищем — Бедовый.

Чего Лёнька понять не мог, так это почему такие умные, ловкие и работающие мужики воевали против своих таких же. Неужто не понимали, что царь и буржуи их обманывали?

Любые известия о зверствах красных Лёньку не только озадачивали, но и раздражали — не может рабоче-крестьянская армия грабить и убивать, ложь это все, пудрят мозги доверчивым казакам Колчак и Деникин. Пару раз Лёнька пытался вслух выразить недоверие, мол, неужто красные и впрямь попов на морозе живьем замораживали и последнее у крестьян отбирали? Правда, высказывал свои мысли только Зиновию и только на ночь глядя. Зиновий в первый раз вообще отказался говорить на эту тему, а во второй раз рассказал о семье одного казака, которую расстреляли за то, что те припрятали последний мешок овса, на прокорм.

Не то чтобы Лёнька не поверил, но решил — двух правд быть не может, кто-то врет. А так как он точно знал, что отец его на Нарвском фронте бьет белых, решил — все казаки врут, чтобы совесть свою успокоить. Значит, враги они, и бить их надо смертным боем. Только бы случай представился.

Отряды казаков мотались по степям, нападали на красных и вновь отступали, отвлекая на себя внимание, пока войска Деникина действовали на главных направлениях. Лёньку, несмотря на то, что рвался в бой, в рейды не пускали. Может, не доверяли, может, жалели мальчика, но за все лето новобранец так и не побывал в настоящем бою.

Жизнь в Каленом была скучной и однообразной. Даже не верилось, что совсем рядом идут ожесточенные бои. Генерал Толстов, командующий казаками, ежедневно устраивал муштру и учения, лишь бы мужики не заскучали и не стали безобразничать.

— Солдат должен уставать, чтобы у него на озорство сил не хватало, — защищал командующего Зиновий. — С нашим братом ухо остро держать надо.

У Лёньки, конечно, сил не оставалось не только на озорство, но даже на еду, рука ложку не держала.

Поэтому, когда по стану объявили, что нужны добровольцы для операции настолько опасной, что провизии берут только в одну сторону, Лёнька сказал Зиновию:

— Если не возьмут в поход — тайком пойду!

— Да тебя тот же час изловят и отправят под расстрел как дезертира, — сказал Зиновий.

— Ну и где мне лучше погибнуть — в бою или у стенки?

Зиновий перекрестился:

— Молчи, дурень. Не поминай лихо, пока оно тихо. Ладно, скажу за тебя командиру, может, и возьмет.

Командир взял, да еще и похвалил при всех. Лёнька ликовал, хотя причины его радости никто не понял — чего веселиться, коли на смерть идешь? Но Лёнька собирался не умирать, а бежать к красным.

Готовились к походу основательно. Выстроили по каким-то планам целую деревню. Всю неделю перед походом учились неслышно передвигаться по этой деревне, снимать часовых и без шума брать штурмом избы. Почему-то больше внимания уделяли не избе с флагом, которую Лёнька принял за штаб, а другой избе, обитателей которой требовалось взять обязательно живыми.

По всему выходило, что казаки собираются штурмовать какой-то хорошо укрепленный гарнизон красных, но какой? Куда они пойдут — на Астрахань, которая за лето успела пару раз поменять хозяев, на Царицын или на Уральск?

Самого Лёньку пускали только в группу прикрытия. В рейд казаки брали минимум тяжелого вооружения — девять пулеметов и два орудия. Всего же в отряд, судя по подсчетам самого Лёньки, входило не менее тысячи человек. Командующим назначили полковника Бородин, подхорунжий Белоножкин единодушно был избран походным есаулом.

Зиновий в рейд не пошел — жестоко болела спина, он даже ходил с трудом. Накануне, утром, он приковылял к тачанкам, нашел Лёньку и сказал:

— Знаешь, куда идете?

— Нет, — Лёнька насторожился, до сих пор никто и словом не обмолвился о конечной цели.

— На верную гибель идете, — сказал Зиновий. — Бородин — хороший командир, и подхорунжий наш тоже хват, но поэтому их всегда только на верную гибель и отправляют, потому что привычные они. Под нули не лезь, сиди в тачанке при

Милентии, он пулеметчик не хуже меня. Но если, не дай боже, убьют его — держись ближе к подхорунжему. Его бог хранит, потому что последний из рода, но сам на войну вызвался и даже серьги не носит.

— А при чем здесь серьги?

— Обычай есть у казаков: если один сын у матери — носит серьгу в левом ухе. Если серьга в правом — последний мужик в роду. А уж если серьги в обоих ушах — то вообще последний из семьи, единственный продолжатель рода. Такого атаман или есаул беречь должны, в атаку отпускать самыми последними.

— А подхорунжий, что ли, такой?

— Я с Белоножкиным из одной станицы. Всю его семью красные вырезали. Помнишь, я про мешок овса говорил? Так вот — это Белоножкина семья была — отец, мать, брат-калека с женой и детьми, да самого Белоножкина жена беременная.

— Быть не может! — побледнел Лёнька.

— Кабы сам не видел — так и не говорил бы. Я опосля того случая и отправился подхорунжего искать, чтобы весть сообщить.

— А он?

— А он — как камень. Только серьги в уши вставлять не стал и мне запретил рассказывать про то. И с тех пор в самое пекло кидается — и хоть бы оцарапался. Бережет его ангел, как бог свят — бережет. Так что держись его.

С этими словами Зиновий обнял Лёньку и уковылял прочь, держась за поясицу.

Лёньке не понравились слова Зиновия. Он не верил, что красные способны на такие зверства. Почему все пытаются убедить его, что веселые и добрые красноармейцы, которые помогали им грузиться в вагон в Тихвине, которые гоняли всякую вороватую шелупонь, могут убивать беззащитных крестьян за мешок овса?

С другой стороны, почему каленовцы, простые мужики и бабы, не боялись казаков, были приветливы и вовсе не выглядели испуганными, хотя хозяйничали в поселке белые?

От всех этих вопросов голова шла кругом. В конце концов, Лёнька — обычный пролетарий, ему не нужно забивать голову политикой. Выбрал сторону — дерись против другой. Двух правд быть не может.

Отбросив сомнения, Лёнька улегся спать под кошмой. Как только стемнеет, отряд выдвинется в путь. Хочешь — не хочешь, а нужно выспаться перед походом.

Он закрыл глаза и стал мечтать, как улизнет из-под присмотра Милентия, как придет к красным и расскажет им о коварном плане белых, как восхитятся им красноармейцы и сразу примут в свои ряды. С этими сладкими мыслями Лёнька крепко заснул.

Колчак

— Александр Васильевич, к вам генерал Ряби-ков.

— Просите.

Павел Федорович Рябиков, генерал-майор, второй генерал-квартирмейстер Ставки и начальник штаба Восточного фронта, вошел в кабинет.

Павел Федорович перешел на сторону белого движения год назад, до этого сотрудничал с большевиками и даже преподавал в академии Генштаба. Он давно был признанным специалистом в теории агентурной разведки и сейчас преподавал в Омске молодым офицерам, хотя кадровый голод это никак не утоляло.

— Операция началась, господин адмирал, — сказал Рябиков коротко.

За этими словами скрывался едва ли не месяц напряженного планирования. Информация от агента Ясного, внедрившегося прямо в штаб Чепая, начала поступать только с середины лета, хотя внедрился он еще по весне.

Поначалу планировалось, что Ясный сам убьет Чепая и заберет талисман, но тогда доставка предмета в Омск значительно бы усложнилась. Поэтому штаб разработал дерзкую акцию с глубоким рейдом казаков вглубь красного тыла. Одним ударом решался целый ряд задач: добыча стратегического артефакта, лишение руководства целой группы большевистских войск, овладение важным плацдармом.

Вряд ли большевики ожидают нападения, так что главным козырем операции был элемент внезапности. Красные воевали крайне неэффективно, их сильной стороной было единое планирование операций по всем фронтам. И хотя их планы легко просчитывались, у белого движения не хватало кадров для масштабного планирования контрнаступления — все силы тратились на оборону.

Уничтожение штаба Чепая открывало большие перспективы. Например, объединение с войсками Деникина, что позволило бы куда эффективнее координировать действия обоих фронтов. Еще — выход к районам с богатыми ресурсами, объединение с союзниками из Антанты. А если артефакт и впрямь окажется таким мощным, как о нем рассказывал «господин Иванов», вскоре можно будет вернуть те территории, которые Россия благодаря большевикам уже потеряла: пролетарии слишком легко признавали независимость национальных окраин и дарили суверенитет направо и налево.

— Время исполнения?

— Пять дней, начиная с первого сентября.

— Вы уверены в успехе, Павел Федорович?

— Всегда остаются какие-то мелочи, которые невозможно принять в расчет: погодные условия, внезапная смертность, глупость.

— Чья глупость?

— Без разницы, господин адмирал. Военная операция — это всегда взаимодействие двух сил, определенный порядок действий. А глупость — это хаос, который способен разрушить порядок. Именно поэтому мы отобрали для операции самых опытных бойцов. Но если среди красных общий уровень глупости будет выше, чем мы планировали, это тоже может испортить операцию. Умный враг — это предсказуемый враг, и нам остается лишь молиться, что наш враг — умный.

— Молиться... — повторил Александр Васильевич.

Да уж, оставалось только молиться.

Александр Васильевич уже не был уверен в победе белого движения, хотя бодрился изо всех сил. Слишком много упущено времени, слишком мало осталось кадровых офицеров, слишком много было союзников, которые на поверку оказались лишь падальщиками, пришедшими добить раненого льва. Конечно, множество ошибок Александр Васильевич допустил сам, но признаваться в этом не желал. Самоуверенность и гордыня заставили его отказаться от предложения генерала Маннергейма выступить сотысячной армией на Петроград в обмен на признание независимости Финляндии. Что такое крошечная Финляндия, когда вся Россия рушится, разваливается на глазах? Зачем нужно сохранять империю, когда он сам первым присягнул в свое время Временному правительству? Но нет, не захотел поступиться идеей единой России.

Начальник штаба Лебедев, с которым они зимой принимали таинственного эмиссара с вонючим скунсом, оказался бездарем, потому кое-как спланированное весеннее наступление захлебнулось в крови. Красные давили, под их натиском пришлось оставить Уфу, Челябинск, Екатеринбург. Большевики казались заговоренными, будто Иванушка-дурачок. Они походя выполняли сложнейшие стратегические и тактические операции, не имея ни человеческих, ни материальных ресурсов. Может, именно глупость вела их к победе?

— Что ж, будем молиться, — сказал Колчак. — Спасибо, Павел Федорович, держите меня в курсе.

1 СЕНТЯБРЯ 1919 ГОДА

Лёнька

Вечером, на закате, Лёньку бережно растолкали:

— Подъем, Бедовый, общее построение.

Лёнька быстро оделся, обулся, плеснул на лицо

дождевой воды из бочки и занял свое место в самом конце строя.

Местный священник прочитал молебен, благословил на ратный подвиг. Казаки молча помолились и разбежались по боевым порядкам.

Лёнька ехал в тачанке с пулеметчиком Милен-тием Зубковым и ездовым Николой Гониконем — для похода экипажи укомплектовали полностью.

— Не бойсь, малой, все будет путем, — пообещал Никола.

Взвод подхорунжего Белоножкина был готов раньше всех.

— Взвод, слушай мою команду, — объявил подхорунжий. — Строй держим четко, не разбредаемся и не толпимся. В дороге не курить, байки не травить, песни не горланить. Движемся только после заката и до самого рассвета. Скорбные животом и зубами говорят сейчас или затыкаются до конца похода. Есть такие?

Все промолчали.

— Добро. Днем все спят, дежурные соблюдают маскировку. Всем все ясно?

Ясно было всем.

— Ну, тогда с богом.

Боевые порядки вышли из поселка, когда совсем стемнело. Насколько Лёнька мог понять, двигались они на запад, но перед рассветом резко повернули к северу. Лёнька не представлял себе карты местности, однако все равно догадался, что целью похода была не Астрахань.

Начало светать. С равнины отряд потянулся в пересохшее русло реки, где густо рос камыш и тростник, пахло болотом и лютовала мошка. С каждой минутой становилось все жарче — солнце поднималось быстро. Скоро воздух буквально гудел от насекомых.

Никто не чертыхался, казаки молча хлестали себя по лицам и шеем.

Внезапно к звону комаров добавился какой-то другой звук. Ведущий задрал руку вверх, отряд остановился, чтобы тут же подвергнуться массовой атаке кровососов.

— Аэроплан! — слышался чей-то крик. — Маскируемся!

На этот случай все свои роли знали. Лошадей быстро распрягли, ездовые увлекли тревожно фыркающих животных в заросли тростника. Пулеметные расчеты закидывали тачанки и орудия травой и сухими ветками. Через десять минут тысячный отряд слился с окружающей местностью.

Аэропланов было два. Они кружили над степью, словно орлы-ягнятники, будто знали, что где-то здесь могут скрываться враги.

— А что, у красных аэропланы есть? — шепнул Милентию Лёнька.

— Видишь ведь, что есть.

— А почему они над Каленым не летают?

— Летал один, так его Зиновий из своего «максима» сбил. Жаль, разбилась машина, а то бы у нас сейчас тоже был аэроплан.

— А кто бы летал на нем?

Милентий почесал затылок:

— Тоже верно, некому.

— А почему мы эти не сбиваем?

— Потому что нельзя себя обнаруживать, — в который раз, как больному, объяснил пулеметчик.

— Так ведь сожрут нас здесь!

— Захлопни пасть, нюня. Сказано — не обнаруживать, значит, сиди тихо.

Через час все лицо Лёньки распухло, руки горели от укусов, под тачанкой сделалось так душно, что кружилась голова. Пот струился ручьями, заливал глаза, в ушах звенело. Лёнька начал жалеть, что не отдал богу душу еще тогда, когда отравился молоком.

— У нас есть полить? — спросил он у Милентия.

Казак достал фляжку, открыл колпачок, налил в него воду.

— Набери в рот и пополощи горло. Да смотри, не глотай, еще больше пить захочется.

Вода была горячая и противная на вкус.

— Она ж соленая! — Лёнька выплюнул воду и даже язык рукавом протер, чтобы вкус отбить.

— А ты как думал? Ты сейчас с потом всю соль потеряешь, а соль очень нужна организму, это мне один доктор рассказывал. В Туркестане знаешь, как чай пьют?

— Как?

— Сидят старики в стеганых халатах, теплых- претеплых, на жаре сидят, не дома, и пьют горячий чай.

— Так же свариться можно.

— А вот не скажи. Им жарко, и потеют они сильно. А когда человек потеет, ему прохладнее становится.

Лёнька ничего не ответил. Он потел, будто на верхней полке в бане, а прохлады не ощущал. Хотелось стянуть гимнастерку и штаны, но это означало быть заживо съеденным.

— Ты спи лучше, хлопец. Все равно на весь день здесь застряли, чего время зря терять? Вот Никола: он бы, если за лошадьми смотреть не надо было, дрых бы сейчас за милую душу, да еще и храпел. Вон, слышишь — кто-то уже заливается.

Лёнька прислушался. И впрямь, совсем рядом кто-то отчетливо храпел, и этот храп перебивал и гул насекомых, и стрекот аэропланов.

— Как у него получается?

— О, брат, ты бы с наше повоевал. Мы с Николой, к примеру, с самой германской бок о бок ходим. Когда война, в любом положении уснешь. Бывало, марш-бросок объявят, и прямо тысячами народ по дорогам идет, не протолкнешься. Проедешь мимо, оглянешься — а солдатики-то все на ходу спят.

Ей-богу не вру! — Милентий перекрестился. — Мы по молодости думали, что так не сможем, да какое там, через месяц уже на ходу спать научились, а Никола — тот еще и с открытыми глазами. Помнится, поставили его в караул, Никола возьми и усни. Казачки про то узнали, надели ему на шею хомут. А на ту беду сотник наш пошел посты проверять. Видит — Никола спит, да еще и с хомутом на шее. Как раскричится: щучий, говорит, ты сын, весь эскадрон под монастырь подводишь, на посту спишь! Никола, конечно, проснулся, видит — совсем дело плохо. А признаваться-то нельзя, военное время, под трибунал отдадут! Он возьми да и бухни: никак нет, говорит, ваше благородие, не сплю. Сотник еще больше кричит: а что ты делаешь, щучий сын? Никола и говорит: да вот, хомут починяю. И так это у него складно получилось, что расхохотался атаман, простил, да еще и рубль дал за находчивость.

Лёнька недоверчиво посмотрел сквозь охапки рогоза и тростника в заросли, туда, где Никола и другие ездовые прятали лошадей. Кто-то невидимый под соседней тачанкой перестал храпеть и громко зевнул:

— Брехня.

— Много ты знаешь, — огрызнулся Милентий.

Аэропланы все кружили и кружили над казаками, будто видели весь отряд. Одна из крылатых машин заложила вираж и промчалась над камышами, выпустив пулеметную очередь. Две пули угодили в тачанку, под которой лежал Лёнька: одна вонзилась в дерево, другая попала в «максим» и с противным визгом унеслась куда-то прочь.

— Лежи, не трепыхайся! — удержал перепугавшегося Лёньку Милентий. — Проверка это. Если побежим — узнают краснопузые, что мы здесь. Может, они всегда по этому месту постреливают. На всякий случай. Я бы тоже постреливал, мало ли, кто здесь укрыться может.

Аэропланы продолжали стрекотать, Лёнька лежал и дрожал от страха. Скоро ему стало холодно. Он раскатал шинель, спрятался под нее и не заметил, как заснул. Когда проснулся, было темно.

— Десять минут на поесть и оправиться, потом марш-бросок, — послышался голос Белоножкина.

Хотя очередь с аэроплана прошла почти по всей линии спрятанных тачанок, никто не пострадал. Казаки молча бегали в камыши, возвращались и помогали вытирать потных лошадей попонами. Ели на ходу, чтобы не терять времени. Лёнька проверил пулемет — тот был в полном порядке, только на кожухе осталась царапина от пули.

Вскоре движение возобновилось. Отряд выехал обратно на равнину, но держался вдоль русла. Ветер по степи гулял резкий, студеный, казаки сняли мокрые от пота гимнастерки и накинули шинели на голые тела. От тачанки к тачанке, от конника к коннику перелетала весть: идем на Лбищенск, воевать Чепая.

— Чепая? — ошалел от новости Лёнька. — Самого Чепая?

— Да ты, никак, его за героя держишь?! — оглянулся через плечо Никола.

Лёнька смутился.

— Да, лихой он командир, ничего не скажешь, — крикнул Милентий. — Может, воюй он на нашей стороне, тоже его за героя почитали бы. Да только много он нашему брату обид нанес.

Дальше Милентий рассказал о Чепачеве таких небылиц, что Лёнька, устав от вранья, слушал вполуха и только время от времени кивал, чтобы не вызвать подозрений.

Говорил Милентий, что Чепай любую землю, на которой воюет, сперва узнает всю до последней песчинки, до былинки малой: где овражек, где перелесок, где лужа, где нора кротовая. Никогда без карты не воюет. Знает, как местным языком развязать, как задобрить, чем запугать.

— На лошадях-то он не очень, — говорил Милентий. — Он на войне германской в пехоте служил, хотя и разведчиком, даже награды у него имеются, потому как не робкого десятка. А вот на лошадях до сих пор как следует ездить не научился. У него два автомобиля есть и еще броневик. Так он даже в бой на автомобиле ездит, до того бестия бесстрашная. Ни пуля его не берет, ни шашка, ни глаз дурной, словно заговорили его антихристы.

Очень удивило Лёньку, что красные, оказывается, совсем рядом, всего восемьдесят миль напрямик от Лбищенска до Каленого.

— А ты думал, зачем тут аэропланы летают? Карту ему составляют, ироду. Как составят, так он на нас лавиной и поперет.

По словам Милентия, Чепачев никогда в плен казаков не берет. Или расстреливает, или рубает, или штыками колет, чтобы патронов не тратить. В атаке и он сам, и солдаты его — страшные, как смертный

грех, глаза у всех горят красным. Налетят, оставят после себя только кровь да мясо, разграбят станицы, девок попортят, баб насильничают. А те станицы, где его дивизия станом становится, ревмя ревут, а сбросить ярмо боятся — слишком лют.

— Тебя послушать, так его и победить нельзя.

— Так сам посуди! Катился он как-то на машине своей, въехал с пьяных глаз в станицу, где чехи стояли. И что думаешь, взяли его? Да хоть бы поцарапали: он через всю станицу на всех парах промчал, из пулемета стреляя, столько бойцов там положил и скрылся в степи. Три разезда за ним отправили, ни один не догнал.

У Лёньки сладко засосало под ложечкой: надо же, к самому Чепaeву попадет! Милентий его молчание расценил по-своему.

— Да не бойся, нынче мы тоже умные. Подберемся к нему на мягких лапах — чирикнуть не успеет. Главное — врасплох его взять, иначе уйдет, окаанный.

— А те сараи, получается, вокруг которых мы ползали, это и есть Лбищенск? — догадался Лёнька.

— Смотри-ка, а ты и впрямь Бедовый, — усмехнулся Милентий.

— А откуда известно, где там что находится?

— Так ведь разведка не только у красных работает, малой.

Перетрусов

Один и тот же сон беспокоил Богдана с тех пор, как сбежал он от крестьянской расправы весной, под Сенгилеем. Будто бегут они с дядь-Силой: с задранными полами несется Силантий в сторону леса, а Богдан едва поспевает за ним и не слышит за спиной ни выстрелов, ни криков, ни проклятий. Бегут они через лес напролом, жрут снег на бегу, хрипят и сипят от нехватки воздуха в легких, и густой пар валит от обоих, как от загнанных лошадей.

Потом проваливаются куда-то, и вот уже оба голые, полупьяные от браги, сидят в бане, и на груди у дядь-Силы, сплошь покрытой синими татуировками, висит на веревочке блестящий кулончик-печенух. И глаза у Силантия отчего-то разные — зеленый, да голубой.

Богдан плещет на каменку воду, поднимается облако пара. Богдан хлещет своего спасителя дубовыми вениками, а потом смотрит — спаситель-то мертвехонек лежит, со счастливой улыбкой на губах. Богдану страшно, кричит он от ужаса, только крика нет, свист один из груди рвется. И бежать бы надо, да рука сама к драгоценному петушку тянется. Рвет Богдан с шеи спасителя холодную как лед безделушку, пронзает его сладкой болью, трясет всего...

В этом месте Богдан всегда просыпается, сжимая в руке петуха.

Вот и сегодня он проснулся одновременно с закатом. Голова с похмелья больная, хотя пил вчера немного, от силы пару стаканов вишневого наливки.

— Встал уже? — заглянул в комнату Алпамыска.

— Встал, — хмуро ответил Богдан.

— Мы уже лошадей запрягли. Солнце почти село.

— Не спеши, дай глаза продрасть нормально.

Босиком, путаясь в ногах, вышел Богдан на

крыльцо и душераздирающе зевнул. Все тело было разбитым, потому что валялся весь день поперек кровати, ладно хоть сапоги и галифе с него стянули. Кальсоны грязные, в желтых пятнах, вонь стоит как от конюшни, мухи летают. Нет, пока не вымоется, ни о каком деле и думать не стоит.

— Дормидонт!

Тотчас из сарая выскочил испуганный дедок.

— Чего?

— Вели бабе своей воды нагреть, мыться буду. Белье мое стирано?

— Стирано, — подобострастно закивал Дормидонт.

— Приготовь. И жрать собери на стол, мы на дело идем.

— А вернетесь когда?

— Не твоего ума дело. Спать ложитесь без нас, надо будет — разбудим.

Все домашние Дормидонта — жена Марфа, кривая невестка Машка на сносях, два сына — Мишка да Борька, девяти и десяти лет, — забегали, засуетились, исполняя приказ постояльцев.

Одной из тех мелочей, которые не мог учесть штаб Восточного фронта при планировании Лбищенского рейда, была банда Богдана Перетрусова, промышлявшая в степях между Гурьевым и Уральском.

Разыскивали Богдана и белые, и красные, и никому он в руки не давался, грабил и убивал русских и казачков, колчаковцев и чепаевцев, большевиков и анархистов, и ничего святого для него не находилось.

Банда у Богдана была маленькая: Алпамыс четырнадцати лет, Сережка-Гнедок пятнадцати, Левка-Жиденек шестнадцати и сам Богдан, которому весной исполнилось восемнадцать.

Носились малолетки по степи с юга на север, с востока на запад, бесчинствовали, жгли да крушили. Не боялись никого и растворялись в воздухе, когда чувствовали, что противник сильнее и серьезнее.

Незаметный хуторок в степи, стоящий в стороне от всех дорог, был секретной базой Перетрусова, где банда хранила награбленное, отсыпалась и отъедалась.

Крестьянин Дормидонт Устьянцев и вся его семья тихо ненавидели бандитов, но терпели, потому что здесь Богдан бесчинств не допускал — баб не трогал, хозяина не бил, не унижал, в доме не озорничал и даже частью награбленного за постой расплачивался.

Петух вполне позволял ничего не бояться и наперед предвидеть все ходы противника, он же подсказывал, как вести себя, чтобы никто не пришел и не зарезал тебя сонного.

Талисман появился у Богдана, когда умер дядь-Сила. Умер в бане, абсолютно счастливым человеком — пьяным, сытым, чистым. Богдан тогда перепугался сильнее, чем когда в первый раз в человека стрелял. Когда чужого, да на расстоянии — вроде и не страшно. Обычно даже не знаешь — убил или ранил? А когда умирает свой, с кем только что спаслись от лютой смерти, когда, казалось, жизнь налаживается — как не испугаться? Это значит, безноса играет с тобой, как кот с мышью: то поймает, то отпустит, то вновь придушит.

Как ни силен был страх, Богдан стащил с шеи покойника драгоценную побрякушку — петуха. Стоило сжать в кулаке холодный металл, как руку, да и все тело, охватила мелкая дрожь, будто схватился за край работающей мощной машины с кучей вращающихся маховиков, шестерней и валов. И если не удержишься на краю — перекрутит тебя машина на фарш, не подавится.

В тот же миг вопрос, который стучал у Богдана под черепушкой — почему дядь-Сила концы отдал? — перестал быть вопросом. Богдан скорее почувствовал, чем понял: сердце у дядь-Силы не выдержало крепкой браги и крепкого жара. И тотчас фигурка подсказала: драпать надо. Сразу вспомнилось, как странно приютившая их хозяйка смотрела на красные околыши на папах. Наверняка выдаст кулакам, если те пойдут искать беглецов.

Богдан не любил вспоминать, что произошло потом. Как он пытался открыть подпертую снаружи поленом дверь, как подцепил тупым ножом половицу в предбаннике и, извиваясь ужом, выполз наружу. Как совершенно голый, по снегу в сумерках крался к дому хозяйки. По счастью, та убежала за подмогой, и Богдан, роясь в сундуке, нашел чье-то чистое, хоть и ношеное, исподнее, порты, рубашку, обмотки, а заодно теплый халат-чапан, треух и добрые охотничьи рукавицы-шубинки для стрельбы.

Как убил дочку хозяйки, которая пыталась ему помешать. Убил, затыкав тем самым тупым ножом, найденным в предбаннике.

С тех пор он не любил оставаться один на один с бабами и девками. Его компании нравилось, когда во время мытья их поливала беременная Машка, а Богдан просил поливать себя либо Дормидонта, либо его малолетних сыновей. Парням же своим строго-настрого запретил трогать Машку и Марфу, а бабам разрешил лупить бандитов, если станут охальничать.

От тяжких мыслей, усиленных похмельем, отвлек хозяин, притащивший ведро с горячей водой.

— Лей помалу, — велел Богдан, раздевшись.

Намылившись, он стоял как столб, пока Дормидонт потихоньку лил сверху воду. Потом вытерся насухо, надел чистое белье и уже после этого, окончательно проснувшийся и злой на свое похоронное настроение, вышел к столу.

— Ну что, куда сегодня? — спросил Левка, обгладывая куриную ногу.

— В дозор.

— Какой дозор, Богдан, всю неделю уже в дозоре?! Просто так коней гонять по степи?

— Ясный сказал — ходить в дозор, значит, будем ходить в дозор, — процедил Богдан. Вид еды ему был противен, он пил квас на хрене и громко, долго отрыгивал.

— Левка дело говорит, неделю уже без дела болтаемся. Скучно! — подал голос Алпамыска.

Богдан вынул из кобуры маузер.

— Главным быть хочешь? Возьми и пристрели меня.

Алпамыска отвел взгляд. Странное дело: когда петух был зажат в ладони или висел на шее, глаза у Богдана из серых превращались в зеленый да голубой. Никто из банды не мог выдержать взгляда этих разных глаз.

— Ясный говорит, что делать, и ни разу еще нам порожняк не подогнал. Когда мы с вами без куша возвращались?! — Богдан свирепо оглядел своих головорезов.

Те сидели, опустив глаза, и молча чавкали.

— Сказано: сторожим, пока казаки не пройдут. Как только засечем движение — будет новое дело. Пожрали?

Головорезы кивнули.

— Тогда по коням.

Богдан познакомился с Ясным в середине марта, через две недели после смерти дядь-Силы, когда толкался на вокзале в Алгае.

Александров Гай был небольшой железнодорожной станцией в Саратовской губернии, где формировались новые соединения Красной Армии. Богдан приехал сюда, чтобы в толчее упереть винтовку или револьвер, а, может, и деньжатами разжиться. Петух надежно страховал от опасности, так что за три дня толкучки он украл маузер, две винтовки Мосина, револьвер, семь золотых червонцев и ящик патронов. Однако у петуха была нехорошая особенность — от неприятностей он не спасал.

Петух, висящий на шее и холодивший грудь, помогал связать воедино то, что Богдан видел, из этих наблюдений делать неожиданные выводы и принимать правильное решение, но и только. К примеру, Богдан спер в толчее четыре пары новых сапог и нес их в тайник. По смятому лопуху, плохо прилаженной к забору доске и молчанию Тузика, запертого в тайнике, он понял, что там его ждет засада, и ломанулся прочь, но чья-то сильная рука уже держала его за локоть.

— Отпусти, больно! — зашипел Богдан.

— Не рыпайся, малой, а то башку отверну, — ответил мужик в форме краскома.

По поведению и голосу стало понятно, что выдавать Богдана краском не намерен. Были у него какие-то свои интересы. Он специально посадил в тайник засаду, чтобы отвлечь внимание Богдана, а когда тот заметался — поймал.

— Чего надо?

— Не ори, — спокойно сказал краском. — Ты же не хочешь, чтобы нас услышали?

Странное дело: петух ничего не подсказывал Богдану. Опасен ли незнакомец, полезен — понять было невозможно.

Они отошли к глухой кирпичной стене какого-то амбара.

— Воруешь, значит? — спросил краском.

— Не ворую, а подбираю потерянное.

— Мудро. Не надоело по мелочи работать?

Богдан даже рот раскрыл.

Краском велел называть его Ясным и рассказал, что скоро через Алгай пойдет эшелон с продуктами, обмундированием и денежным довольствием. Если успеть к этому времени собрать надежных людей, то можно неплохо пожить, да еще и Советам насолить.

Солить Богдану не хотелось, но как только было сказано про эшелон, петух вновь включился: оно, соглашайся! И Богдан не пожалел. Собранная им за неделю компания нормально провернула дельце и разбежаться не стала. С этого момента Богдан следовал за Ясным.

Ясный время от времени говорил, где и что лежит без должной охраны, причем не только у красных, но и у белых тоже. От Богдана и его людей требовалось только не попадаться. Связь держали через голубей, но иногда Ясный сам находил

Богдана. Встречи казались совершенно случайными, но петух говорил об обратном.

Неделю назад голубь доставил письмо, в котором Ясный просил не шуметь какое-то время, а просто прочесывать степь в поисках большого отряда казаков. Как только отряд будет обнаружен, следует известить о нем Ясного, и тогда он сообщит о новом деле. Без петуха Богдан наплевал бы на приказы Ясного, но петух говорил — дело верное, не сомневайся. Богдан мучился, что зависит от какой-то железяки, но железяка ни разу не ошибалась. Так что Богдан продолжал патрулировать степь.

Он не знал, каким именно путем пойдут белые, поэтому заминировал несколько возможных. Но именно сегодня — фигурка намекнула на это, едва Богдан вскочил в седло, — сегодня будет веселье.

— Пошли, — сказал он, и четверка всадников умчалась в закат.

2 СЕНТЯБРЯ 1919 ГОДА

Лёнька

Луна в небе висела огромная и желтая, почти как солнце, и пусть степь не просматривалась до горизонта, все было отлично видно шагов на сто.

Всадники и повозки ехали почти с идеальными интервалами. Ковыли качались, словно волны, казалось: прыгни щучкой, войди без плеска в это серебряное море — и накроет тебя с головой, останется лишь подождать, когда отряд проскачет мимо. Потом вынырнешь — и плыви на все четыре стороны.

Сейчас, когда страх, зной и мошка остались позади и можно было как следует поразмыслить над тем, как сбежать, Лёнька понял, что поторопился. То, что в поселке казалось простым и очевидным, в походе оказалось чрезвычайно сложным. Во-первых, Лёнька постоянно находился под боком у Милентия с Николой, и они не на шутку о нем пеклись. Во-вторых, отряд нарочно огибал все хутора и станицы на своем пути, чтобы не обнаружить себя ни единым чихом. В третьих же — ив главных! — Лёнька не знал, куда идти.

Получалось, что предупредить Чепалева о готовящемся нападении никак не получится. Оно, конечно, если подумать — ничего страшного. В конце концов, Лёнька не присягал Советам, и как раз даже наоборот — присягнул на верность Верховному Правителю, хоть и пальцы при этом скрестил. Но хотелось Лёньке, чтобы победили красные, а белые... ну, чтобы они просто ушли, несолоно хлебавши. Живые и здоровые по возможности.

— Чего задумался, Бедовый? — спросил Милентий.

— А? — не понял Лёнька. — Задумался? Так я это... бдю.

— Не бзди, — успокоил его Никола.

— Глухая тетеря, — обозвал друга Милентий. — Бдит хлопец, а не бздит.

— А чего бдить-то, за нас разъезды бдят. А то здесь бандиты пошаливают...

В этот момент раздался первый взрыв, в голове колонны. Кони испуганно шарахнулись в сторону, Николе стоило больших трудов сдержать свою пару, некоторые повозки все же понесло, и вскоре раздалось еще два взрыва.

— Ох, лихо, ох, лихо! Накаркал, щучий сын! — заругался Милентий на Николу и начал расчехлять пулемет. — Никак засада?

Однако стрельбы и новых взрывов не последовало. Казаки притихли и напряженно всматривались в степь, пытаясь разглядеть неведомого врага.

Прошло полчаса, все было тихо. Отряд снова двинулся вперед.

— Может, просто дорогу заминировали? — спросил Никола.

— Кто?

— Да кто ж знает...

— А коли не знаешь — не чеши языком. Засада это, спиной чую.

Теперь накаркал Милентий. В голове колонны опять началась суeta, грохнули выстрелы, затрещали пулеметы. Послышались крики: «Вот они, дьяволы!», «Не убивать, живьем брать!», «Банднэки!» — и сразу несколько групп верховых отделились от отряда и умчались в степь, преследуя невидимых бандюков.

— Милентий, ты пулемет-то зачехли, — сказал Никола, — того и гляди — по своим очередь дашь.

— Не скажи. А если это краснопузые?

— Слышал ведь — банда это.

— А я говорю...

Совсем рядом, слева от колонны, заработал «льюис» — не прицельно и как-то глухо, будто из мешка. Пламени выстрелов было не видно, пулеметчик все время передвигался, так что сориентироваться, откуда он стреляет, было трудно.

— Кто это? — спросил Лёнька у Милентия, пока руки сами собой доставали коробку с патронами и заправляли ленту в пулемет.

— Да есть тут один, Богдан Перетрусов. Лет ему, кажется, не больше, чем тебе, а молодчикам его и того меньше. Шастают по степи, грабят, убивают, насильничают.

— И что, большая банда?

— Да кто их считал? При нем видели троих, но говорят, будто в каждой станице у него верные люди, потому что никогда его поймать не могли, даже когда засады устраивали. Он, щучий сын, точно не местный, пришлый, у него здесь ни семьи, ни бабы, но вот банду, видать, крепкую сколотил, никто его не выдает.

— А на нас зачем напал?

— Да бес его знает, он на всех нападает, как собака бешеная. Может, ради форсу своего бандитского, показать, что не боится никого. Он ведь и красных тоже пушит.

Мимо промелькнула чья-то тень.

— Вот он! — завопил Милентий и дал короткую очередь, но тут же охнул, крикнул «ложись» — и красиво сиганул через голову Лёньки прочь из тачанки. Вслед за ним прыгнул Никола.

Слева от тачанки медленно начал расти и набухать огненный шар. Лёнька заворуженно следил за ярким пузырем, потом раздалось «бам», и наступила темнота.

Богдан

Потеха началась часа в два ночи. Жахнуло на Уральском тракте, в старице.

— Серега, Левка!

— Чаво?

— «Льюисы» готовьте, шас казачков считать будем.

Операцию Богдан продумал заранее. По шуму в ночи отыскать белых (или красных, если Ясный ошибся), рассредоточиться вдоль колонны — двое по краям, двое в центре, а потом, по сигналу, скакать что есть духу друг другу навстречу, стреляя наобум, бросить напоследок по гранате — и тягу.

Правда, никто не ожидал, что белых будет так много.

Левка, с которым Богдан был в паре, охнул:

— Да тут полк, не меньше!

Петух подсказывал Богдану, что тут по меньшей мере два казачьих полка, больше тысячи человек. Когда он увидел в лунном сиянии всю эту человеческую и конскую массу, стало даже как-то не по себе.

— Тикаем, — шепнул он Левке.

— Чего?

— Тикаем, говорю!

— Так ведь Алпамыска...

В самой голове колонны уже слышались перестрелка и взрывы.

— Дураки набитые, говорил же им — по моему сигналу начинать! — выругался Богдан. — Тикаем все равно. Не буду я из-за них под пули лезть.

— Ты что, они ж ведь...

— А ты что, орден хочешь?! Так иди к Чепаяеву служить! При тебе я им говорил, что без моего сигнала не начинать?!

Выстрелы и крики приближались. Богдан развернул коня и ускакал. Вскоре он услышал за спиной пулеметную очередь «Льюиса», затем короткую — из «максима», что-то взорвалось, а потом — одиночные выстрелы и крики погони.

Мудреное дело — уходить от преследования при полной луне, когда ты на вороной своей кобыле, словно навозная муха посреди серебряного блюда, и прихлопнуть тебя — лишь вопрос сноровки. Но у Левки хорошо получалось. «Льюиса» он бросил и теперь мчал по степи, уворачиваясь от пуль. Богдан наблюдал за ним, лежа в ковыле и удерживая своего Серка, чтобы конь не вскочил и не ломанулся куда-нибудь, не разбирая дороги.

Левка уходил грамотно, отводя погоню в сторону старицы, где можно спрятаться. Четверо казаков мчались за ним, и по всему выходило, что они Жиденка догонят.

Богдану было жаль Левку, из всей их компании он был самым умным и образованным, но, черт возьми, Богдан всех предупреждал. Чего они хотели доказать своим геройством? Что они умнее его талисмана? Вот и доигрались.

Левка и его преследователи скрылись. Богдан подождал немного, потом встал и разрешил подняться Серку. Ладно, шансы сбежать у подельников были. Петух подсказывал, что кто-то сегодня к утру на базу выйдет. Вот тогда Богдан покажет послушникам, где раки зимуют.

Лёнька

Очнулся Лёнька от бешеной тряски. Его мотало по дну тачанки, как пустую бутылку. Небо было темное. Кроме скрипа рессор и топота копыт не слышалось никаких звуков.

— Милентий?

Молчание.

— Никола?

Тоже ничего.

Кое-как собравшись с силами, Лёнька начал подниматься.

Тачанка ехала, сильно накренившись влево. Ни пулеметчика, ни ездового в повозке не оказалось, лошади тащились, едва шевеля копытами, за одной тянулся какой-то комок, и Лёнька, приглядевшись, понял, что это кишки.

Поводья волочились по земле, и Лёнька, не зная, как остановиться, заорал:

— Стой! Эй, как вас там! Стоять! Тпру!

Лошади не обратили на крик никакого внимания. Скорость, однако, была смешная, поэтому Лёнька прыгнул на ходу, едва не угодив под колесо.

Луна все еще торчала в небе, значит, с момента нападения прошло совсем немного времени. Возможно, казачьи разъезды где-то совсем рядом, а может, наоборот — поблизости бандиты. Но почему на крики никто не прискакал? Выстрелов и взрывов не слышно, бой закончился. Интересно, что с Милентием и Николой? Живы ли или их накрыло той гранатой, что взорвалась рядом с тачанкой? Смешно — Лёнька так хотел убежать, что мечта сбылась. Теперь все в его руках, да только что делать дальше — неизвестно, и от этого в груди и животе становилось уныло и холодно.

Он встал и огляделся. Степь была абсолютно пустой, куда ни глянь — ковыли, ни деревца, ни кустика, ни человечка. Только лошади уныло плетутся и тащат за собой тачанку со сломанной осью.

Еды никакой, питья — тоже. Из оружия — только пулемет, а его с собой не потащишь. Чего еще можно взять с тачанки?

Послышалось жалобное ржание.

У раненой лошади был разорван левый бок, кишки фиолетовыми лентами свисали из дыры в брюхе. На прикосновения скотина никак не реагировала, только пряла ушами, будто слушая пение приближающихся лошадиных ангелов. Лёнька не знал, как ей помочь, он даже имени ее не знал — все его познания сводились к тому, как животину почистить и чем накормить.

Ее товарка с виду была вполне здорова. Решив, что лучше плохо ехать, чем хорошо идти, Лёнька распряг лошадь и попытался заскочить на нее, как это делали казаки.

Не тут-то было. Животное спокойно стояло, пока Лёнька подпрыгивал и задирает ноги, но отчего-то он все время соскальзывал, будто шкура твари намазана маслом. Отчаявшись, Лёнька подвел лошадь к тачанке и влез на нее.

Сидеть было неудобно, но это еще полбеды. Лошадь просто стояла, а у Лёньки не было ни поводьев, ни шпор.

— Ну, ты, скотина, ехай уже! — сказал он и легонько ударил пятками лошадиные бока.

Ноль внимания, фунт презрения. Лошадь переступала с ноги на ногу, будто пританцовывала на месте, но двигаться вперед отказывалась. Лёнька и лаской, и руганью пытался заставить ее если не скакать, то хотя бы идти, но та лишь фыркала в ответ.

В отчаянии Лёнька плюнул и звонко шлепнул лошадь по крупу. Сделал он это зря, потому что тварь заржала, взвилась на дыбы, и Лёнька свалился на землю. Пока он поднимался, глупая скотина умчалась в ночь, и вскоре не было слышно даже ее топота.

От отчаяния Лёнька даже ругаться не мог. Глаза намокли, стало до того себя жаль, что хоть ложись грудью на пулемет и стреляйся. На минуту он поддался этому порыву, даже залез на тачанку и попытался приладиться к «максиму» так, чтобы удобнее было стрелять. Однако все оказалось не просто: не от близости смерти, не то от холодного кожуха Лёнька замерз еще сильнее.

Он закутался в шинель и долго глядел в небо. Понемногу отступали и вялость, и нерешительность, и дурацкие мысли о самоубийстве. Даже потеря лошади перестала казаться ужасной. Лёнька посмотрел на мир новыми глазами, глазами свободного от условностей человека.

Ведь на самом деле все шло как по писаному! Захотел сбежать? Сделано! Причем получилось так удачно, что, если казаки найдут, даже врать не придется — контузило взрывом, лошади унесли в степь, заблудился. Правда, если бандиты обнаружат, будет сложнее. Однако и тут есть выход — кокарду с фуражки сорвать, память ее хорошенько, потоптать, погоны с гимнастерки долой и вообще — измазюкаться в грязи как следует. Вполне можно сойти за бродягу. Авось не убьют. Простора для маневров — вся степь. Куда захотел — туда и пошел. Если до сих пор везло, то и дальше везти будет.

С этими мыслями Лёнька бодро зашагал туда, где, по его мнению, находился север.

На самом деле там был восток. Лёнька в этом убедился, когда багрово-красное солнце начало светить ему прямо в лицо.

«Сколько ж я прошагал? — подумал он. — Сколько времени потерял?»

Он скинул шинель, чтобы идти было не так жарко, и вдруг одуряюще вкусный запах ударил ему в ноздри. Лёнька остановился и повел носом. Запах пропал, но воспоминание о нем — жареное сало, лук и чеснок — осталось. Лёнька решил, что это у него от голода, поэтому ожесточенно занюхал морок шинелью. Наваждение пропало.

Какое-то время — не больше пяти минут, потому что солнце еще не успело выползти из-за горизонта — он шел спокойно, потом ароматы появились вновь. Лёнька закрыл глаза и пошел на запах, который то усиливался, то исчезал.

«Станица, — думал Лёнька. — Хоть бы это были красные. Хоть бы это был Чепаев».

Но это была не станица, не красные и не Чепаев. Это был маленький хуторок в степи.

Хуторок

Петух пел громко и красиво, не так, как тихвинские петухи горланили — сипло и будто исподтишка. Нет, здесь петух был как на картинке — огромный, цветной, с рубиновыми гребешком и бородкой. Лёнька так загляделся на петуха, что даже не заметил двух мальчишек-погодков, которые стояли у изгороди и глазели на него.

— Ты казак?

— Я? Э... нет, я не казак. Я... я заблудился...

— Тятенька, тятенька, тут казачок заблудился!

Вместо тятеньки из хлева вышла беременная баба.

— Чего разорались? — шикнула она на малых, потом заметила Лёньку и испугалась: — Ты кто такой? Чего надо?

— Тетенька, не гоните! Заблудился я!

Баба покачала головой:

— Нашел, где плутать.

Из дома выскочил седой мужик:

— Чего надо? Пшел отседа.

— Дяденька, чего ругаетесь? Я же ничего плохого не делаю вам.

— Мне и без тебя тут есть, кому плохое делать. Пшел, говорю.

Лёнька смирился, что жареного сала и лука ему не видать и, чтобы не зря торчать, спросил:

— Если уж вы злой такой, покажите, куда до добрых людей идти.

Старик махнул рукой и ушел обратно в дом. Беременная баба осталась во дворе.

— Куда тебе надо? — спросила она.

— Где люди живут?

— Где ты людей-то нынче видал? Все зверье ка- кое-то, а не люди.

— Тетенька, да что ж мне — с голоду помирать? Скажите, где красные, я к ним пойду.

При слове «красные» баба скукожилась, заози- ралась и тишком подошла к забору.

— На что тебе красные?

— Отбился я от них.

Баба с недоверием посмотрела на Лёньку, но возражать не стала. Заговорила негромко, но быстро, глотая окончания слов:

— За домом с той стороны ложок неглубокий, ты там схоронись пока. У нас бандиты живут. Скоро вернуться должны. Увидят тебя — убьют, и нам плохо будет. Погоди немного, я тебе потом поесть вынесу и дорогу до красных покажу. Беги скорее.

Ложок оказался большой выгребной ямой, в которую хозяева сбрасывали все, что нажито и прожито: навоз, объедки и прочий мусор. На самом краю лога гордо возвышалось отхожее место.

Не успел Лёнька выбрать место почище, как послышался конский топот, ржание, и сразу все затихло, но ненадолго. Вскоре прискакали еще двое, и шум возобновился, но теперь к нему добавились женские крики, детский плач и грязная ругань. Потасовка длилась недолго, бандиты, если это были они, быстро разобрались меж собой и не то помирились, не то зарезали друг друга.

Солнце нещадно палило, вонь усилилась, и Лёнька, чтобы не сойти с ума, пытался дышать через шинель, но от вони это не спасало. Когда невозможно стало терпеть, Лёнька попытался вылезти, но в доме опять начался дебош, даже кто-то стал палить из пистолета, а потом снова все замолкло.

Прошел почти весь день. К вечеру, когда одуревший от смрада Лёнька уже и не понимал, на каком свете находится, беременная баба вышла к логу и крикнула:

— Эй, ты здесь еще?

Отвечать Лёнька не мог. Он выполз на карачках и продолжал ползти, пытаясь содрать с себя чудовищную вонь, но это не помогало.

Баба послушно шла следом.

Богдан

На базу нельзя возвращаться сразу. Мало ли, вдруг тебя в бинокль наблюдают? Требовалось покружить по округе, чтобы стряхнуть возможный хвост. Только с рассветом, окончательно убедившись, что его никто не преследует, Богдан поскакал домой.

На душе было противно. Конечно, он не предавал своих товарищей, но и спасти тоже не пытался. Петух не позволил. Формально все правила были соблюдены, но чувство вины перед Алпамыской,

Серегой, а особенно — перед Левкой накрыло лихого бандита с головой. Слава богу, на такой случай у него всегда была припасена фляжка с самогоном.

Алкоголь надежно глушил все то, что просыпалось в душе, едва Богдан вспоминал о совершенных накануне подвигах. Сколько бы крови ни лилось, самогон все заливал. Главное — не трезветь. Это было непросто, потому что с петухом на груди всякое пойло выветривалось из головы с пугающей скоростью.

Когда Серко донес Богдана до хутора, бандит был вдрызг пьян. Серко остановился у коновязи, и Богдан выпал из седла.

— Дормонт! — позвал он, лежа лицом на земле.

Дормидонт, на свое счастье, еще издали увидел, как пылит степь, и уже ждал гостя. Он поднял Богдана и потащил в дом. Богдан волочился ногами по земле, отдавая приказы один бессмысленней другого: налей, говорит, щелоку в выгребную яму... нет, кипятку туда, крутого кипятку! Вилами туда потычь, слышишь? И самогону мне налей. Дормидонт уже привык к странностям Богдана и только бога молил, чтобы кто-нибудь пристрелил ирода.

Не успел Дормидонт подумать об этом снова, как прискакали еще двое — Алпамыс и Серега.

— Богдан! — заорал Серега. — Богдан!

Дормидонт остановился и попытался придать главарю бандитов вертикальное положение.

— А... — махнул рукой Богдан. — Не поубивали вас, значит...

— Ты что творишь, Богдан?! — Серега вынул из-за голенища нож и пошел вперед.

Марфа тотчас запричитала. Один из мальцов, стоявший на пути Сереги и колулавший в носу, получил от бандита крепкий удар по уху. Малец отлетел к матери и громко заревел.

— Ты что творишь, а? — Серега подскочил к Богдану, отшвырнул Дормидонта и приставил нож к горлу главаря. — Ты нас что, сдать хотел?

Богдан, сильно шатаясь, посмотрел мутным взглядом на товарища, а потом его вырвало. Серега, пытаясь увернуться от зловонной струи, неловко дернулся, и тотчас Богдан ухватил его за запястье и резко, до хруста в суставе, вывернул руку. Нож вылетел и вонзился в косяк, перед носом у другого мальчика, который наблюдал за сценой из дому. Дормидонт тут же утащил сына внутрь.

— Ты на кого руку поднял, дерьмо? — нетрезвым голосом спросил главарь у Сереги.

Руку его Богдан не отпускал и даже еще круче вывернул. Серега упал на колени и громко выматерился.

— Эй, Богдан, отпусти Серегу! — окликнул главаря Алпамыс. — Нас там чуть на бешбармак не порубили. Ты почему нам не помогал? Смерти нам хотел?

— Заткнись, — ответил Богдан. — Сами виноваты.

— Мы виноваты?! — злобно прошептал Серега. — Это мы вас бросили, что ли?! Я давно заметил, что ты чужими руками жар загрести хочешь.

Богдан устал. Эти дураки напрочь забыли, что он им говорил.

— Вы сигнал мой слышали? — спросил он.

— Какой сигнал? — в один голос спросили Алпамыс с Серегой.

— Я сказал, что сигнальную ракету выпущу, если соберемся нападать. Вы видели ракету?

Алпамыс недоуменно вращал глазами, Серега воскликнул: «Вот черт!»

— Вы там в героев играли, а Левка вас спасать решил. И dospасался.

Богдан отпустил Серегу и пошел пить.

Через пять минут к нему присоединились товарищи.

— Богдан, ты нас прости, а? — попросил Алпамыс.

Вместо ответа Богдан налил в два стакана мутного первача. Выпили в память о Левке. Над столом кружились мухи. Богдан сначала молча отмахивался от них, потом выхватил маузер и начал лепить в стены и потолок пулю за пулей, пытаясь попасть в мелких бестий, но не попал ни разу.

— Шли бы вы спать, — сказал Дормидонт, прибежавший на шум. Он-то надеялся, что Богдан порешит своих поделльников.

— Пшел вон, — огрызнулся Серега.

— Щас пойдем, — примирительно сказал Богдан. — Щас пойдем...

И уснул прямо за столом.

Лёнька

— Поубивали друг друга? — спросил Лёнька, когда снова смог дышать.

— Как же... — фыркнула баба. — По мухам стреляли.

— Графье прямо, — похвалил Лёнька и тяжело закашлялся.

Вонь никак не хотела выветриваться из легких.

— Слушай, парень, беги отседа побыстрее, — сказала баба. — Я тебе лошадь ихнюю отдам, любую, они все одно их некрепко привязали. Скачи в Лбищенск, там красные стоят, много, если уж они тебе так нужны. Только про нас не говори.

— Почему?

— У свекра хозяйство больно справное, кулаком объявят, все отберут, есть нечего будет.

— Так у вас же бандиты. Их под суд надо.

— Сдурел? У этих бандитов лапа мохнатая в штабе чепаевском, большой начальник. Он сам грозил: если узнает, что его людей сдали, — не жить никому.

— А почему мне помогаешь?

Баба подняла на Лёньку полные слез глаза.

— Придумай что-нибудь! Нет мочи терпеть этих иродов! Найди там упыря, который этих злыдней покрывает, что хочешь сделай, но избавь нас от них. Век за тебя молиться буду.

На коня Лёнька забрался с третьей попытки, когда баба взяла животное за узду.

— А ты и вправду не казак, — сказала она немного разочарованно.

— Извини, что подвел. Куда ехать-то?

— Сейчас вдоль колеи поскачешь, потом, как на большак выйдешь, поворачивай налево. Верст через пятьдесят Лбищенск будет. Ну, с богом.

Лёнька попрощаться не успел — баба хлопнула жеребца по крупу, и пришлось крепче держаться за поводья, чтобы не свалиться. Когда Лёнька обернулся через плечо, ни бабы, ни хутора уже не было, все заволочло дорожной пылью.

Чепай

Несмотря на все победы и удачи 25-й дивизии, командиром которой стал Василий Иванович после переформирования Александро-Гайской бригады, напряжение в дивизионном штабе чувствовалось нешуточное. Целыми днями Чепаев мотался на своем «форде» по расположениям, и чем больше получал сведений, тем мрачнее становился.

Последние недели были выматывающими. Белые дрались за каждый хутор, как за последний; казачьи разъезды в тылу стали обычным делом; то и дело нарушались поставки боеприпасов и продовольствия; недавно даже аэроплан пролетал и сбросил несколько бомб. Его попытались догнать, но какое там — пока «Ньюпор» поднялся в воздух, врага и след простыл. Вдобавок ко всему в некоторых соединениях обнаружился тиф, и болезнь распространялась с ужасающей скоростью. А ведь надо готовиться к наступлению на белоказаков, чтобы запереть их у Каспия.

Все это будило в начдиве зверя.

Недавний разговор по прямому проводу со штабом армии еще больше разозлил Василия Ивановича. Во-первых, вместо командарма говорил зам по тылу, во-вторых, на все аргументы и доводы Чепая тот, как попка, повторял:

— Броневзвод прислать не можем, сложная обстановка.

А где она не сложная? Штаб армии будто нарочно оставил 25-ю дивизию без прикрытия на флангах, приказы о наступлении приходили задним числом и без указания даты и времени отправления, и можно было подумать, что Фрунзе специально отдает Чепаева белым. Дождался, подлец, отплатил Чепая за весенний демарш.

— Любитесь вы конем, ковнюки, — рявкнул Чепай и бросил трубку, когда понял, что зам по тылу ничего не скажет. — Ну, подождите, попомните вы Чепая!

Конечно, это была бравада. Бронеэскадрон требовался Чепаяу как воздух. Слишком подозрительно активизировались в последнее время колчаковцы. Не координируют ли они действия с Деникиным?

Чепай просыпался рано, так что Петьке сам бог велел вставать еще раньше — насчет чаю распорядиться, сапоги начистить, проверить список дел, обзвонить командиров, чтобы не опаздывали. Петьке все это было не в тягость, он порхал, как жаворонок.

Утром его можно было видеть в нескольких местах одновременно. Дивизионный комиссар Фурман прежде с кислой ухмылкой обзывал Петьку каким-то Фигаром (видимо, тот тоже был шустрым малым), и Петька весело соглашался, хотя Фурмана терпеть не мог.

Правда, после штурма Лбищенска, когда комиссара вызвали в Уральск, чтобы он возглавил политотдел, Петька даже расцеловался с Фурманом и вообще держался весело и независимо.

Увозили комиссара в чепаевском «форде» и провожали, будто невесту в чужой дом, — с почестями и мыслями «ну, наконец-то отвязались». Никто не знал, отчего дивизионного комиссара вдруг перевели в политотдел армии, но в душе каждый этому радовался.

Однако Петька с уходом Фурмана веселее не стал. Если раньше они с Чепаем всюду были рядом, как сиамские близнецы (это опять Фурман рассказал, что бывают такие люди, которые в утробе срослись боками), то теперь Петька не задерживался, чтобы побалагурить или чаев погонять, — получал приказ и тут же исчезал, будто не хотел с Василием Ивановичем в одном помещении находиться.

Поначалу Чепай терпел. Думал — притомился вестовой, слишком часто летал туда-сюда под пулями. Может, дела сердечные у него не ладятся, медсестра Машка Попова взаимностью не отвечает. Бывает. Перебесится парень, не маленький.

Но потом высокомерие порученца стало раздражать. Василий Иванович только повода ждал, чтобы Петька чуши напорол, и тогда прижать его, шельмеца.

Случай представился утром.

— Петька! — заорал Чепай, выскочив в исподнем на крыльцо. — Петька, живо ко мне!

Петька, будто ошпаренный, выбежал из хлева с подойником, от которого шел пар.

— Ты какого ляда там делаешь?!

— За молочком вот...

— Ты баба, что ли, коров доить?! Иди сюда, контра недобитая!

Петька опасливо приблизился к начдиву. В руке Чепай держал портянку.

— Это что за контрреволюция, любись она конем?! — и портянка полетела в лицо ординарцу.

Петька увернулся, посмотрел на упавшую рядом тряпку. От портянки даже на легком сентябрьском ветерке тянуло кошачьим духом, настолько ядреным, что слезы на глаза наворачивались.

— Это не я, Чепай! Это кот.

— Что за кот?

— Хозяйский. Не то Фунтик, не то Шпунтик...

— Ты мне зубы не заговаривай, не видел я тут никакого кота, любись он конем.

— Так он боится, Василий Иванович...

— Кого боится?! Меня боится?! Меня только контра боится!

Ординарец стоял, не зная, куда себя девать.

— Где эта сволочь? — спросил Чепай.

— Которая?

— Кот твой где?!

— Не знаю. А зачем?

— Расстреливать его буду! Именем революции! Чепай, как был, босиком, спустился с крыльца, поднял портянку, нюхнул и вздрогнул.

— Хуже иприту германского! У меня смена стирается?

— Сейчас распоряжусь...

— Отставить распоряжаться! Дай молока. Петька протянул начдиву подойник. Василий Иванович стал жадно пить, молоко потекло по усам и подбородку, пролилось на исподнее.

— Ух, — сказал он, напившись, — какая все-таки гадость это теплое молоко, любись оно... Давай лучше чаю.

— Сейчас распоряжусь...

— Стоять! Я сказал — отставить распоряжаться. Сами без рук, что ли? Пойдем...

Но Петька не пошел. Стоял на месте, смотрел в землю и глаз на Чепая поднять не смел.

— Петька, я тебя расстрелять велю, наверное, — пошутил Василий Иванович. — Ты меня никак предать задумал? Да не трону я твоего кота, хотя сученыш он тот еще, всю ночь в ногах у меня спал, а под утро такую диверсию учинил! Отвечай, чего дуешься, как мышь на крупу? Я тебя что, обидел чем-то?

— Никак нет, товарищ Чепаяв!

— Ты что, с ума сошел, Петруха? Какой еще «товарищ Чепаяв»? Я тебе чужой, что ли?

Чепай вернулся к Петьке и требовательно поднял его лицо за подбородок:

— В глаза смотри, говорю!

Глаза у Петьки были на мокром месте. Ординарец, который с риском для жизни вытаскивал начдива из-под авианалета, который весело зубоскалил, когда они удирали от белочехов и силы были куда как не равны, — плакал! Это ж какой силы должна быть обида, чтобы Петруху до слез довести.

— Ты чего, Петюнюшка? — испуганно спросил Чепай и обнял боевого товарища. — Что с тобой, а?

— Извести тебя хотят, Василий Иванович! Нету терпежу эту муку адову терпеть, все как есть расскажу, и расстреливай меня при всем честном народе.

«Точно сбрендил парень. В отпуск его отправить, что ли?» — промелькнуло у Чепая, но сказал он другое:

— Да кто меня изведет? Ты, что ли?

— Я, — кивнул Петька и поднял на обалдевшего начдива глаза.

Чепай даже рот открыл.

— За что, стесняюсь я спросить?

— Кабы я знал, за что... — тяжело вздохнул Петька.

— Так, хватит вокруг да около ходить. Пошли ставить самовар, там мне все и расскажешь.

История оказалась настолько подлой и дикой, что пить чай начдиву расхотелось.

Петька

Все произошло через день после того, как в Лби-щенск перевели штаб дивизии. Фурман улучил момент, когда Петька седлал лошадь, и спросил:

— Как семья, Петр Семенович?

— Спасибо, Дмитрий Андреевич, ничего. А у вас как?

— И у меня тоже, в известной степени. Хотите, фото покажу?

Петька не хотел.

Фурман оказался еще хуже, чем Ёжиков, которого в марте отправили в Туркестан. Он все время терся возле Чепая, воспитывал его. И Чепай какой-то стал... не то заигрывал с комиссаром, не то заискивал перед ним. Сколько раз уже было замечено — повторяет Чепай за Фурманом слово в слово. Услышит вечером — утром повторит, услышит утром — вечером перескажет и вроде как за свои мысли выдает.

Однако, чтобы не обострять, Петька согласился посмотреть на фотографию.

У Фурмана их цельная пачка оказалась. Вот это мама. Вот это невеста. Вот это сам Фрунзе. Вот это... а, нет, это не то. Вот это мы все дома, за чаем. Вот это мы...

Петька стоял, и в глазах его было темно. Потому что «а, нет, это не то» была фотографией его семьи — матери, сестер и деда. Такой фотографии у Петьки не было. Все домочадцы на ней сидели рядом и серьезно смотрели на него.

Он схватил комиссара за грудки, подтянул к себе.

— Отдай карточку, — сказал Петька как можно страшнее. — Отдай сейчас же.

Фурман вынул фотографию из пачки и протянул Петьке. Петька посмотрел на своих родичей и перевернул карточку. На ней химическим карандашом было написано: «Самарская ЧК, 17 авг. 1919 г.».

— Вы, товарищ Исаев, — просипел Фурман, — нервный какой-то. Это плохо, если учесть, что миссия, которую на вас собирается возложить командование, требует исключительного самообладания.

— Сам собой обладай, паскуда.

— Давайте без этой похабени, у меня серьезный разговор.

Разговор был и впрямь серьезный. Настолько, что мурашки поползли по спине.

— Да не смотрите на меня, Петр Семенович, как солдат на вошь. Я понимаю, что методы у советской власти чрезвычайные, но ведь и обстоятельства сейчас таковы. Это, в известной степени, законы военного времени. Сейчас ведь везде война...

— Кому война, а кому мать родна.

— Обидеть меня хотите? Напрасно. Я ведь против вас лично ничего не имею, вы мне даже в известной степени симпатичны: смелый, веселый, опять же — авторитет у вас среди бойцов нешуточный. Такие люди позарез нужны советской власти.

— А я что — против нее воюю? Не я ли шпиона белого в одиночку поймал, пока чекисты в засаде отсиживались?!

Фурман поднял руки — сдаюсь, мол.

— Вы правы — вы и так на нашей стороне. Но в штабе армии считают, что вы с Василием Ивановичем слишком оторвались от политических реалий.

«Ах, вот к чему ты, сучий потрох, клонишь», — подумал Петька.

— Вы, и прочие командиры из группы Василия Ивановича, и сам товарищ Чепай — как вы себя называете?

— И как же?

— Вы говорите — «мы здесь советская власть».

— А мы не власть?

— Нет, вы — не власть. Вы — слуги власти.

— Чего?! — рука Петьки сама потянулась к кадыку Фурмана.

— Оставьте свои плебейские замашки! — вспыхнул комиссар.

— Слуги?! — Петька зашипел, будто вода, пролитая на раскаленную печь. — Мы для чего революцию делали?! Чтобы чьими-то слугами быть? Если не мы, то кто тогда власть?

Фурман смотрел на Петьку, как на дите неразумное.

— Вы думаете, что власть — это шашками размахивать и на лошадке перед девками гарцевать? — спросил комиссар. — Так вот, вы сильно ошибаетесь. Власть — это ответственность, власть — это планирование. А вы только стрелять умеете...

— Я тебя спросил: кто тогда власть?! Ты?

— Ну, в известной степени, как представитель...

— А я — не представитель? А Чепай?

— Вот видите — вы все время про себя говорите. А власть — это когда все вместе, заодно.

— Так, я все понял, — успокоился Петька. — Значит, вы — власть, а мы — ваши слуги. Так?

— Ну, в известной степени...

— Не юли, комиссар! И чем же мы вам не потрафили?

— Не делайте из нас чудовищ, Петр Семенович. Вы прекрасно справляетесь со своей работой, но не видите ничего дальше поставленной штабом задачи. А нужно видеть. В известной степени от этого зависит ваша жизнь. И жизнь ваших близких.

Было видно, что Фурман не решается заговорить о конкретном деле.

— Ну?!

И он рассказал. Что, мол, уполномочен возложить на Петра Семеновича Исаева, верного порученца начдива Чепайева, спецзадание от самого командарма Михаила Васильевича Фрунзе. Сказал, что носит начдив с собой талисман в виде льва и не расстанется с ним никогда. Многие уже этого льва видели, чаще всего перед боем, когда Чепай его на шею надевал и по необразованности думал, что становится непобедимым. Так вот этот талисман нужно изъять и передать командарму.

— Изъять? Как это — изъять?

— Обыкновенно, в известной степени. Украсть. Отнять. Снять с пьяного. Или с убитого. Все равно, как вы исполните это задание, главное, чтобы эффективно. Вы знаете значение слова «эффективно»?

— Тварь ты, — тихо сказал Петька.

— Что?

— Тварь, говорю, ты. Змея подколотная. Жаль, тебя в Сломихинекой за трусость не расстреляли.

— Не забывайтесь, Петр Семенович. Не в вашем положении дерзить. В случае успеха операции вам будет гарантирована полная безопасность вашей семьи, повышение по службе, возможно — перевод в штаб армии.

— Жопы полковничьи лизать, что ли? Правильно Чепай вашего брата не любит, буржуев недобитых. Мы революцию делаем, а вы на наших горбах в светлое будущее едете. Ничего, Чепай тоже не дурак, он все понимает. Вот сломает хребет казакам — и за вас примется.

— Так и передать товарищу Фрунзе?

— Так и передай.

— Я очень уважаю вашу преданность Чепaeву, товарищ Исаев. Ну что ж, очень жаль. Фотокарточку оставьте себе. Каждую неделю вам будут присылать новую, с семьей в полном составе. В известной степени, конечно — фотографировать же будут только живых.

Фурман не боялся. Фурман был уверен, что Петьке некуда деваться, — и был прав.

— Надеюсь, когда наша беседа окончится, ты поведешь себя по-умному и все сделаешь правильно, — сказал комиссар, внезапно перейдя на «ты». — Дело в том, Петр Семенович, что у тебя сейчас еще есть сила, но... жаль это признать, силы не вечны. И твои дни, они уже почти сочтены. В этом и заключается самая главная несправедливость жизни. Но к этому нужно подходить здраво. Ты, товарищ Исаев, думаешь, что будешь стареть, как вино. Если смотреть с позиций того, что вино в итоге превращается в уксус, то это так, но если ты думаешь, что с годами, как вино, будешь становиться лучше, то ты ошибаешься. Сколько раз, как ты думаешь, сумеешь выжить в атаке? Пару раз? Мирная жизнь ветеранов не терпит. Ты подошел совсем близко к славе, но твое время уже вышло, и если ты хотел славы, надо *было* стараться раньше. Ну что, договорились?

— Считай, что да.

— Перед делом ты почувствуешь неприятное легкое покалывание. Это твоя гордость. Пошли ее ко всем чертям с матерями, от гордости одна головная боль, а толку никакого. Перебори ее в себе, потому что уже через год, где-нибудь в Крыму, ты скажешь: «Товарищ Фурман был прав».

— Никакой головной боли, товарищ Фурман.

— Через месяц ты позвонишь в штаб.

Петька кивнул.

— Скажи это, — велел Фурман.

— Через месяц я позвоню в штаб.

— Скажешь пароль: «два-двенадцать, жду». За тобой приедут, и ты лично передашь льва товарищу Фрунзе. Повтори.

Петька повторил.

И повторял каждое утро до самого сегодняшнего дня.

Нельзя сказать, что Чепая удивила история Петьки. Но разозлился он не на шутку, едва самовар не расплющил от ярости. Какими только словами ни называл он бывшего комиссара, командарма и всю советскую власть. Будь здесь политработник дивизии Батурин, свой, родной — наверняка расстрелял бы за махровый антибольшевизм и Василия Ивановича, и Петьку, а потом сам бы застрелился за то, что слышал.

— Так я и знал! — кипел Чепай. — Пригрел змею- ку! Что ж ты раньше молчал, тюня-бакенщик? — и Петька получил подзатыльник, словно он не порученец, а малолетний оболтус.

— Так я ж ведь думал...

— Думал он! Заstraщали его! Ты что — не знаешь меня?! Приходи ко мне в полночь и за полночь. Надо — так разбуди. Я навсегда с тобой, я поговорю, скажу, что надо... Обедаю — садись со мной обедать, чай пью — и чай пить садись. Вот какой я командир!

Чепай несколько раз прошел по избе из конца в конец, уселся на лавку, закинул ногу на ногу и пристально посмотрел на ординарца.

— Точно не наговариваешь?

Петька тут же скуксился:

— Чепай, ну что ты из меня...

— Молчи, сам вижу, что не врешь.

Чепай глубоко задумался, замер, и только пальцы ног шевелились. Петька заворуженно смотрел на них.

— Это их любимая тактика — заложников брать, — сказал Чепай. — Мне они тоже грозили. Только вот что я скажу — накося выкусите-ка, любитесь вы конем! Тронешь мое — и кровью умоешься. На самом деле, когда они заложников берут — они сами *боятся*. Это террор, Петька. А террористам на уступки идти нельзя, иначе они сядут на шею и ноги свесят. Да, они могут убить твою семью. Но за свои семьи они тоже боятся и знают, что ты можешь прийти за ними. А ты придешь! И я приду!

Чепай вскочил на ноги, испугав хозяйского кота, который тоже внимательно следил за босыми пальцами начдива.

— Брысь, контра! — рыкнул на животное Чепай, а сам навис над ординарцем: — Пойми, дурья твоя башка, Фурман боится не меньше твоего. Всякая власть на страхе держится. А вот ты выйди и скажи — не боюсь! И кулаком по столу ударь. Тогда все подумают: вон Петька не боится, значит, сила за ним. Встанем за Петьку, за нами тоже сила будет. Понял?

— Понял!

— Не будешь бояться?

Петька опустил голову, но потом резко поднял и сказал:

— Есть не бояться!

— Вот так, молодца. А теперь сгоняй за чистыми портянками.

Письмо

Через час мотор с начдивом и порученцем колесил по Лбищенску. Красноармейцы чинили разрушенные во время штурма укрепления и строили новые. На складах делали опись захваченного имущества, несколько барышень-машинисток бойко тарахтели на печатных машинках, не хуже, чем из пулеметов. Местное население, в основном бабы, старики и дети, опасливо выглядывали наружу, опасаясь — вполне обоснованно — грабежей. Правда, основная масса скота и прочего добра отступила вместе с белыми на юг еще месяц назад, так что грабить было нечего, да и Чепай в последнее время мародерство пресекал.

Показательных расстрелов тоже не проводилось. Чепай сказал, что патронов и без того мало, нечего их тратить на всякую контру, а штыками колоть или шашками рубить — это в бою легко, но когда враг безоружный перед тобой стоит... мало кто на такое решится. Не то нравы в 25-й дивизии смягчились, не то начальник слабинку начал давать, но на отсутствие казней не жаловались.

Никто из бойцов чепаевской группы не знал, что Василий Иванович давно и крепко размышляет, на той ли стороне воюет. За голову начдива объявлена была награда в двадцать пять тысяч золотом, и Чепай в шутку рассуждал, а дадут ли ему эти деньги, если сам придет и сдастся?

Сначала, конечно, это было дурачество, но чем дальше, тем серьезнее становились мысли. И дело вовсе не в деньгах, хотя жалованье дивизии и впрямь платили с большими запозданиями, отчего процветал грабеж гражданского населения.

Чепая смущали методы и цели власти, за которую он воевал. Ведь воевать-то он пошел за землю крестьянам, фабрики рабочим и хлеб голодным, а не против таких же, как он, нищелюбов. Простой плотник из-под Николаевска, он всего-то и хотел — вернуть свое. А потом понеслось — отряд стал разрастаться, должности посыпались, учеба в Генштабе. И ни конца, ни края этой революции.

Чепай ждал, что крестьянину и прочему люду просто дадут вздохнуть свободно, разрешат заняться своим делом. Большевики так обещали. Но вот уже два года, как большевики у власти, а кровь все льется, и на земле работать некому. Никто не пашет, не плотничает, на гармошке не играет — все ушли на фронт.

«Вот бы армию по хатам вернуть», — думал Василий Иванович, и решимость его крепла раз от раза.

Большевикам он уже не доверял. Эти оказались еще худшими дармоедами, чем буржуи. При тех можно было фигу в кармане держать, огрызаться, а иной раз и к ответу призвать, если ушлый. С большевиками все не так. Инакомыслия они не терпели, поэтому комиссаров своих понатыкали гуще, чем вшей на солдате. Когда война закончится — если закончится, — этим комиссарам будет нечего делать, и они пойдут стращать народ. И застрашают, вон как того же Петьку.

Лучше вернуть на место прежнюю власть. Ткнуть их мордой в то, что осталось от страны, как хозяйского кота в испоганенные портянки, сказать: «Вот, видите, до чего страну довели? Управляйте теперича с головой, не то в следующий раз ее оторвем».

Выбор пал на Колчака. Тот хоть и был сукиным сыном, но первый в семнадцатом году присягнул Временному правительству.

Письмо, которое Василий Иванович сочинял несколько дней, никак не должно было попасть в руки большевикам, иначе объявили бы Чепая предателем и ренегатом, контрой последней и расстреляли бы. А потом бы повесили. Или наоборот. Потому что адресатом был Верховный Правитель России адмирал Александр Васильевич Колчак.

«Омск, адмиралу Колчаку, лично.

Господин Колчак, пишет вам начдив 25-й стрелковой дивизии Чепая. Знаю, что имеете зуб на меня, крепко я ваших людей на фронте трепал. Однако же и сам трепан был и зла за это не держу, потому как война. Слышал, будто даете за голову мою деньги большие. Предлагаю сделать экономию. Я и дивизия моя можем запросто очистить занимаемые нами плацдармы, оставить оружие и боеприпасы и разойтись по домам, а сам я пойду в полное ваше распоряжение, хотите — расстреливайте, хотите — вешайте. С одним только условием — не трогайте моих бойцов, не их это вина, что они ваших бойцов убивали. Только знаю, интересен вам будет секрет, как простой и неотесанный Чепая побивал ваши полки и кадровых офицеров ваших обводил вокруг пальца. Весь мой секрет доложу вам при личной встрече, коли согласитесь принять. Знаком согласия буду считать три зеленые сигнальные ракеты с бухарской стороны не позднее первого октября. За сим остаюсь покорный ваш слуга Василий Чепая».

Письмо Василий Иванович собирался отправить в Омск с верным человеком.

Был у Чепая и другой вариант, который он разыграл раньше, но, похоже, там все обернулось крахом.

Еще по весне отправили в помощь Махно, воевавшему тогда за красных, краскома Тверитинова, толкового командира, из бывших военспецов. Да вот затянулась командировка, взъерепенился Нестор Иванович на большевиков за обман и предательство, и остался Тверитинов не то в плену, не то заложником, не то вовсе поплатился жизнью.

Но учитель из Гуляйполя, который бил красных, чтобы побелели, и белых, чтобы покраснели, как и прежде, привлекал восхищенный взгляд начдива.

Перебросили бы бригаду Василия Ивановича на Кавказский фронт, он нашел бы способ соединиться с батькой и тогда показал бы большевикам, что такое настоящая советская власть.

Василий Иванович с замиранием сердца следил за подвигами батьки и крепко подозревал, что у Нестора Ивановича есть талисман — такой же, какой лежит у Чепая в левом кармане френча, у самого сердца.

Талисман

Историю своего талисмана Чепая никому не рассказывал, хотя была она и захватывающей, и необычной.

Для будущего начдива она началась в Волини, в пятнадцатом году, когда командир роты капитан Бурашников вызвал поручика Ночкова и передал приказ, что нужно идти через линию фронта и добыть языка. Ночков, совсем юный тогда, дерзкий, веселый и изобретательный, командовал взводом и маленькой — в три человека — разведгруппой.

Кроме Ночкова в группу входил Василий Чепая, семь лет назад уволенный из армии по состоянию здоровья в резерв, но теперь стреляный воробей, прекрасный боец и фехтовальщик, запросто, будто в

гости, ходивший через линию фронта, и вольноопределяющийся Николай Гумилев, который к тому времени тоже стал унтер-офицером, как и Чепаев.

Гумилев был из буржуев, не военспец, но держался на фронте куда как лучше иного фронтовика, был хладнокровен и дрался отчаянно. Как-то он обмолвился, что бывал в Африке и видал такое, что в Европе ему бояться нечего. Чепай люто завидовал Гумилеву за те приключения, которые он испытал, и часто представлял себя на месте Николая.

На этот раз все приключения достались Чепаеву.

Ударная группа австрийков, почти полсотни бойцов, оказалась там, где ее не ждали — перед самым носом русских. Похоже, австро-венгры собирались ударить на рассвете, когда внимание притуплено сильнее всего. На цепь врагов первым наткнулся Чепаев.

Австрияки спали. Знакомая ситуация — командир выводит бойцов на позицию и дает отбой до определенного часа. Как только подходит время, бойцы, уже отдохнувшие, четко выполняют поставленную задачу и либо отступают, либо занимают плацдарм, в зависимости от полученного приказа. Василий нос к носу столкнулся с офицером.

Дрались молча, на ножах. Чепаев не звал на помощь, потому что до линии фронта было еще полмили, проваливать задание не хотелось, австрияк — потому что до русских позиций было совсем недалеко, и не спящие еще враги легко могли накрыть его людей из пары орудий.

Чепаев впервые столкнулся с таким противником. Австрияк был дьявольски смел, настолько, что сначала едва не обратил Василия в бегство. Однако сообразив, почему враг не поднимает шум, фельдфебель Чепаев бросился в контратаку.

Силы были абсолютно равны. Австриец брал не умением, а натиском. Чем больше ран наносил ему Чепаев, тем отчаяннее дрался офицер.

Наконец противник осознал, что слабее, и негромко крикнул:

— Ангриф!

Эту команду Чепаев знал, она означала — «к бою». Он услышал, как передергиваются затворы, но тут же австрияк добавил:

— Нихт шиссен!

Ага, не хочет, чтобы стреляли. Ну, тогда мы еще...

Мамочки, сколько же их поднялось, прямо как тараканов! До врагов было недалеко, шагов пятьдесят, а в уме у Чепаева стучало только одно — валить офицера, валить офицера!

Тот, будто услышав мысли русского фельдфебеля, навалился на него с утроенными силами. Чепаев почти запаниковал — где Ночков и Гумилев? Видят ли они его? Что собираются предпринять?

Первым выскочил Гумилев. Похож он был на жабу — нацепил авиационные очки, это значило, что сейчас в ход пойдут перец и соль. Такие пакеты придумал Ночков на крайний случай — пускать в глаза противнику. Очки догадался использовать

Гумилев — мол, если ветер будет на тебя, сам хватанешь перцу в глаза, нужна какая-никакая защита. Тащить в разведку очки не хотелось, но пару раз эта тактика спасла разведчикам жизни, так что приняли на вооружение.

Сегодня, по счастью, ветер дул в сторону врага, и уже через несколько мгновений слышались сдавленные крики ослепших австрийков.

Однако это не помогало, потому что, даже ослепшие, они шли в бой, размахивая штыками во все стороны.

— Ночков, я их не сдержу, зови подмогу, — крикнул Гумилев.

Но Ночков сам был окружен и отбивался от десятых.

Поняв, что дело пахнет керосином, Чепай на свой страх и риск — очки-то он не надел, выхватил из-за пояса бумажный пакет и одним точным ударом разорвал о лоб офицера.

Голова австрияка окуталась облаком, но Чепаев этого не видел — в момент удара он зажмурился и упал на спину.

Перекувыркнувшись, Василий принял боевую стойку. Офицер чихал и тер глаза, потом сказал «шайзе» и бросился в атаку вслепую.

Такой страшной, сопливой и слезящейся рожи Чепай потом даже в кошмарах не видел. Пропустив врага мимо себя и ударив обухом ножа по шее, Василий сразу вскочил австрияку на спину и обезоружил.

Но гаденыш и после этого сопротивлялся. Он вывернулся и умудрился выбить нож из руки Василия, после чего вцепился зубами в руку и начал буквально отгрызать ее. Звуки рукопашного боя нарастали, Ночков вскрикнул — видимо, его зацепили. Гумилев держался прекрасно, но убитых им слепых австрийков заменяли другие, уже зрячие.

Чепаев разозлился. Его товарищи сейчас бились каждый с десятком, а он с одним справиться не может. И Василий впился в шею врага, прямо в сонную артерию.

Во рту стало солено и остро, но не от крови, а из-за соли и перца, покрывавших лицо и шею врага. Австрияк захрипел, заметался, разжал челюсти и в отчаянной попытке освободиться от смертельной хватки рванулся так, что едва не свернул Василию голову. Попытка увенчалась успехом, но именно это погубило австрийца. В зубах Чепая остался огромный кусок мяса, откушенный во время рывка. Офицер схватился за рану, пытаясь удержать хлынувшую кровь. Напрасно — она была фонтаном из-под пальцев, и через несколько мгновений австрияк испустил дух.

— Хэнде хох! — выкрикнул Чепаев.

Один за другим австрияки бросили оружие и подняли руки.

— Вашу маму... — выдохнул раненый Ночков.

Чепаев торопливо обыскал убитого офицера и нащупал у него на груди не то кулон, не то медальон, оказавшийся чрезвычайно холодным на ощупь. Не глядя, Василий засунул трофей в карман.

Нужно было доставить пленных в расположение роты.

Триумф победителей был немного подпорчен тем, что офицер погиб, а от рядовых толку никакого, только провиант на них изводить. Но все же вернулись живыми, предупредили диверсию, к которой русские не были готовы, пусть без языка, но с результатом.

Под утро, сидя у костра, поочередно хлебая из кружки водку и не хмелея, Гумилев и Чепаев рассматривали кулон, сорванный с шеи австрийца.

— Дай-ка посмотреть, — попросил Николай, и Василий протянул ему трофей.

Кулон был чуть больше пятака и блестел, как серебряный.

— Это лев, — сказал Гумилев.

— Который в Африке?

— Да, царь зверей. Смотри еще, — и, к ужасу Василия, Гумилев бросил льва в костер, в самый жар.

Василий вскрикнул, схватился за кочергу, но Гумилев остановил его.

— Подожди! — приказал он, метнув на Василия внимательный взгляд из-под косматых бровей.

Со львом ничего не происходило. Он лежал в углях, темнея четким контуром. Спустя минуту-две Гумилев поднялся. Вокруг было темно и тихо,

только приглушенно клацали ножницы в лазарете, где штопали Ночкова. Николай немного постоял, глядя на огонь, потом кочергой вытащил льва из костра и поднял его. Василий перевел дух.

— Холодный, — сказал Гумилев. — Держи.

Чепаев принял льва дрожащей рукой, и он показался ему плотнее и тяжелее обычного.

— Смотри внимательно, — сказал Гумилев и вынул из-за пазухи похожую фигурку, только не льва, а какую-то другую тварь, вроде рака, без усов и с длинным хвостом, завершающимся острым крюком.

Но странным было не это, а глаза Николая, которые внезапно поменяли цвет на голубой и зеленый.

— Как это? — ошалел Василий.

— А вот так. У тебя сейчас глаза такие же, как у меня.

Говорили они всю ночь. И о том, что это за фигурки, и для чего, и откуда взялись. Конечно, откуда эти штуки, Гумилев не знал, но о свойствах талисманов — их, оказывается, было великое множество — рассказал удивительные вещи.

— А этот что может?

— Не знаю, — Гумилев пожал плечами. — Видимо, смелости придает.

— Сразу всем?

— Откуда же мне знать?

— А твой что делает?

— Этого я тоже до конца не понял. Не морочь себе голову. Береги талисман — он не зря тебе в руки дался.

Кисет

Ночков встретил Чепаева в штабе.

— Василий Иванович, отойдем, пошептаться надо, — сказал начальник штаба вполголоса.

Предчувствуя неладное, Чепай велел Петьке остаться в «форде», а сам спустился к Ночкову.

Свою клетушку начштаба соорудил в подполе: поставил и нестораемый шкаф с документами, и койку, чтобы спать, и стол, чтобы работать. Обстановка была аскетической, ничего лишнего. Ночков вообще предпочитал жить в штабе и не отвлекаться на быт.

— Сядешь? — спросил Ночков, кивая на табурет.

— Говори, зачем позвал.

— Узнаешь? — Ночков положил на стол кожаный кисет, шитый бисером.

Чепай побледнел. Он узнал кошель, в котором хранил свой талисман до недавнего времени. Кошель шила жена, Пелагея, еще в четырнадцатом, когда резервиста Чепаева вновь призвали в армию. Из этого кисета фельдфебель Чепаев не раз угощал табачком товарищей — Ночкова и Гумилева.

— Откуда?

— Пришло из Уральска, с донесениями из штаба армии.

— Я заберу это, — сказал Чепай и положил кисет в карман галифе.

Ночков возражать не стал — на лице командира было написано, что все плохо.

— Еще что-то? — спросил начдив.

— Все.

— Спасибо, Ночков, — сказал Василий Иванович.

— Не за что, — растерянно ответил начштаба. В таком состоянии он видел Чепая впервые.

Наверху столпилась толпа вестовых.

— Товарищ Чепаев!..

— К Ночкову, — отмахнулся начдив. — Он здесь главный.

Мрачнее тучи вышел он на крыльцо. Здесь уже ждался Петька:

— Чепай, тебе сказали?

— Чего?

— Кое-что. Говорят, видели в степи отряд белых, совсем недалеко от нас.

— Кто говорит?

— Садовский и Сладковский.

Летчики Садовский и Сладковский, вчерашние гимназисты (обоим по девятнадцать лет), всегда работали в паре. Они были гражданскими, ничего, кроме аэропланов, их не волновало, и оттого их больше использовали для устрашения неприятеля.

Было еще два летчика, из бывших военспецов, тех использовали для дела.

— Отправь Ларионова и Кутько, те поопытнее будут. Откуда, говорят, отряд?

— С юга.

— Наверняка вдоль реки идут. Немедленно отправь проверить.

— Есть!

Петьку как ветром сдуло.

Чепай проводил его взглядом и достал из кармана льва. Ему сейчас нужно было немного смелости, чтобы посмотреть вперед.

На душе было мутно и пусто, хотелось бросить все — и дивизию, и чертову бирюльку, — пойти и утопиться в холодном Урале.

Человек, который взял на себя ответственность доставить депешу Колчаку, был отцом Чепаева, Иваном Степановичем. Больше никому такую тонкую операцию Чепай доверить не мог. Никто не

заподозрит полуслепého одноногого старика в том, что он несет через линию фронта серьезный документ.

Фурмана в Уральск отправили на «форде» Чепая не из доброго расположения к комиссару. Володьке Козлову, водителю, поручили довезти Фурмана до квартиры, а потом мчаться на вокзал, куда должен был приехать отец Чепая.

Старик и вправду ждал уже несколько дней. Козлова он хорошо знал, как и машину, поэтому заметил еще издалека. Приехал старик налегке, с легонькой котомкой. Козлов помог ему взобраться в автомобиль, и они сразу отправились в Лби-гценск.

Приехали за полночь, но Чепай не спал.

— Здравствуйте, тятя, — сказал Василий Иванович.

— И тебе не хворать, — поздоровался отец. — Чего звал?

— Может, перекусите с дороги?

— Куда тебя денешь. Сымай меня отседова.

Чепай помог отцу спуститься из «форда», потом Иван Степанович пошел сам, опираясь на клюку.

Отношения у отца и сына Чепая были странные. Василий рано ушел из дома, поскольку имел характер независимый и часто ругался с отцом по мелочам, хотя в главных вопросах с ним сходилcя. Но даже при сходных взглядах на жизнь признать правоту друг друга Иван Степанович и Василий Иванович не могли, так что предпочитали вовсе не разговаривать, чтобы дело не доходило до драки.

Однако когда Василий Иванович, не зная, к кому еще обратиться за помощью, от безысходности позвал безногого отца, тот молча собрался и приехал.

В избе начдива было пусто — только длинный стол с двумя скамьями по обеим сторонам и пишущей машинкой, сиротливо стоящей на краю, койка в углу и русская печь.

— Без бабы живешь? — спросил Иван Степанович.

— Без бабы. Не до баб сейчас.

Иван Степанович посмотрел на сына как на юродивого — со смесью жалости и брезгливости.

— Совсем тебе война мозги-то поиссушила. Как — без баб? Вы без баб совсем озверели все. Мужик умягчение нужно, а вы все сухие, намазанные, — Иван Степанович вздохнул и сел на скамью. — Ну, зачем звал?

Василий Иванович сел рядом и рассказал. И чем дольше отец слушал, тем шире улыбался.

— Ты чего? — спросил Василий Иванович.

— Гляжу, Василий, ты в ум входить начал.

В другой бы раз начдив завелся, и опять вместо разговора случилась бы ругань, но, видимо, Василий Иванович и впрямь начал входить в ум и молча проглотил усмешку родителя. Отец, однако, сразу посерьезнел.

— Много времени даешь?

— Нужно мне, тятенька, чтобы ответ они дали не позже октября. Это значит, должны вы до Омска добраться не позднее сентября.

Иван Степанович крикнул:

— Однако без ноги могу в два раза дольше провозиться. Сам знаешь, не ближний свет.

— Вам, тятенька, нужно только к белым попасть, сообщить, что важный пакет имеете для Колчака, и потребовать, чтобы вас непременно лично

в Омск доставили. Я потому вас к себе и вызвал — от нас до белых всего ничего.

— Говорить ли, кем ты мне приходишься?

— Вот этого, тятенька, никак нельзя. Можете дальним родственником сказаться, но близким — ни боже мой! Злы на меня казаки, очень злы, много я им крови попортил.

— А сейчас, значит, покаяться хочешь?

Тут Василия Ивановича захлестнула такая обида, что даже слезы из глаз брызнули.

— Вы, тятенька, думаете, мне себя жалеть? Ничего-то вы про меня, тятенька, не знаете. Если я своих бойцов сейчас распушу, их казаки по одному переловят и в капусту изрубят. И я сам рубил. Правила у войны простые: не ты — так тебя. Если мне надо жизнь отдать за моих орлов — отдам, можете не

сомневаться. Или вы думаете, я в штабе отсиживаюсь, пока идет атака конная?! Я малой кровью обойтись хочу, большую я уже пролил.

— Потому, значит, меня отправить хочешь, а не Петрушку своего? — усмехнулся отец. — Ладно-ладно, не сердись. Вижу — правильный ты мужик стал, Василий Иванович. И слухи про тебя правильные ходят. Когда идти прикажешь?

Ушел отец до света, с котомкой своей, компасом, чтобы в степи не плутать, и кисетом, в который Василий Иванович засунул письмо Колчаку и засыпал махоркой.

И вот теперь оказалось, что отец никуда не дошел. Что с ним? Жив ли? А если погиб, мучился ли перед смертью?

Холод льва вернул Василию Ивановичу присутствие духа. Если кисет прислали из штаба армии, значит, они схватили отца. Скорее всего, хотят сказать, что либо Чепаяев сдастся сам, либо они убьют отца. Опять угрозы. Но к ним Василий Иванович уже привык.

Решено — он будет тянуть время, пока его бойцы приходят в себя. Сейчас они не станут гоняться за бандитами и казачьими разъездами, а просто уйдут в глухую оборону копить силы. А потом можно взять штурмом Уральск, спасти отца и распустить дивизию — идите, куда хотите. А сам Василий Иванович доберется до Украины и примкнет к батьке Махно.

На окраине станицы зашумели моторы, и вскоре оба аэроплана, один за другим, взвились в синее небо. Тотчас на улицы выскочила детвора и радостно засвистела, заулюлюкала, будто не боевые машины взлетали, а воздушные змеи с мочальными хвостами.

Дзержинский

— Феликс Эдмундович, шифровка от Белого.

— Читай. Только без этих твоих...

— Я помню, Феликс Эдмундович, — Петере откашлялся. — «Чепаяев не проявляет активности. Предмет после взятия Лбищенска не использует. После замены командарма и отъезда Фурмана осторожничает, никого, кроме ординарца, к себе не подпускает. Ординарец завербован Фурманом, но пока выжидает. Обстановка спокойная».

Дзержинский задумался.

— Может, мы зря в Реввоенсовете решили Фрунзе с командования Четвертой армией снять так внезапно? Выглядит и впрямь подозрительно. Лазаревич ваш тоже... Он командующий или институтка?! Почему с Чепаяевым всегда заместители разговаривают?

— Не могу знать!

— А кто может?! Черт знает что! Почему все такие трусливые, даже кашлянуть без разрешения боятся?

— Отчего же, Феликс Эдмундович? Вот Чепаяев тот же самый...

Дзержинский удивленно поднял глаза.

Петере спокойно выдержал взгляд начальника. Он знал, что сказал крамолу. Операция направлена против чересчур инициативных и независимых. Свобода и независимость суждений означают свободу и независимость поступков, значит, решения Реввоенсовета и ВЦИК могут подвергаться сомнению и осуждению. Этого быть не должно.

Множество мнений ничего, кроме хаоса, породить не могут, что убедительно доказала судьба Временного правительства. Диктатура пролетариата — это именно диктатура, и «пролетариат» — уже зависимое слово. Пройдет какое-то время, и слова партии станут для всех догмой, но случится это после того, как исчезнут люди, восставшие против догмы.

— Ты больше так не шути, — сказал Феликс Эдмундович. — Передай Белому — операция затянулась, даю на завершение неделю.

— А если...

— Никаких если. Скоро наступление, никто из нас не хочет, чтобы Чепаяев взбрыкивал, как Махно. Если он взбрыкнет — мало не покажется. Смотри на карту — он легко может соединиться как с Колчаком, так и с Деникиным.

— Но Чепаяев — злейший враг Колчака...

— Англия тоже была злейшим врагом России, и это не помешало ей вступить в Антанту. Чувствуешь, куда я клоню?

— Так точно, чувствую.

— Делайте, что хотите — Чепачева пора смещать. Попомни мои слова — он нам еще попортит кровь! Все, ступай.

Настроение у Дзержинского испортилось. Чепачев умел отравлять жизнь даже на расстоянии.

Колчак

Деньги делали свое дело — летчиков удалось подкупить, так что с воздуха спецотряд полковника Бородин не заметят. Это, безусловно, радовало, однако Александра Васильевича не покидала мысль, что какие-то детали от него ускользают.

Операция была спланирована безупречно, маршрут просчитали до мелочей, очень скоро отряд выйдет на точку дислокации. Даже если предмет — миф, смерть Чепачева и захват Лбищенска станет серьезной победой, можно будет выровнять линию фронта и соединиться наконец с Деникиным.

Но штаб представляет Чепачева просто удачливым проходимцем, а противника нельзя недооценивать. Судя по донесениям Ясного, гарнизон в Лбищенске безмятежен и расслаблен, хотя сам Чепачев насторожен и даже сократил свои контакты. Значит, что-то понимает, что-то чувствует?

Другие агенты сообщают, что отношения Чепачева с командованием не складываются, что 25-я дивизия находится в информационной блокаде, снабжение затруднено. Может, стоит этого оборванца перевербовать, а не уничтожать? Конечно, он нанес тяжелый ущерб белому движению. Ну и что с того? Если бы мы в самом деле были такими умными и умелыми, могли бы выигрывать сражения тактически, а не за счет героизма.

Пора оставить весь этот снобизм, потому что к власти в России приходит быдло. Нет, не быдло, но крайне рассерженные и обездоленные люди. Война их только ожесточает. Нужно искать методы бескровного решения конфликта.

Впрочем, бескровно нужно было решать еще тогда, в Февральскую революцию. Сейчас вопрос стоит о выживании.

Шпион

Шифровки пришли одна за другой. Одна — от Фортуны, другая — от Половца. От красных и от белых соответственно.

Красные торопили с изъятием предмета. Белые напоминали, что надо обеспечить содействие во время штурма. Красным агент Белый ответил, что обеспечит все условия для скорейшего выполнения операции. Белым агент Ясный подтвердил готовность к встрече.

И то, и другое являлось правдой, хотя агент Белый-Ясный не собирался помогать ни тем, ни другим. У него были свои планы.

Это был его счастливый билет — выйти из бойни не с пустыми руками. Он бы так и остался счетоводом при издательстве «Всемирная литература», куда его пристроил друг, если бы в один прекрасный день за этим знакомым не приехали чекисты. Как потом рассказывал друг, его привезли на Гороховую и предложили ни много, ни мало, а целую новую жизнь, если он согласится сотрудничать. Нужно было лишь предать. Разумеется, друг, чистоплуд и аристократ, отказался, а вот будущему агенту Белому задание показалось интересным. Он сам приехал на Гороховую и предложил свои услуги взамен на то, от чего отказался Друг.

Не прошло и недели, как на него вышли люди из белого движения и предложили ту же самую работу, что и большевики. Выбор и тех, и других был понятен, но чтобы вот так, почти одновременно... такое случается раз в жизни, и отказаться было невозможно.

Водить за нос обоих работодателей оказалось приятнее, чем думалось сначала. Это напоминало русскую рулетку, когда в любой момент можешь продырявить себе голову. Пока все сходило с рук,

осталось только столкнуть белых, красных и малолетних бандитов лбами, а самому выскользнуть, унося в клюве заветную безделушку.

Главное — не прозевать момент, для чего и был выставлен бандитский дозор на подступах к Лбищенску. Бандиты оказались не так хороши, как ожидал Ясный, потому что известие о белых принесли летчики, а не почтовый голубь. Впрочем, удача все еще была на стороне агента. Вчерашним гимназистам никто не поверил — невозможно, чтобы белые шли на хорошо укрепленный плацдарм таким маленьким отрядом. Проверять сведения отправили опытных пилотов, а уж с ними Ясный успел сговориться на двадцати пяти тысячах золотом, чтобы они ничего не увидели.

Четкого плана и цели, что ему делать после заварушки, агент Ясный не имел. Пока ему вполне достаточно было чувствовать себя умнее всех.

3 СЕНТЯБРЯ 1919 ГОДА

Перетрусов

Снилось, будто не бегут они через лес по мартовскому снегу, а чапают по огромному раскисшему полю, покрытому канавами и рытвинами. Грязь блестит и отражает сизое небо, и конца-края полю не видать.

Бредут они по разбитой дороге, с рыжей водой в колеях, с бесформенными комьями глины, торчащими из луж, а вдоль дороги высится покосившийся сплошной забор из потемневших от времени досок. Перед ними по дороге скачет лось, большущий, раза в два крупнее обычного, под рогами можно укрыться от дождя.

Ноги у лося спутаны, будто у барана, которого собрались резать, но зверюга, видимо, сбежал из-под ножа. Лось делает пару прыжков, валится в грязь, долго и мучительно встает на спутанные ноги, снова делает пару прыжков и валится. Дядь-Сила с Богданом не решаются обойти гиганта, да и свернуть с дороги означает завязнуть в грязи.

Однако чувство опасности, которое гонит людей, оказывается сильнее, и вот Богдан, вооруженный палкой, пытается сбить путы с задних ног лося, чтобы он хотя бы не падал. Это очень опасно — если зверь лягнет, то сразу насмерть. Палка не помогает, веревка завязана крепко, и Богдан, рассердившись на неизвестного мучителя, начинает распутывать ее руками.

На удивление, лось позволяет снять путы не только с задних, но и с передних ног, и, освобожденный, моментально уносится прочь, ненароком задев рогами забор.

От удара доски валятся в грязь, и за забором Богдан, теперь почему-то один, видит пожарище.

Дом выгорел почти полностью, остались только пара столбов и печная труба, вокруг которой ходит маленький ребенок, лет четырех-пяти, бесштаный, чумазый, и не разобрать — парень или девка. Ходит и равнодушно, будто со сна, зовет: «Ма! Ма!» Чуть поодаль валяются обгорелые кости, и Богдан понимает, что это — сгоревшая мать. Богдан пытается взять ребенка на руки, но тот убегает, потом возвращается к трубе и снова кружит и зовет мать равнодушным, сумасшедшим голосом.

Рядом ржет конь, Богдан оглядывается и видит своих головорезов. Они ждут его, на конях — мешки с добром. Это они спалили дом.

Почувствовав холод в груди, Богдан смотрит на себя и видит огромную кровоточащую дыру, через которую с завыванием пролетает ветер...

Богдан проснулся весь в поту, с бешено колотящимся сердцем. На улице была ночь, слышался пьяный храп головорезов, но не он разбудил Богдана, а жгучий холод на груди. Петух!

Богдан вскочил, пошел к двери, переступая через штаны, сапоги и портупеи. В печной трубе выл ветер, хлопала отворившаяся ставня, и чувство тревоги не покидало, несмотря на то, что сон растаял.

Богдан прислушался к звукам ночи, но ничего подозрительного не почувал.

Внезапно раздался скрип двери: кто-то вышел из нужника. Через минуту, словно белое облако, во двор вплыла Мария, в шали поверх ночной рубашки, держа в руке керосинку. Богдан подумал: а что ей мешало войти в комнату, поднять с пола маузер и продырявить башку каждому из спящих головорезов? Ведь сам он, оказавшись на ее месте, поступил бы именно так. А как же иначе? Явились вооруженные люди,

выгнали из дому жить в баню, заставляют себя кормить, поить, обстирывать. Как бы щедро они ни платили за постой, терпеть в доме гостей, которые не хотят уходить по своей воле, нормальный человек не будет.

Разница в том, что Богдан, несмотря на трусливую фамилию, не боится. А самое большее, что могут сделать хозяева...

В голове у Богдана стало ясно и чисто. Он понял, что натворила Машка.

— Стой! — приказал он.

Машка послушно замерла на месте.

Богдан подошел к ней, заглянул в глаза.

— Где кони?

— В стойле.

— Пойдем, посмотрим.

Машка повернулась и пошла к хлеву, равнодушная к суровому тону Богдана. Может, спросонья не понимала, что происходит? Хотя холод в груди и ясность в голове подсказывали — она не боится, она... устала?

Как и ожидал Богдан, в стойле не хватало жеребца — Серегиного.

— Где конь?

— Нету, — ответила равнодушно Машка.

— А куда девала?

— Отдала.

— Кому?!

— Не ори. Не знаю, кому. Попросил лошадь, я и дала.

— Алпамыска у тебя тоже кое-что просил, чего ж не дала?

— У него просилка маленькая.

Богдан что было сил ударил Машку в лицо.

— Говори, кому отдала коня?

— А если не скажу? — дерзко оскалилась Машка кровавым ртом.

Богдан затолкал Машку в хлев, взял дырн потолще и запер дверь в бане, чтобы хозяева не вздумали глупостей наделать.

Жаль, что петух не объяснял человеческие поступки. Богдан мог предугадать шаги противника. Играть с ним в карты или другие игры было бесполезно — даже с закрытыми глазами он чувствовал, что нужно делать. А вот понять, почему люди делают то, что они делают, петух не мог. Почему дядь-Сила не бросил Богдана там, во взбунтовавшейся деревне, а потащил его за собой? Чего он ждал от молоденького красноармейца? Неужели не предчувствовал, что баба, запершая их в бане, собирается предать их?

Видимо, люди все делают по злобе и в сердцах. Что ж, и Богдан таков.

Сергея и Алпамыс никак не хотели просыпаться, брыкались, огрызались, но ушат холодной воды их моментально взбудрил.

— Алпамыс, тебе Машка нравится? Она в хлеву, тебя дожидается.

Повторять дважды не пришлось, только ветер из распахнутой двери пролетел по комнате. Через минуту из хлева раздались Машкины крики. Сергей посмотрел на главаря: что случилось?

— Сдали нас, — ответил Богдан. — И жеребчика твоего угнали.

Известие о жеребце Серегу сильно расстроило. Он схватил бутылку самогона и пошел прочь из дому. Вскоре Машкины крики превратились в звериный вой.

Богдан спокойно оделся при свете «летучей мыши», взял наган и пошел к бане.

Хозяева колотили в дверь.

— Неблагодарная ты тварь, Дормидонт, — сказал Богдан, разбив окошко. — Потерпел бы еще немного — мы бы сами ушли. Но шибко ты, видать, гордый. Ну и гори со своей гордостью синим пламенем.

С этими словами он разбил керосинку о стену бани. Огонь вспыхнул, на мгновение как будто погас, но тут же очнулся и вгрызся в сухую древесину.

— Держи, — Богдан бросил наган в окошко. — Я не зверь, не хотите мучиться — не мучайтесь.

Проклятий и просьб о пощаде он слушать не стал. Наслушался, хватит.

В хлеву уже все закончилось. Машка валялась в куче навоза с вилами в брюхе. Головорезы седлали лошадей. Двух — на троих. Два коня на троих бандитов никак не делились.

Богдан не выбирал и сразу пристрелил Алпамыса.

— Ты чего? — испугался Серега и схватился за револьвер.

— Тут всего два коня. Как ты думал ехать, на корове, что ли?

Серега испуганно смотрел на труп Алпамыса, который только что был жив и полон желаний.

— Или я ошибся и нужно было тебя шмалять? — уточнил Богдан.

На лице Сереги отразилась мучительная работа мысли, после чего он согласился, что своя рубашка ближе к телу.

Раздался первый выстрел. Второй. Марфа заголосила пуще прежнего, но третий выстрел оборвал и ее крик. Богдан кивнул — он не сомневался, что Дормидонт не захочет мучить семью.

Четвертый выстрел. Все, дело сделано.

— Берем только деньги, — сказал Богдан Сереге.

Через пять минут они уже мчались по следам угнанного коня.

Погоня

Судя по следам, наездник был неопытный.

Конечно, Богдан и сам не родился в седле, в отличие от новопреставленного Алпамыски, однако за те полгода, что пришлось разбойничать, кое-че- му научился. Неизвестный же вор точно никогда не ездил верхом. Хотя, откуда он взялся, Богдан уже понял: кто-то из казачьего отряда.

Казак, который не умеет ездить верхом, — это какая-то ерунда, но еще большей ерундой было, что он скачет в сторону красных. Пытается нагнать своих? Вот так, по большой дороге? Что-то не сходилось. Скорее всего, казачок был предателем или вообще никогда казачком не был. По следу видно — конь то плетется, то вскачь пускается и вряд ли он успел за ночь преодолеть даже полпути. Вот — видно, что жеребец едва копытами перебирает; тут вообще стоял, видимо, ездок заснул.

Мысль о том, что из-за увальня, который болтается в седле, как мешок с навозом, пришлось убить несколько человек, злила неимоверно. Прежде чем убить этого жалкого воришку, Богдан непременно расскажет ему, чем обернулось похищение коня для Машки и для остальных. Чем светлее становилось, тем больше Богдан верил, что должен отомстить за смерть пяти безвинных душ.

Еще беспокоил Ясный, которому вчера не удалось отправить весточку. Что ж, если вор скачет в Лбищенск, у Богдана будет возможность лично все рассказать своему покровителю.

— Эй, Богдан, смотри! — воскликнул Серега и осадил коня.

След на дороге был хорошим знаком. Не то ездок слишком сильно потянул за поводья, не то шенкелей наподдал, но Серегин жеребец взбрыкнул и сбросил седока. Ездок упал на спину, встал, побежал догонять коня. Догнал, взял под узду и дальше пошагал пешком.

— Я не понял, что за дурак на моем Мальчике едет? — искренне удивился Серега.

— Сам дурак. Радоваться надо — скоро мы его догоним!

Бандиты пустились в галоп, однако очень скоро Богдан велел остановиться. По птичьему лету, по дуновению ветра с запада, по запаху пыли и едва заметной примеси ружейного масла он догадался, что где-то рядом конный разъезд. Встретаться с вооруженным патрулем — а это наверняка был чепаевский дозор — не хотелось, преимущество явно было не на стороне бандитов.

— Исчезаем, — велел Богдан напарнику. Они снова спешили, надели коням на копыта войлочные мешки и осторожно сошли с дороги, чтобы залечь в какой-то канаве.

Красные промчались стороной: пятеро верховых, Серегин жеребец и тачанка. В следы на дороге они не вглядывались, куда-то спешили. Серега проводил их взглядом, а потом толкнул в плечо Богдана — мол, смотри.

Стало понятно, куда торопятся красноармейцы. Над горизонтом стоял густой черный дым от пожара. Это догорал хутор.

— Как думаешь, они нашего казачка встретили? — спросил Серега, с тоской провожая красных.
— Не знаю. Но чувствую, обождать пока надо.

Лёнька

В это время Лёнька брел пешком вдоль дороги, стараясь идти по траве, чтобы не оставлять следов. Он не знал почему, но, как только увидел впереди клубы пыли, бросил бесполезного жеребца, а сам кинулся прочь.

Издалека сквозь ковыль он видел, как красноармейский патруль остановился посреди дороги, не понимая, куда делся всадник, потом коня привязали к тачанке и укатили в ту сторону, откуда приехал Лёнька. Только теперь, когда небо посветлело, он увидел, что вдали что-то горело.

Он скакал весь день и всю ночь. Хотя нельзя было сказать, что скакал. Зад он отбил в первые десять минут езды, потом началась непрерывная борьба с норовистым конем, который никак не желал признавать в Лёньке главного. Не помогали ни ласковые уговоры, ни грязная ругань. Конь то нес, то замирал на месте и не хотел двигаться. Половину ночи Лёнька вообще проспал в седле, отчего проснулся с чудовищной болью в ногах, и когда попытался пришпорить коня, повторилась вчерашняя история — конь встал на дыбы, и Лёнька грохнулся наземь.

Конь, однако, сам притомился и далеко не ушел. Лёнька доковылял до него, хотел влезть, а потом махнул рукой и просто повел за уздечку. Таким манером жеребец пошел легко, и к утру они далеко продвинулись по дороге.

Лежа в ковыле, Лёнька ругал себя. Вот ведь они, красные, рукой подать! Крикнул бы, замахал руками — и все, здравствуйте, товарищи! Ну, может, заподозрили бы в нем шпиона или дезертира, но ведь люди же, должны разобраться, что к чему. Свои же, пролетарии!

Но непонятный страх и нерешительность охватили его, когда он увидел небритые, бандитские на вид физиономии красноармейцев. Они матерились, сплевывали, подозрительно оглядывались по сторонам и не выпускали из рук оружия. А ну как выстрелят случайно? Нет, нельзя сейчас, в чистом поле, показываться. Если даже такой жел- торотик, как Лёнька, с опаской относится ко всему, что видит, как должен отнестись к незнакомцу в степи опытный красноармеец? Стрелять на месте и только потом разбираться.

Лёнька был своим среди чужих, а сейчас он стал чужим среди своих.

Дождавшись, пока красные ускачут, он снова пошел вперед. Пора уже разобраться, кто свои, а кто чужие.

С каждым шагом сомнения становились все тяжелее.

Чепаев

Петька ворвался без стука, заорал с порога «Пожар!» и распахнул дверь пошире, чтобы Чепаю было удобнее выскочить из дома.

Первым с диким воплем вылетел кот, затем — в одних кальсонах — Чепай, но дальнейшее развитие событий радикально отличалось от того, что предполагал Петька.

Ночь была студеная, дул резкий ветер, не мудрено, что огонь с горящей избы мог перекинуться на хату Чепая.

Начдив не стал разбираться, что произошло и кто виноват. Он коротко бросил Петьке «за мной» и сиганул через забор в соседский двор.

Там уже голосили бабы — соседка и хозяйка че- паевской квартиры.

— Чего орете? — прикрикнул на них Чепай.

— Дети! — захлебывалась в реве соседка. — Ой, де-ети!

Чепай оглянулся на Петьку — не отстают ли, — а потом ринулся напрямик в пылающую избу.

Петька боялся огня пуше пули или штыка, но отставать от командира было стыдно, да и кто поможет Чепая, если рядом больше нет никого из мужиков? Обжигая руки и сбивая пламя с начинающих тлеть волос, он ворвался в избу. Детский плач доносился из-под печки.

Чепай отодвинул заслонку и крикнул в печь:

— Вылезайте быстрее, окайнные!

Первым вытолкали совсем маленького карапуза, не больше года. Потом выкарабкался малец постарше, его Чепай часто видел скачущим без порток на венике по двору. Последними вылезли две девки-погодки.

— Ты с девками вперед, я с мальцами следом, — распорядился Василий Иванович.

Дети, завывая от ужаса, прижимались к мужикам, мешая двигаться. Василий Иванович каждому отвесил оплеуху и рывкнул, что бросит всех, если не заткнутся. У Петьки сердце разрывалось от жалости — не то к себе, не то к этим несмышленишкам, но тут леща получил он сам.

Девки схватили ординарца за руки и по команде Чепая дружно выскочили сквозь огненный коридор, в который превратились дверь и сени. Чепай поудобнее ухватил мальчишек.

— Дядь, ты меня на лошади прокатишь? — спросил тот, что постарше.

— А то, — весело подмигнул Чепай, — затем и пришел.

На пороге Чепай споткнулся обо что-то горячее и пушистое и вылетел на улицу едва не кувырком. Кот дико мяукнул и выпустил из зубов котенка. Оба животных были без усов и бровей, как, впрочем, и Чепай.

— Ишь ты, герой выискался, — удивился Чепай. — Как там тебя? Шпунтик?

— Он Васька, дядя, — сказала девка, подбирая опаленного кота.

Василий Иванович посмотрел на Петьку:

— Ты же сказал, что это Шпунтик... или как там?

— Ну не мог же я кота именем командира называть!

— А что за Шпунтик?

— Не знаю. Читал где-то.

— Дурацкое имя для кота.

Спустя минуту дом рухнул, провалился сам в себя, и столб искр взметнулся в сентябрьскую ночь.

Подросли бойцы с ведрами, баграми, топорами и песком. Огонь больше никуда не перекинулся, все надворные постройки тоже уцелели. Бабы целовали и обнимали детей, а заодно и Петьку с Чепай. Петька млея, а Василий Иванович сдержанно отмахивался.

— Откуда огонь-то взялся, любись он конем? — спросил начдив.

— Да я, дура, пошла корову утром доить, кара- синку от свечи запалила, да и оставила, видать, на краю стола, — повинилась соседка. — Может, кот свечу опрокинул...

— Твой кот у меня спал, разиня. Сама, поди, опрокинула. Ладно, не реви, не звери же мы. Поживем в одной избе, не бойсь, не обижу.

Пока бабы обустроивали избу под себя, Чепай с Петькой стояли во дворе и никак не могли остыть от перенесенного жара.

— Страшно было? — спросил Чепай.

— Ужас, как страшно, Василий Иванович, — кивнул Петька. — По мне, лучше под пули, чем вот так, в самое пекло... Чего-то ваш лев не помог...

— В том-то и завыка. В бою действует безотказно, а если чего другое — никак. Как уютно: гладить удобно, а кашу варить — не получается.

Чепай раскрыл ладонь, и на ней засветился, отражая тлеющие угли пожарища, лев.

— Хотя лично мне он смелости придает, — будто извиняясь, признался Василий Иванович. — Или просто мне кажется?

Мужчины долго стояли на улице, уже остыли и даже начали замерзать, но уходить не спешили: надо было поговорить.

Петька долго чесал в затылке, то открывал, то закрывал рот, не решаясь задать вопрос, но в конце концов вздохнул и спросил:

— Так что ж получается: мы без льва этого и копейки не стоим как вояки? Пока эта зверюга у тебя — мы на коне, а если потеряется? Обидно как-то...

— Пойдем в конюшню, там тепло, — сказал начдив. — Нечего тут...

В конюшне было немногим теплее, Чепай укрылся попоной и уселся на чурбак у входа.

— Я по молодости плотничал, знаешь ведь? Так вот — наладили меня с артелью крест на церкву ставить, на самую верхотуру. Я тогда ничего не боялся, влез за мужиками наверх, а веревкой не обвязался. И, конечно, ухнул вниз. Уцелел, правда, ни царапинки не получил, мне говорили — бог спас. Насчет бога не знаю, но с тех пор я высоты бояться стал, как ты огня. Каждому свой страх даден, чтобы не забывать: мы, люди, не всесильны. Как только страх пропадает, кажется, что все можно. Тут уж держись, такого наворотить можно... Ты курице голову рубил когда-нибудь?

-Ну...

— Баранки гну. И как?

Петька пожал плечами:

— Нормально.

— А людей рубить?

— Так они ж враги!

— Дурак!

— А че сразу дурак-то?!

Чепай заметил, что все еще держит льва в руках, положил талисман в плоску, стоящую на полке, и начал сначала:

— Ты вспомни: вот мать, или отец, не знаю, кто, велели тебе курице башку оттяпать. Взял ты топор, взял курицу. Страшно тебе было?

Петька вспомнил, как дрожали руки, как неловко ударил по куриной шее и не сумел перерубить до конца, как курица вырвалась и начала плясать по двору, хлеща кровью в разные стороны, распугивая своих живых товарок и петуха.

— Страшно, — признался он.

— Всем страшно. И я на войне когда в первый раз убил, сильно боялся. Убил-то не человека, лошадь, а всю ночь кошмары снились. Так вот эта штуковина, — Чепай кивнул на плоску, — она весь страх из тебя высасывает. И кажется тебе, что можно все, и никто тебе не помешает. Ты как ангел господень становишься. Или бес. Ты силу за мной чувствуешь и идешь, а я, может быть, самый что ни на есть антихрист! Что, проняло? Вот всех так пронимает, это страх перед зверем. Мы не потому побеждаем, что нас боятся, а потому что сами не боимся. Ну, чего осклабился?

— Я?

— Любишь конем, хватит лыбиться!

— Я молчу.

— Вот и молчи. Нашелся тут, улыбается он. Зубы лишние? Пойду лучше посплю, чем тебя тут, оборота, просвещать...

Чепай встал, сбросил попоны и гордо пошел в избу. Петька понадеялся, что начдив забудет фигурку, но тот на полпути спохватился, вернулся в конюшню и забрал из плоски льва, пригрозив порученцу кулаком.

Петька вздохнул и махнул рукой. Как говорил его отец: не жили богато, нечего и привыкать. Надо тоже пойти и доспать хоть немного.

Но не спалось. Перед глазами вспыхивали и разлетались мелкими брызгами видения, одно другого краше.

Вот, например: Чепай возглавляет армию и мчится на своем «форде» во главе тьмы-тьмущей народу, занимая с ходу и Пермь, и Екатеринбург, и Тюмень, и катится эта волна дальше, все более разрастаясь, накрывая собой всю Сибирь. Вот уже идут к нему на поклон со всем уважением и Фрунзе, и Троцкий, и даже, чем черт не шутит, сам Ленин! И вскоре Чепай несет мировую революцию всем народам, ведь его армия ничего не боится и потому непобедима.

Или еще лучше: дать жару сначала белым, а потом красным. Слишком уж большевики зазнались. Еще не выиграли войну, а ведут себя будто

победители — важничают и указывают остальным, что делать. А вот если бы...

— Петька!

Петька открыл глаза. Уже рассвело. На улице орал Чепай.

Мир

Утром Чепай пошел умыться и увидел в бочке с водой свою страшную обгоревшую физиономию. С опаленными усами и шевелюрой вид был такой срамной, что Чепай решил постричься и побриться.

Петька, проспавший все на свете, забежал в поисках приборов, велел хозяйке нагреть воды и уже через полчаса зашелкал ножницами.

— А что, Василий Иванович, может, с такой силой сам возьмешься порядок наводить? — спросил Петька, ровняя виски. — Смотри, как коммунисты нашего брата гнобят, хуже белых.

— С какой силой?

— Ну, со львом своим...

Василий Иванович поиграл желваками, но сдержался и начал издали:

— У вас тараканы дома были?

— Были.

— Выводили их?

— Сколько раз. Ничего их, проклятых, не берет.

— Вот смотри. Приходит к вам в деревню человек и говорит: знаю, мол, верное средство, тараканничаю с малолетства, опосля меня ни клопов, ни тараканов не останется. Если выведу, возьмете меня старостой?

— Если выведет, отчего бы и не взять.

— И вот вывел он всю эту нечисть, но при этом все хаты подпалил, стекла повыбивал, скотину заморил и взял втридорога. Возьмете его в старосты?

— Да я за это ему по шее дам и деньги заберу, — возмутился Петька и едва не отхватил Чепая полуха.

— Ох, любись ты конем, осторожнее! То-то и оно, что плох тот работник, который одно дело делает, а другое портит. Ты посмотри — мы уже полтора года воюем с тобой вместе. Что мы за это время делали? Убивали, взрывали, жгли. Ничего не строили.

— Так ведь война...

— Что с того, что война? Война закончится, надо будет все сначала начинать. А мы ничего не умеем, только убивать, взрывать и жечь. Никому мы не будем нужны.

Слова командира показались Петьке обидными. Как это — никому не нужны?

— Неправда твоя, Василий Иванович. Я вот цирюльником могу заделаться или, к примеру, корову доить, или на машинке швейной вышивать.

— Это, Петька, тебе сейчас так кажется. О чем мы думаем? Жрачку добывать не надо — не закупит командование, значит, сами у гражданских отберем. Жилье? Расквартируемся как-нибудь, потесним хозяев. Бабы? Сейчас самое оно, можно не жениться, только пару слов сказал про «ваши трехдюймовые глазки» — и любая твоя, выбирать же ей не приходится. Чем тебе не коммунизм? А как закончится война, вернешься домой, а у тебя спи-ногрызов полная изба, хозяйство развалилось, работу искать надо. Тут и подумаешь — я же за вас кровь проливал, кормите да поите меня за это. Ну, проливал ведь?

— Проливал.

— И немало пролил. И своей, и чужой. Только ведь в мирное время послушают тебя, послушают, а потом скажут: хватит подвигами своими хвалиться, сейчас не война, некогда нам подвиги твои вспоминать. И будут правы!

— Почему это — правы?

— Да потому что на войне ты — герой, а в мирное время — обуза, особенно если без ноги, без руки или еще без чего, сам понимаешь.

— Ерунда выходит. Получается, мы революцию делаем, а пользоваться другие будут?

— Во, наконец-то до тебя доперло! Никому ветераны не нужны, это я еще в пятнадцатом году понял, когда с фронта вернулся. Ты видел у меня медали? Я — Георгиевский кавалер. Герой войны! А что я после той войны увидел? Бедность и несправедливость. Сегодня ты воюешь за государство, а завтра об тебя ноги вытирают. Кто-то, конечно, извернулся, наплевал на воинскую славу и снова в лямку впрягся. Но ведь память — ее никуда не деть, только пропить можно. И поймешь однажды, что воевал ради этой мирной жизни, а удовольствия от нее получить не можешь, потому что так просто, как на войне — врага убей, с товарищем поделись махоркой, — не будет. Вот победим мы в войне — нас коммунисты первыми и сгноят, когда все наладится.

— Что же сейчас делать?

— Не знаю, Петька, не знаю. Для начала — побрить меня как следует, а то страшон я, как смертный грех.

Мысль о мирной жизни крепко засела в головах начдива и ординарца, и оба сосредоточенно молчали. Петька побрил Василия Ивановича, отчего лицо Чепаева сделалось совсем худым и изможденным. Стало заметно, что улыбочивое выражение ему придавали подкрученные вверх усы. Сейчас уголки губ стали опущенными, и собственное отражение лица Чепаю очень не понравилось.

— Налысо бы побрили — вылитый Кощей получился бы, любись оно конем.

Из избы вышла хозяйка, робко приблизилась к Чепаеву.

— Господин хороший... — начала она.

— Правильно — «товарищ красный командир», — поправил бабу Петька.

— А я так и сказала.

— Чего у тебя там? — прервал спор Чепаев.

Баба смущенно опустила глаза.

— Просить я хотела... Староста наш, Викентий Петрович, собирались нынче избу-читальню строить, лесу подвезли много... может, распорядитесь часть погорельцам на дом отдать?

— Чего?! — удивился начдив.

— Ой, — испугалась баба, — нагородила я, извините покорнейше, больше не побеспокою.

— Это что же получается, — спросил Василий Иванович, — староста ваш, хоть и кулак недобитый, порешил в станице открыть очаг культуры, умных книг из города выписал, поди, и журналов, а вы, значит, руками советской власти решили жар загрести?

Бедная хозяйка аж присела от командирского гнева.

— Вот что я тебе скажу, как тебя там... Глафира?

— Аграфена...

— Один хрен. Сестра тебя приютила, меня не спрашивала, когда я съеду, чтоб тебя в дом вернуть, да и не гнал я тебя, если помнишь. Кончится война — построим сестре твоей дом лучше прежнего. А пока живите так. Избу-читальню мы сами построим.

Петька непонимающе посмотрел на Чепая, но глаза у Василия Ивановича уже горели. Аграфена убежала, а начдив радостно заплясал вокруг ординарца:

— Вот оно, Петруха! Дуй-ка по командирам, пускай соберут по паре-тройке мужиков толковых, которые с инструментом ладят. Построим избу-читальню, чтоб все запомнили — Чепай не только воевать, но и строить умеет!

Петька обрадовался. Только что на Василия Ивановича смотреть без слез нельзя было, а вот загорелся идеей — и прежний Чепай вернулся, веселый и злой.

— Организуем сей момент!

Приказ начдива никого не удивил, будто бойцы сами истосковались по мирному труду. Помогать вызвались едва ли не все. Чепаев съездил домой к старосте и чуть не под конвоем привез его вместе с планами на место, где должны были строить избу. Фундамент лбищенские мужики выложили еще перед революцией, лес тоже давно ждал своего часа, и староста был поражен, что красные собираются не реквизировать стройматериал, а наоборот — использовать по назначению.

С полудня закипела работа. Плотники трудились быстро и слаженно, часто сменяя друг друга, дом рос, будто на дрожжах. Староста быстро осмелел и уже начал покрикивать на бойцов, которые, по его мнению, недостаточно точно следовали плану.

Сам Чапай, тоже плотник, себя сменять никому не давал, махал топором, как шашкой, и выходило у него на загляденье хорошо: пазы-чашки получались ровными и одинаковыми, венцы ложились, будто всегда там лежали.

— Ну что, Викентий Батькович, ладно ли? — спрашивал он у старосты, и староста, недоверчиво прищуриваясь, вынужденно соглашался — очень ладно.

В этот день все были счастливы.

Лёнька

До самого Лбищенска Лёнька двигался, будто заяц: чуть почувствует холодок на спине — сразу прячется в ковыль. Чаще всего он не ошибался — по степи проносились то автомобиль, то группа всадников, то грохотали подводы. Чувствовалось, что жилье рядом.

Едва начало темнеть, чувство опасности возросло многократно. Как Лёнька ни оглядывался, как ни таился, ему казалось, будто кто-то его настигает.

Когда показались первые дома, он не выдержал и побежал. Да, видимо, не зря, потому что ему показалось, будто на самой грани слышимости раздалось: «Вот он, смотри, убегает!» Задержаться и посмотреть назад, чтобы проверить, послышалось или кто-то действительно за ним гонится, Лёньке не хотелось. Зигзагами, спотыкаясь, кувыркаясь через голову и снова вскакивая на ноги, он преодолел пашню и влетел на окраинную улицу.

Красные, видимо, слишком хорошо обжились в станице — Лёньке не встретился ни один патруль, хотя в том же Тихвине их было — не продохнуть. Может, потому что здесь не проходила железная дорога, а может, чепаевцы слишком надеялись на авось.

Он нырнул в чей-то огород и нос к носу столкнулся с собакой. Пес не ожидал, что к нему во двор ввалится какое-то чучело, от которого жгуче воняет всякой гадостью, и даже отступил на шаг. Лёнька же слишком много сегодня боялся и, поняв, что шавка может испортить ему все приключение, напал на нее с такой злобой и остервенением, что собака с визгом убралась в конуру. Эта маленькая победа воодушевила Лёньку, и дальше он пошел по дворам насквозь, совершенно не обращая внимания на людей.

Остановился он, когда усталость вытеснила чувство опасности.

Лёнька влез в чей-то дровяник и заснул, не обращая внимания на холод и громкое урчание в животе.

Перетрусов

Они его почти настигли. У самой станицы едва заметная тень выскочила на пашню и припустила, задрав полы шинели.

— Вот он, смотри, убегает! — успел выкрикнуть Серега, но Богдан закрыл ему пасть ладонью.

И вовремя, потому что разъезд, от которого бандиты ускользнули утром, возвращался назад. Было видно, что тачанка стала гораздо тяжелее, да и всадники ехали нагруженные.

Когда красные их миновали, Богдан разжал ладонь, вытер ее о Серегу. И Серега задал вопрос, который следовало бы задать еще тогда, утром:

— А зачем мы вообще за ним гнались? Жеребчи- ка-то все равно красные забрали.

Богдан и сам не знал, зачем. Но петух подсказывал, что беглец, как и Ясный, должен пригодиться.

— Мы не за ним уже, мы Ясного ехали предупредить о казаках, — ответил Богдан.

— Пускай идет он полем, твой Ясный. Когти рвать надо.

— Это мы всегда успеем. Но у Ясного какой-то план насчет казаков, печенкой чую. Ясный — он такой, зазря кровь пускать не хочет, у него здесь такой козырный интерес, что тысячи жизней положить не жалко. Не хочешь оставаться — не держу, но потом не жалуйся, будто я тебя обманул и добычей не поделился.

У Сереги напрочь отсутствовало чувство реальности. Он жил где-то далеко, в мире своих фантазий, и стоило эту фантазию чуть-чуть подтолкнуть, как Серега становился послушнее овечки.

Бандиты проникли в станицу, прошмыгнув меж двумя патрулями, а дальше, совершенно не таясь, поехали вдоль улиц. Все-таки талисман — великая сила: не зря во время налетов Богдан приказывал головорезам снимать с убитых форму, теперь она пригодилась. Кого удивит, что едут два красноармейца? Может — конный патруль, может, по заданию какому. Конечно, настоящий патруль обязательно их задержит, но если кто случайно увидит — тревогу вряд ли поднимет. А патрули помогали обходить талисман.

Обойдя несколько улиц в поисках ночлега, Богдан выбрал покосившийся домик в одном из переулков. Возле него не было натоптано, собаки не брехали, и вокруг тоже не было ни души.

В доме никто не жил или за хозяйством следить не мог, но только петли на воротах проржавели, и после первой попытки открыть их, издали противный громкий скрип. Хорошо, что Серега таскал при себе воровской набор — отмычки, ломик и пузырь с льняным маслом. Час потратили на то, чтобы смазать петли, зато потом пробрались внутрь абсолютно тихо.

В избе, в которой дверь тоже слегка заржавела, никого не было. Стоял тяжелый запах старости, видимо, хозяева съехали на кладбище, а наследников не оставили. Обстановка была бедная — стены, заклеенные бумажной тканью, затхлые половики, которые после похорон никому не пришло в голову выбросить. Наверное, здесь и поминонок не справляли, и полы за покойниками не замывали.

— Богдан, может, уйдем? — спросил шепотом Серега. — Нехороший человек тут жил, если никто порядок не навел после него.

— Хватит ныть, нюня. По мне — хоть черт здесь плясал, все одно мы здесь дольше, чем на три ночи, не задержимся. Хватит креститься, оставляем лошадей и идем искать Ясного, — распорядился Богдан. — Сдается мне, он в штабе.

— А штаб где?

— А штаб там, где флаг на избе торчит.

Столь очевидный ответ восхитил Серегу и убедил, что Богдан не зря самый главный.

Бандиты завели коней в сарай, стреножили, накрыли вонючими половиками из дома и пошли искать покровителя.

Шпион

Около десяти вечера в Лбищенск вернулся конный разъезд, отправленный на поиски белого отряда. Чепачев, несмотря на уверения летчиков, что в степи все чисто, отрядил с утра несколько разъездов — разведать обстановку. Большинство вернулись засветло, а последний задержался.

Дозор углубился на юг верст на сорок, в сторону дыма на горизонте. Бойцы вышли к хутору, на картах обозначенному как Щукино. Здесь все было спалено дотла, на пожарище обнаружили шесть человеческих тел — четырех взрослых и двух детей. Подозрение сразу пало на банду Перетрусова, его почерк. Кроме трупов нашли склад награбленного, оружие и боеприпасы, каким-то чудом уцелевшие в пожаре.

Командир разъезда посчитал важным доложить о случившемся, потому что, судя по следам на дороге, как минимум трое человек из банды направились в сторону Лбищенска и сейчас могут находиться прямо в станице.

Агент Ясный, присутствовавший на докладе, весьма досадовал на своего протеже — что Перетрусову не понравилось на хуторе? Судя по количеству тел, погиб один из банды. Поругались из-за добычи? Или из-за этой бабы на сносях? Или кто-то их раскрыл, и они решили следы замести? Хороши! Значит, вот почему не было известий — перепились, устроили поножовщину и спалили весь хутор. Связался с малолетками на свою голову.

Но хуже всего, что они пошли на Лбищенск. Ладно, если погиб Перетрусов, он один знал агента Ясного в лицо и представлял, где найти. Но если Перетрусов жив, это может создать непредвиденные сложности.

По результатам доклада решено было усилить ночные патрули на улицах и чаще сменять караулы у важных объектов. Связались по прямому

проводу с Уральском, но помощи, к тайному ликованию Ясного, опять не допросились.

Разошлись все незадолго до полуночи. Ясный решил, что нужен запасной план на случай внезапного визита Перетрусова.

Однако той же ночью все решилось само собой.

4 СЕНТЯБРЯ 1919 ГОДА

Казак

Позицию, выбранную полковником Бородиным, удалось занять еще прошлой ночью. Старые полуразвалившиеся лбищенские амбары с грозящими обрушиться кровлями кишели голубями и крысами, но на ближайшие два дня стали гостеприимным домом для белого воинства.

Из стычки с бандитами отряд вышел с честью, хотя и не без потерь. Погибли четверо, ранило десятерых, двоих контузило, один пропал без вести — унесло тачанкой. Тачанку под утро нашли — одна лошадь погибла, вторая паслась неподалеку, а молоденький казачок, видимо, пошел искать своих или попался бандитам. Николай и Милентий, которых взрывом выбросило из тачанки, молились за Бедового, который в списках значился Аристархом Ивановуло.

Полковника волновали не столько потери, сколько причины нападения. Возможно, это была случайность — ожидали обоз, а напали на вооруженное формирование. Но какой обоз мог идти той дорогой и куда? Подозрительными казались и апатичные эволюции красных аэропланов где-то на границе видимости, все там же, над Кушумской низиной, где казаки провели свою первую дневку. Создавалось впечатление, будто красным уже все известно о передвижении белых и они только заманивают казаков, притворяясь беззаботными дураками.

Впрочем, отступать было поздно.

Амбары находились всего в двенадцати километрах от Лбищенска. Едва стемнело, несколько конных отрядов отправились в разъезды по окрестностям. Приказано было брать в плен всех встречных и поперечных, доставлять в стан, где ими займутся уже другие специалисты. Ударная группа подхорунжего Белоножкина изучала вероятные подходы к станице и прорабатывала возможные варианты развития событий.

Странно, но днем красные не послали в сторону амбаров ни одного патруля. Несколько дозоров чепаевцы отправили почему-то туда, где след казаков простыл еще день назад. Конечно, большевики славились бестолковым ведением дел, но не настолько же!

Оставалась, правда, надежда, что это действует разведчик, внедренный в чепаевское окружение, однако полковник Бородин привык готовиться к наихудшему варианту. Бойцы тоже держались начеку, бандитского нападения им хватило. Теперь оставалось только молиться, что подобная катавасия не повторится.

Тверитинов

Около полуночи часовые заметили в степи блеск фар.

— Козлов, что ли, катается? — удивился красноармеец Сухов.

— Да ну, Чепай бы ему за такие выкрутасы шею намылил, — ответил красноармеец Теплов.

— Нет, не Козлов, — сказал старший дозора Бронштейн. — Я сам видел, как он командирский драндулет в сарае запирает.

Фары приближались, вскоре стал слышен шум мотора.

— Сухов, проверь шлагбаум, Теплов, к пулемету. Огонь по моей команде, — приказал Бронштейн.

Автомобиль показался на дороге, ведущей напрямик к посту. Водитель, едва заметив преграду и вооруженных людей, сбавил скорость и выключил фары. Последние метры до шлагбаума потрепанный «Руссо-балт» шел накатом. Фары замерли в вершке от столба.

— Руки вверх! Кто такой? — спросил Сухов и передернул затвор трехлинейки.

— Командир кто? — спросил водитель, задрав над автошлемом руки в замшевых крагах.

— Бронштейн, — ответил Бронштейн, выходя из-за бруствера, сложенного из мешков с землей.

— Фима, ты, что ли? — уточнил водитель.

Голос показался Бронштейну знакомым. Водитель снял шлем, под которым обнаружилась копна огненно-рыжих волос и почти белые брови над светло-голубыми глазами.

— Тверитинов! — не поверил своим глазам Бронштейн. — Мы думали, тебя махновцы убили.

— Хрена там лысого, Фима, облезут, — радостно ответил Тверитинов. — За что меня убивать? Мной любоваться надо.

— Вылезай, у нас тут кипяточек есть, чаек, сальца кусочек...

— Фима, не могу, дело срочное, пакет. Где у вас здесь штаб, проводите, что ли?

— Провожать не будем — у нас сейчас ситуация не та. Ты езжай по дороге прямо, не сворачивая, выедешь на площадь, а там упруешься в большую избу с флагом. То и будет штаб.

— Спасибо, Фима. С делами разберусь — обязательно вернусь чайку погонять. А пока держи задаток,

— и Тверитинов вынул из-за пазухи какую-то мятую упаковку.

— Шоколад!

— Швейцарский, специально для тебя берег!

— Сухов, подымай шлагбаум! Теплов, отбой, свои.

Двигатель «Руссо-балта» завелся моментально, без чихов и томительных прокручиваний стартера.

— До скорого, — помахал рукой Тверитинов.

— Не задерживайся там, — отмахнулся Бронштейн.

Машина проехала под шлагбаумом, погрузилась в темноту. Сухов опустил коромысло и прицепил на гвоздь. Бронштейн унес шоколад в бруствер и запер в ящике с патронами.

— Это кто был? — спросил Сухов.

— Товарищ мой боевой, Тверитинов. Полгода назад командировали его к Махно, батька тогда еще за нас был, а летом скурвился, кукиш советской власти показал. Мы хватъ, а Тверитинов у врага. Думали — своими руками товарища врагу отдали. А он, гляди-ка ты, вернулся, да еще при машине, и шоколад привез.

— А он не шпион?

— Кто? Тверитинов? — Бронштейн рассмеялся. — Вы еще скажите, что Чепай шпион. Тверити- нова даже Ёжиков всем в пример ставил.

Краскома Тверитинова отправили инструктором на Украину помогать крестьянской армии Гуляйполя. Чепав весьма способствовал этой командировке, ему интересно было знать, как организует своих бойцов батька.

Тверитинов хорошо сошелся с Махно, вместе они многому друг у друга научились и все пытались понять — враги они или же союзники.

Тверитинов по просьбе Чепавеа должен был выяснить приоритеты и цели батьки, принципы, по которым он заключает и расторгает союзы, и подвести Махно к мысли, что лучше Чепавеа союзника ему не найти.

Но в июне, когда красные подвели батьку с поставками оружия и боеприпасов — не то из-за своегообычного беспорядка в координации, не то по злему умыслу, батька шумно и дерзко порвал с большевиками.

Нестор Иванович был отражением Чепая — тоже человек эмоции, он ругался и мирился бурно, с брызгами и осколками. Отправил телеграмму Ленину, что по-прежнему верен идеалам революции, но некоторые представители центральной власти слишком к нему придираются. Это походило на те душещипательные фильмы в синемафотографе, где герой говорит героине «прощай, судьба разлучила нас, но в моем сердце ты будешь жить вечно». Тве- ритинову это было смешно, хотя, когда его повели на расстрел, стало не до веселья.

От расстрела его спас сам Махно. Он сказал, что товарищ Тверитинов, хоть и красный командир, но сделал много хорошего для революции и может продолжить службу в армии батьки.

Это была проверка. Если бы Тверитинов отказался, значит, тайное предложение Чепая — очередной трюк большевиков. Тверитинов предложил пустить слух, будто его расстреляли, а самому остаться у Махно.

Батя хитрость оценил — в случае успеха переговоров Тверитинову нужно было бы пробираться к своим по красной территории, а перешедшего на сторону бандитов бывшего царского военспеца большевики расстреляют на месте даже без революционного трибунала.

Когда был разработан план соединения частей Чепая и Махно, Тверитинов отправился в обратный путь. Пол-России он пересек по мандату крас- кома Тверитинова, и никто не догадывался, что он везет для начдива Чепая пакет с планом антибольшевистского заговора.

Вчера он достиг Сломихинской, но объявляться не стал, хотя мог зайти к Попову или к Маховику- ву и через них связаться с Чепаем по прямому проводу.

Тверитинов решил, что чем меньше народу знает о его возвращении, тем лучше. Поэтому он угнал «Руссо-балт», на котором сам разъезжал полгода назад, и на нем поехал в Лбищенск.

Навстречу своей гибели.

Штаб

— Кто такой? — спросил часовой.

— Из штаба армии, донесение начальнику штаба, — гаркнул Серега, как научил его Богдан.

— Мандат есть?

— Чего? — не понял Серега, которому насчет мандата ничего не сказали.

Профессиональный удар прикладом под дых был ему ответом. Часовой моментально скрутил подозрительного типа и впихнул его в штаб.

Богдан довольно ухмылялся. Он представлял, что сейчас делается в штабе. На шум, произведенный охранником и Серегой, выходит Ясный. Серега говорит, что птичка на хвосте принесла известие («слово в слово, запомнил?!»), что в степи двигается колонна казаков. Таким должно было быть послание Богдана, так и не отправленное с почтовым голубем.

Богдан хотел показать Ясному, что он в станице и обладает свободой маневра. Вот Ясный злобно смотрит на избитого парламентаря и нехотя говорит возможным свидетелям, что сам допросит этого сосунка. Серега с глазу на глаз говорит Ясному, куда выйти для душевного разговора.

Дверь штабной избы открылась прежде, чем Богдан до конца представил эту сцену. Сперва вылетел Серега, наверняка получивший пинка. Следом показался Ясный, крайне злой и озабоченный.

Богдан не торопился выйти навстречу своему благодетелю. Ясный сейчас на нервах, легко может пристрелить, только ему покажись. Разговор нужно начинать издалека.

— Ну и где он? — спросил Серегу Ясный, когда они пришли в условленное место.

— Здесь я, — раздался из темноты голос Богдана, а вслед за ним — звук взведенного курка. — Привет, товарищ начальник.

Ясный проглотил эту пиллюлю без капризов, дергаться не стал, даже Серегу в заложники не взял — понимал, что Богдан легко уложит и Серегу.

— Ты меня подвел, — сказал Ясный.

— Виноват, товарищ начальник, пьян был. Но я их видел.

— Без тебя знаю. Зачем пришел?

— Интерес у меня появился. Хочу узнать, что такое ты здесь затеваешь.

— Не твоего мелкого ума дело.

— А хочешь, сам догадаюсь? Ты собираешься белых и красных лбами столкнуть и что-то умыкнуть под шумок, не знаю только что. Расскажешь?

— Не расскажу. Я тебе и так слишком много рассказал, а ты все это профукал. Зачем Щукиных убил? Чем они тебе мешали?

— Весточку красным послали с пришлым человеком, будто лихие люди их в заложниках держат, а лихим людям человек из чепаяевского штаба помогает.

— Что?!

— Это я тебе самого интересного еще не сказал. Человек этот, скорее всего, отбился от отряда казаков, но сам не казак. Он уже здесь.

Некоторое время Ясный думал. Потом сказал:

— Найдите его. Хоть из-под земли...

—хлопотно это, товарищ начальник. Не местные мы, нас в два счета раскусят.

— Какого черта тогда приперлись?!

— Предупредить. Не чужой ты нам все-таки.

— Мелкие засранцы! Надо было тебя еще в Алтае прихлопнуть.

— Не прихлопнул ведь? Значит, нужен был. Скажешь зачем — я тебе помогу.

В это время на площадь выехал автомобиль «Руссо-балт».

— Кого там еще черт принес?! — Ясный сделал шаг назад.

— Стой, товарищ начальник. Мы не договорили.

— Если не узнаю, кто это, — точно можем не договорить!

— Ладно, — согласился Богдан. — Пеняй на себя. Ясный только усмехнулся — и ушел. Но Богдан чувствовал — ничего еще не закончилось.

Шпион

Ясный думал, что хуже быть уже не может — бандиты, которых он, казалось, держал на поводке, сейчас держат на поводке его. Но он ошибался — цепь роковых случайностей только начала разматываться. Водителем «Руссо-балта» оказался Тверитинов, тот самый, кого приказом Фрунзе и при содействии Чепая отправили весной на Украину. Все думали, что Тверитинов погиб — ведь он был инструктором красных в банде Махно, когда

Троцкий объявил батьку вне закона. Но вот, оказалось, живой.

— У меня пакет для Чепая, — сказал Тверитинов.

— Передать лично?

— Так точно.

Что в пакете? Не может быть, чтобы Тверитинов зазря провел три месяца у батьки Махно, а потом вернулся. Здесь наверняка какая-то комбинация. Времени на размышления было слишком мало. Махно, Махно... что про него в оперативных сводках писали?

— Чепай сейчас наверняка спит. Будем будить?

— Будем, — твердо ответил Тверитинов.

— Ну тогда пойдем.

Они вышли на улицу. Ясный затылком чувствовал, что бандиты все еще где-то здесь, но сейчас ему было совсем не до них. Махно... Кажется, сегодня попадалось: «...объявил о создании "Революционной повстанческой армии Украины (махновцев)"». То или нет?

— На машине? — спросил Тверитинов.

— Дворами быстрее.

Они пошли дворами. В этом дворе живут. В этом — тоже. Где же не услышат шума?

— Долго еще?

— Через два дома.

Ясный уже догадался, что за пакет у Тверитинова. Поэтому, когда они вошли в пустой двор, он резко развернулся и ударил краскома в лицо.

Тверитинов удара не ожидал и упал, крепко стукнувшись головой о ворота. Ясному хватило нескольких мгновений, чтобы обезоружить противника.

— Значит, Чепай с Махно все-таки сговорились, да? — спросил он у поверженного врага.

— Да ты что творишь, на...

Удар кованым сапогом в ребра перебил Тверитинову дыхание.

— А ведь Чепай уже забыл о тебе, со счетов списал, другого гонца отправил. А ты вон какой шустрый оказался. Только везение, видать, все мне досталось. Слышишь, Тверитинов?

Тверитинов, если и слышал, ответить не мог — сломанное ребро проткнуло ему легкое.

— Ты уж извини, Тверитинов, — сказал Ясный, отыскивая во дворе подходящее орудие, потому что стрелять было нельзя. — Хороший ты человек, и не тебя я убиваю, а вредное для моих планов донесение.

Нашелся только кусок жернова от ручной мельницы. Чтобы не испачкать себя кровью, Ясный разделся донага, поудобнее ухватился за камень и несколькими ударами раскроил Тверитинову череп. Убедившись, что враг не дышит, Ясный обыскал его одежду и в подкладке куртки обнаружил пухлый пакет.

Даже не читая, Ясный зажег бумагу и бросил на траву. Отыскал во дворе бочку с дождевой водой, смыл с себя кровь. Потом вылил всю воду и положил в бочку мертвеца, чтобы на него никто случайно не наткнулся.

Ясный оделся, и тут его ошарашила новая мысль — а как же машина, на которой приехал Тверитинов? Как свидетели, которые видели Тверитинова в штабе? Тоже убить?

Решение пришло само по себе.

— Чем ты здесь, товарищ начальник, занимаешься? — спросил Богдан из темноты.

— Что ты здесь делаешь?

— Мне было интересно, куда ты повел этого субчика. Где он, кстати? Под бочкой?

— Некогда болтать. Мне нужна ваша помощь. Машину водить умеете?

Ни Богдан, ни Серега автомобилем управлять не умели. Ясный, впрочем, на это и не надеялся.

— Я сам все улажу. Вы сидите тихо и не рыпайтесь, а лучше — ищите этого вашего гонца. Найдете — беру в долю. Ах, да... вы мне еще понадобятся сейчас. Отставить поиски, доделаем дело, тогда ими займетесь.

Шпион и бандиты покинули двор. Дрожащий от холода и страха соглядатай, прятаясь в тени дровяного сарая, осторожно вылез наружу и пошел за ними следом, прячась в тени.

Казак

— Господин полковник, есть пленные, — разбудил Бородин Белоножкин.

— Давно взяли?

— Никак нет, полчаса назад доставили.

— В каком направлении двигались?

— Сломихинская. На «Руссо-балте» ехали.

— Ишь ты, богато. Небось двадцатичетырехсильный?

— Так точно, господин полковник!

— Уже допросили?

— Вас ждем.

— Добро, идем скорее.

Для допроса с пристрастием еще в прошлую ночь выкопали блиндаж в одном из амбаров, чтобы криками не смущать бойцов. Допрос на войне — штука грязная и громкая, заплочных дел мастеров не любит никто, думают — ироды они окаянные, креста на них нет. Но кто-то же должен эту работу делать?

Полковник Бородин предпочитал делать ее сам. Не потому, что любил истязать, это ему как раз не нравилось. Полковнику хотелось сохранить душевное спокойствие своих бойцов, чтобы не приходилось им вскакивать ночью от кошмаров, будто кто-то загоняет тебе иголки под ногти, или прижигает порезы окурками, или выдергивает пальцы из суставов.

Пленные в полуподвешенном состоянии, касаясь пола только пальцами ног, раскачивались на крюках, торчащих из накатного потолка.

— Представьте мне наших гостей, — велел полковник подхорунжему.

— Вот этот, — Белоножкин ткнул пальцем в молодого человека с заплывшим глазом и опухшей верхней губой, на которой запеклась сукровица, — заместитель начальника штаба Колокольников Роман

Игнатьевич, одна тысяча восемьсот девяносто пятого года, мешанин из Николаевска. Другой, — подхорунжий показал на хмурого усатого мужика средних лет, — Деревянко Денис Дмитриевич, одна тысяча восемьсот семьдесят восьмой, крестьянин Самарской губернии.

— Превосходно. Полагаю, автомобилем управлял молодой человек?

— Так точно, ваше превосходительство.

— Чем его так?

— Это Усатов из пращи метнул. Надо было без выстрела взять, вот он и переборщил.

— Ох уж этот Усатов. А Деревянко, значит, сопротивления не оказал?

— Так точно, смирный.

— Добро, это настраивает на хороший лад. Итак, — полковник снял китель и начал закатывать рукава рубашки, — мы можем значительно ускорить ту неприятную процедуру, к которой должны приступить. Я собираюсь задать вам несколько неудобных вопросов о составе и расположении сил в станице Лбищенской. Я понимаю, что чувство долга и взаимовыручки не велит вам сотрудничать с врагами, предавать своих сослуживцев. Но я предоставляю вам две уважительные причины, которые должны примирить вас с чувством долга. Во-первых, честно отвечая на вопросы, вы сохраните жизни не только себе, но и своим друзьям, потому что количество боеприпасов у нас ограничено и стрельба будет *лишней* тратой времени и ресурсов. Мы не собираемся убивать пленных, нам нужен только ваш командир Чепачев, остальных мы согласны с богом отпустить по домам или разрешить присоединиться к белому движению. Во-вторых, добровольное сотрудничество избавит вас от допроса с пристрастием. Уверю вас, куда лучше и безболезненнее ответить сразу.

— Напугать хочешь, гнида белая? — спросил заместитель начальника штаба.

— Что вы, Роман Игнатьевич, ни в коем разе. Если бы я хотел вас напугать, я бы взял клещи и выдрал зуб вашему товарищу, уверяю, это безотказно действует. Но мне хочется обойтись без этого, поэтому я вас спрашиваю — будете ли вы говорить?

— Иди к черту.

— Вы правы — несомненно, после смерти я отправлюсь в ад. Однако, если верить большевистским догматам, загробной жизни не существует, и я могу избежать адских мук, а вот вы просто так не отвертитесь.

— Стойте! — завопил Деревянко, увидев, как полковник берет клещи. — Не трогайте его, я все скажу!

— Заткнись, Деревянко, я тебе приказываю! — обернулся к товарищу Колокольников.

— Данил Наумович, заглушите Романа Игнатьевича.

Белоножкин заткнул молодому пленнику рот кляпом и надел на голову мешок.

— Я вас слушаю, Денис Дмитриевич.

— Христом богом прошу, не мучайте нас! Все расскажу, только не мучайте.

— Данил Наумович, спрячьте инструменты.

Пока подхорунжий убирал пыточные инструменты в сумку, красноармеец Деревянко следил за ним. Потом перевел взгляд на полковника:

— Спрашивайте.

— Вот это дело. Итак, братец, расскажи нам — куда вы ехали в столь поздний час?

— В Сломихинскую ехали.

— Вот так, с бухты-баракты? Что-то ты, братец, утаить пытаешься...

— Мы люди служивые, приказ получили — выполняем. Ваше высоко... велите спустить меня вниз, затек я совсем. Вы не сомневайтесь, я не убегу, Христом богом клянусь.

— Отвечай, зачем ехали в Сломихинскую?

— Говорю же — приказ получили. Велели перегнать автомобиль в Сломихинскую и ждать дальнейших распоряжений.

— Кто велел?

— Начальник штаба, вестимо.

— Прямо так и велел — перегнать автомобиль среди ночи?

— Мне-то он ничего не говорил. Просто пришел ночью человек, сказал — донесение из Уральска принес, а у самого мандата нету. Я его, конечно, к начальству. Начальство его выслушало и убежало

куда-то. Потом приехал на автомобиле другой человек и тоже, говорит, донесение. Но у него мандат был, хоть и старый, Тверитинов фамилия. Начальство вернулось, повело Тверитинова к Чепая, потом возвращается и говорит: «Срочно вернуть автомобиль в Сломихинскую и ждать там до особого распоряжения».

Полковник непонимающе посмотрел на Бело- ножкина.

— Подхорунжий, вы хоть что-то поняли?

— Ни слова, господин полковник. Достать инструменты?

— Нет! — заорал Деревянко. — Я правду говорю! Так и было!

Бородину не требовались инструменты, чтобы проверить искренность красноармейца, тот явно говорил правду и готов был говорить еще. Но какой смысл в этом ночном рейсе?

— Ни пакета, ни устного поручения не было?

— Нет, ничего.

— Ничего глупее не слышал. Хорошо, допустим, ваш начальник идиот. Можешь ты сказать, сколько сейчас бойцов в гарнизоне?

— С точностью до человека не скажу, но тысячи четыре точно.

— Конников?

— Две тысячи лошадей, фуражу едва хватает.

— Добро. На карте можешь дислокацию показать?

— Могу.

— Хорошо. Подхорунжий, снимите его и запишите все показания.

— А с этим что? — спросил Белоножкин, показывая на Колокольникова.

Полковник спросил у Деревянко:

— Как вы думаете, Денис Дмитриевич, что делать с вашим товарищем? Сами понимаете, он для нас ресурс бесполезный.

В глазах Деревянко стояли слезы. Он все рассказал, чтобы их не мучили и не убивали. Колокольников что, он молодой дурак. Думает, если ему полноги оттяпают или глаз выколют, сразу героем станет. Того не понимает, что, когда тебя режут, все разболтаешь, даже какого цвета рейтузы мама носит. И что, получается, все это было зря, все равно в итоге лютую смерть принимать?

Бородин прочел эту тоску в глазах солдата и сказал:

— Хорошо, решим этот вопрос утром. Возможно, если вы и дальше будете сотрудничать, мы сохраним жизнь вашему другу.

Белоножкин увел Деревянко изучать карты, а полковник остался.

— Вы еще здесь, Колокольников Роман Игнатьевич, одна тысяча восемьсот девяносто пятого года? — спросил он. — Не бойтесь, я не буду вас истязать, я хотел поговорить. Знаете, иногда полезно свои соображения высказывать противной стороне, особенно если та ответить не может.

Полковник надел китель и стал застегиваться.

— То, что рассказал этот ваш Деревянко, — крайне занимательно и глупо. Я хочу понять: почему мы, кадровые офицеры, прошедшие войну, побеждавшие немцев и австрийцев с их военным умением и мощью, пасуем перед вашим братом? Мне точно известно, что процент дезертиров в вашей армии куда выше, чем у нас. У вас идейных и фанатиков ровно столько же, сколько у нас. Вы тупее и беднее нас. Но почему вы побеждаете? Не отвечайте, это риторический вопрос. Прежде чем убить вас, я хочу сказать, что уверен в победе вашей чумазой орды. Она не за горами, но завтрашнее сражение выиграем мы.

Полковник взял кортик и воткнул клинок в мычащее существо, висящее на крюке, точно в сердце.

Красноармеец Деревянко о смерти товарища не подозревал, сидел на импровизированной скамье, сколоченной казаками, держал на коленях карту и показывал, где именно расположены самые крупные по численности соединения красных.

Белоножкин внимательно слушал и отмечал карандашом места скопления противника. Особо интересовала подхорунжего изба, в которой квартировал Чепая. Деревянко уверенно указал улицу и дом, не забыв упомянуть, что прошлой ночью там был пожар, так что рядом имеется верная примета.

— Только встает Чепая рано, — предупредил Деревянко. — Если врасплох не застигнете, он вас и с сотней бойцов в капусту изрубит, уж будьте покойны.

— Пугаешь?

— Ни боже мой, ваше благородие. Но уж как ни пытались ваши Чепая поймать, а все он сухим из воды выходил. Только пьяным да связанным одолеете его, иначе никак.

— Что-то еще?

— Никак нет, ваше благородие, все рассказал, что знал.

Белоножкин вызвал конвой, и Деревянко увели, чтобы на улице, истыкав штыками, сбросить в яму. В отряде каждый человек на счету, охранять пленных некому. Операция сложная, тут не до милосердия.

С полученными сведениями подхорунжий отправился к полковнику.

Бородин уже вернулся.

— Как наши успехи?

— Разведданные подтверждаются, с некоторой поправкой на время — за последнюю неделю обострилась эпидемия тифа, в карантине еще две роты красных. В целом позиции красных не изменились, фортификационные сооружения оставлены там, где были до штурма.

— Полагаете, справимся?

— Бесспорно. Но операцию нужно перенести.

— С пяти часов пополудни? И на сколько?

— Думаю, нужно начать в три часа.

— Объясните.

— Лбищенск живет по чепаевскому времени, а Чепая просыпается чуть раньше пяти утра. Чепая чрезвычайно мобилен, если мы не захватим его врасплох и он успеет мобилизовать хотя бы сотню бойцов — нам придется худо. Он никогда не дерется в обороне, всегда атакует, местность, в которой находится или воюет, знает досконально. У нас просто не будет шансов.

Бородин задумался. Насчет личного времени Чепая до сих пор не говорил ни один из участников или разработчиков операции. Агент в штабе красных тоже не упоминал об этой особенности начдива, а должен был. Может, не придавал этому значения, но почему тогда на это обращает внимание простой боец?

— Добро, вы меня убедили, — сказал полковник. — Но вопрос штурма и пленения Чепая отнюдь не самый главный. Я не сомневаюсь, что ваши башибузуки обеспечат успех операции. Меня больше беспокоит, что мы станем делать потом.

— Отправим Чепая в Ставку.

— Через территории, занятые большевиками? На аэроплане? Давайте будем реалистами: наш рейд — отчаянная бравада. В нескольких десятках километров от нас сосредоточены основные силы красных, и то, что этот бок обнажен, ничего не значит — нас выбьют из Лбищенска через день-два, максимум — через неделю.

Подхорунжий удивленно посмотрел на полковника.

— Не нужно так на меня смотреть, вы сами должны понимать суть происходящего. Надеюсь, вы согласитесь со мной, что после завершения операции основная часть отряда должна немедленно отступить обратно в Каленый. На аррьергард возложим тотальное уничтожение складов...

— У нас приказ держать оборону до подхода армии.

— Вы понимаете, что это напрасная трата сил и времени? Не удержит наша «армия» красных. Толстов — прекрасный стратег, но ему достались жалкие остатки войска. Нас сомнут, и ладно, если заставят отступить, а не раздавят.

— Вы так говорите, будто не будете принимать участия в штурме.

Бородин вздохнул.

— Я еще достаточно молод и полон сил, но посмотрите на меня: я развалина. Потому что в победу не верю, а мщение, которое движет вами, мне не понятно. Я в каждый бой иду как в последний. Так вот: возможно, в этом бою меня не станет. Я хотел

бы, чтобы вы наплевали на белое движение и уводили людей за кордон.

— Это измена.

— Так расстреляйте меня.

Белоножкин опустил глаза.

— Ладно, бог с ним, с этим разговором, — махнул рукой Бородин. — Вы правы — не время для болтовни. Там, в блиндаже... я немного наследил. Прикажите убрать.

Диверсия

Сначала разбудили Петьку.

Взволнованный красноармеец из караула стоял перед заспанным Петькой, пучил глаза и громко шептал:

— Товарищ Исаев! Там такое! Там, в штабу...

— Что в штабу?

— Не знаю.

— Что — не знаешь?

— Что делать, не знаю.

— А старший караула?

— И старший не знает.

— Черт знает что! А от меня чего надо?

— Штаб заперт.

— В смысле — заперт?

— На замок заперт, а ключа у нас нет. В четыре утра смена караула, а Дениса Деревянки на посту нет.

— А кто есть?

— Никого.

— А старший почему сам не пришел с докладом?

— Боится.

— А ты, значит, не боишься.

— Я тоже боюсь, но я отважный.

— Ладно, отважный, пошли.

Штабная изба оказалась заперта, но не опечатана. Более ничего необычного не было. Петька посмотрел на часы — через десять минут пора будить Василия Ивановича, а тут такая ситуация непонятная. Старший караула стоял в стороне и нервно курил.

— Ключ есть у кого-нибудь? — спросил Петька.

— На гвоздике висит.

— Да вы что, нарочно, что ли?! Я вас под трибунал отдам! — гаркнул Петька. — Развели, понимаешь, не знаю что!

Он вбежал на крыльцо, сорвал с гвоздика ключ и открыл дверь.

Из избы потянуло дымком.

— Мать вашу, опять пожар, что ли? — Петька нюхнул воздух. — Будто тряпками горелыми пахнет.

Ну-ка, сюда идите оба!

Караульные подбежали.

— Фонарик есть?

Старший достал карманный фонарик. Все трое вошли в избу. Зажгли керосинку, осмотрелись. Все, вроде, стояло на своих местах. В печке ничего не горело, и откуда шел запах, понять было невозможно.

Молодой красноармеец с выпученными глазами вдруг *плюхнулся на четвереньки* и начал водить носом, будто поросенок, который ищет корыто с помоями.

— Ты чего?

— Из подпола тянет, — сказал красноармеец.

Петька со старшим переглянулись и в один голос выкрикнули:

— Ночков!

Перестановка в штабе все же была: стол с радиостанцией, печатными машинками и прочей требухой стоял аккуратно на люке, ведущем в подпол, в каморку начальника штаба. Стол втроем оттащили к окну, и

старший караула открыл люк. Ночков сидел в исподнем, скрюченный, бездыханный, на верхней ступеньке, прильнув к щели между люком и полом. Весь подвал тонул в дыму.

Мужчины вытащили начальника штаба на улицу. Петька надавал Ночкову пощечин, старший караула принес воды и окатил начальника из ведра. Грудь Ночкова шевельнулась, и он, хрипя, вдохнул, после чего тяжело и продолжительно закашлялся.

— Живой! — обрадовался Петька. — Живой! Ладно, смотрите тут за ним, а я побежал Чепая докладывать.

Василий Иванович таким новостям не обрадовался. Он быстро встал, собрался, велел Петьке позвать Батурина и прочих командиров, потому что покушение на начальника — это не какой-нибудь пожар, это диверсией пахнет, а то и хуже — предательством. Удивительно, как до Чепая не добрались, его-то изба вовсе не охраняется. До рассвета было еще часа два, но дело важное и отлагательств не терпит, будить всех немедленно!

Ночков уже оправился, почти не кашлял и смог рассказать, что произошло. Проснулся от запаха дыма, кругом темно, горло дерет от кашля. На ощупь, потому что от дыма резало глаза, добрался до лестницы и хотел выйти, но люк не поддавался. Пытался дышать через щель, потом потерял сознание.

— Во сколько? — спросил Чепая.

— Часы внизу остались. Да и не мог я на них посмотреть, дым глаза ел.

— Спать, любись ты конем, во сколько лег?

— В одиннадцать, как обычно.

— Кто наверху дежурил?

— Колокольников, а на карауле — этот, как его... Деревяшка?

— Дервянко, — поправил Петька.

Чепай повернулся к нему.

— Петька, ты вот что. Сгоняй по постам, спроси, не видел ли кто Колокольникова с Дервянкой.

— Есть.

Петька убежал. Чепай посмотрел на командиров.

— Ну и что делать будем?

Командиры хмурились, чесали затылки, но ничего не говорили. А чего говорить — случай такой впервые.

— Давно у нас Колокольников в штабе? — спросил Батурин.

— С мая, — ответил Ночков.

— А до этого где был?

— По документам — из Самары...

— Документы! — заорал Батурин. — Документы проверяем! Ничего не пропало?

Все, включая Чепая, стали шарить по шкафам, по ящикам, проверяя документацию. Ночков тоже было начал, но быстро пришел в себя:

— Отбой! Вся секретная документация с донесениями и шифровками у меня в подполе, в сейфе.

— Пошли проверять! — приказал Чепай.

В подвале уже можно было дышать. На полу валялись прогоревшие до пепла тряпки, очевидно, сброшенные злоумышленниками вниз. Сейф открыли, выгрузили бумаги, пошли проверять. Пока проверяли, рассвело.

Тем временем Петька обскакал все посты. На северном старший караула Данцин сказал, будто в смену Бронштейна была зафиксирована активность. В журнале Бронштейн записал: «Время: 12 ч. 03 мин., со стороны ст. Сломихинской приб. маш. «Руссо-балт», водит. — краском Тверитинов. Куда: штаб див.».

Петька даже обалдел. Тверитинов? Вернулся? Да еще на «Руссо-балте»?

Следующая запись оказалась еще интереснее: «Время: 1 ч. 27 мин., из штаба див. уб. маш. «Руссо-балт», водит. — зам. нач. шт. Колокольников, сопр. — кр-ц Дервянко. Куда: ст. Сломихинская».

— Где Бронштейн? — спросил Петька.

— В казарме, отсыпается, — ответил Данцин.

Петька вскочил на коня и помчался в казарму.

Фима Бронштейн не спал, сидел в караулке

и ждал, когда к нему придет друг — пить чай с настоящим шоколадом. Когда в караулку ворвался порученец Чепая, Бронштейн слегка перетрусил.

— Ты ночью дежурил на северном въезде?

— Ну, я, — ответил Бронштейн.

— Кого видел?

— Арканю Тверитинова.

— Точно его?

— Я Арканю с гимназии знаю, он это. Вот, шоколад мне привез, — Фима повертел перед носом Петьки измятой плиткой.

— А потом?

— Потом замначштаба с часовым зачем-то в Сломихинскую среди ночи поперлись.

— И ты отпустил?

— Так у них записка была от начштаба.

— Где записка?!

Бронштейн побледнел. Выражение его лица было столь красноречивым, что Петька сказал:

— Это трибунал, боец. Собирайся, едем в штаб.

Через десять минут Фима Бронштейн с поникшей головой стоял перед командирами подразделений.

Расспрашивал его Чепай — мягко, без привычной запальчивости. Бронштейн отвечал коротко и по делу.

— Значит, получается, ты впустил Тверитинова в станицу и указал дорогу до штаба?

— Так точно, товарищ начдив. Вы же сами знаете — от нас только прямо до площади.

— Знаю, Фима, знаю. А ничего необычного не заметил?

— Чего уж необычного — Арканю три месяца погибшим считали, а он вдруг как с неба упал. Ну вот разве что на машине приехал. Это ж «Рус-со-балт», на котором Попов ездит, правильно? Но я так понял, что ему лично Попов отдал машину, Арканя ведь сам на ней раньше ездил.

— Со Сломихинской связались? — спросил Чепай у связистов.

— Не получается. Похоже, где-то обрыв на линии.

— Когда восстановите?

— Как только обрыв найдем — так и восстановим.

Чепая почесал небритое лицо. Как-то все одно к одному: исчезновение Тверитинова, покушение на начштаба, бегство подозреваемых. Но куда они целого краскома подевали?

— Колокольников и Деревянко в машине ничего не везли? — спросил Чепая.

— Никак нет, — ответил Бронштейн. — Виноват я, товарищ начдив. Они мне записку под нос сунули, Колокольников сказал — срочно. Гляжу — вроде подпись начштаба, печать. Что я, разбираться буду, раз срочно?

— Не виноват он, Василий Иванович, если кого и винить — так меня, — сказал Ночков. — Я этих бланков с пропусками заранее наготовил штук сто, чтоб не отвлекаться, они в ящике стола лежат. Там пустая форма, только печать и подпись. Вписываешь потом, что надо, и никакой волокиты.

— В благородство, любись оно конем, поиграть хочешь?! — взорвался Чепай. — Добренький какой, заступился за рядового! А ты, щучий сын, сам же его и подставил! Развели тут, понимаешь! Я скажу тебе, зачем ты этих бумажек наготовил заранее. Чтобы тебе со всякой мелочью не возиться, перепоручил ее заму, мол, большого ума не надо, так сойдет. А если бы он тебя в постели пришпокнул и вывез бы все документы дивизии? По твоей же рукой подписанным бланкам?! Молчишь?! Да я сейчас выведу Фиму на улицу, соберу дивизию и скажу: начальник штаба у нас кретин, и за это я расстреляю бойца, потому что сам кретин, раз такого начальника штаба держу! И мы все здесь кретины, потому что не знаем, что у нас под носом творится! Что сейчас делать прикажете, а?!

Все молчали и чувствовали себя виноватыми.

Голос подал Петька:

— Надо бы Тверитинова поискать. Вдруг он чего скажет?

Чепая тяжело вздохнул.

— Вряд ли. Чует мое сердце — пустили Арканю в расход. Но все равно — ищите.

Словно в ответ на это «ищите» в штаб ворвался красноармеец с выпученными глазами, который сообщил о запертом на замок штабе.

— Товарищи командиры! — задыхаясь, сказал он. — Там такое!

Лёнька

Проснулся Лёнька от того, что кто-то зажал ему рот ладонью.

— Цыть, казачок, а то располосую, — услышал он хриплый шепот у самого уха.

Кроме потной руки на лице Лёнька почувствовал что-то холодное и острое на горле.

— Сейчас я тебя отпущу. Не рыпайся, если жить хочешь.

Холодное и острое перестало касаться горла, ладонь убрали от лица. Лёнька смог дышать.

— Повернись, — сказал незнакомец.

Лёнька повернулся.

— Не узнаешь?

...То, что произошло ночью, до сих пор не укладывалось у Лёньки в голове. Он проснулся от каких-то странных звуков. Выглянув через щель в стене, увидел, как какой-то голый человек бьет красноармейца камнем по голове.

Потом убийца обыскал труп, достал большой конверт и поджег. Не обращая внимания на огонь, голый вымылся, слил воду из бочки, запихнул туда мертвого красноармейца. Вскоре во дворе появились еще двое, видимо — знакомые убийцы. Они явно не доверяли злодею, но были с ним заодно. Убийца велел им искать какого-то гонца, а потом все трое ушли.

Лёньке бы убежать, но вместо этого он проследил за троицей.

Они пробрались к площади. Убийца оставил спутников на улице, вошел в большую избу, перед которой стоял автомобиль, а у дверей нес караул боец с винтовкой. Спустя несколько минут дверь распахнулась, из избы выбежал молодой красноармеец. Часовой спустился вслед за ним с крыльца, они сели в машину и уехали.

Замирая от страха, Лёнька прокрался к избе и только тогда разглядел надпись на картонке, приколоченной к двери: «Штаб 25-й стрелковой дивизии Р.С.Ф.С.Р.».

В одно из окон Лёнька рассмотрел убийцу. Усы, фуражка, смуглое худое лицо. Этот портрет Лёнька неоднократно видел в газетах.

Воздуха в легких стало не хватать. Как же так, человек, которого Лёнька буквально боготворил, оказался душегубом, крадущимся в ночи татем! И это к нему он пробивался с такими трудностями, под его командованием готовился идти на смерть за победу революции во всем мире?! Такого чудовищного обмана не могли предположить, наверное, и сами казаки.

Лёнька отошел от штаба на почтенное расстояние. Что делать? Бегать по домам и кричать: «Измена!»? Бросить все и возвращаться к казакам, которые хоть и за буржуев, но зато по-честному?

Он заметил, что к штабу приближаются двое, судя по походке — те самые, с которыми разговаривал злодей. Они скрылись в избе, потом вышли, заперли штаб на замок и повесили ключ на гвоздь. Один из них оглянулся и посмотрел прямо туда, где прятался Лёнька.

Лёнька испугался, бросился бежать. Назад возвращаться смысла не было: во-первых, под боком покойник, во-вторых, если его действительно заметили, то легко могли догадаться, откуда он взялся. Покружив в потемках вокруг штаба, Лёнька влез в какой-то бесхозный сарай. Дав себе слово не спать, он минут десять таращил глаза в ночь, а потом отключился...

И вот теперь тот, кто обернулся на Лёньку возле штаба, парень с ангельским лицом и девичьими глазами разного цвета, стоит здесь, и деваться от него некуда. И где Лёнька наследил?

— А ты шустрый, — похвалил «ангел». — Ты мне нравишься.

— Чего тебе надо?

— Мне-то? Да, в общем, ничего особенного. Я тебя сначала просто убить хотел, а сейчас гляжу — нет, ты еще пригодишься.

— А ты кто?

— Я-то? Богдан Перетрусов. Слышал?

— Бандит?

— Бандит.

— Не подходи, закричу.

— Не закричишь.

— Почему?

— Потому что ты сейчас снимешь свои шмотки белогвардейские и переоденешься вот в это, — Богдан пнул Лёнке под ноги сверток, перетянутый ремнем.

— Что это?

— Не стой, как истукан, уходить надо, сейчас здесь от красных будет не протолкнуться, — поторопил бандит.

В свертке были штаны, гимнастерка, картуз, ботинки и обмотки — форма красноармейца.

— Как ты меня нашел?

— По следам.

— А где тот... другой?

— Я его убил. Переодевайся быстрее, времени мало.

Выбора у Лёнки не было. Перетрусов стоял рядом и поигрывал бритвой. «Зачем я ему? — думал Лёнка. — Денег у меня нет, оружия тоже, воняет от меня хуже, чем от свиньи».

Тем не менее он быстро переделся. Несмотря на то что форма была немного великовата, Перетрусов оказался вполне доволен. В нагрудном кармане даже нашлась книжка красноармейца на имя какого-то Семёна Бумбараша.

— Идем. И не вздумай бежать. Веди себя, как ни в чем не бывало.

Перетрусов

Убитый водитель «Руссо-балта» чем-то Ясному мешал, потому и лежал сейчас в бочке. Богдан знал, что спрятать труп не так уж сложно. Труднее объяснить исчезновение человека остальным.

С заместителем и часовым Ясный поступил просто: сказал, что Чепаев велел немедленно отогнать автомобиль обратно в Сломихинскую, откуда приехал ночной гость. На это ушло несколько минут. Теперь оставалось сделать так, чтобы исчезновение гостя казалось виной уехавших.

— Догоните машину, в живых никого не оставлять. Машину как-то замаскируйте, чтобы ее сразу не нашли. Потом вернетесь. Я залезу в подпол, а вы поставите стол на люк, понятно? — объяснил Ясный.

— Зачем? — не понял Серега.

— Утром все подумают, что эти двое своего начальника заперли в подполе, а сами сбежали, — объяснил Богдан.

Петух подсказывал, что план идиотский, но он хотя бы высвобождал немного времени для маневра. Вот только какие маневры были на уме у Ясного, Богдан не знал.

Он не собирался догонять автомобиль и убивать пассажиров, это были не его проблемы. Богдана больше занимал тот самый «казачок», которого они преследовали весь день, да так и не поймали. По занятому совпадению, «казачок» оказался свидетелем убийства. И вместо того чтобы схорониться или убежать, пошел, дурачок, следом за душегубами. Всю дорогу до штаба Богдан чувствовал, что кто-то ему затылок взглядом сверлит, а потом догадался, кто это. Вместе с Серегой Богдан сделал вид, что отправился в погоню за автомобилем, а сам остался наблюдать за «казачком».

«Казачок» подсматривал тайком в окно штаба, пытаясь разглядеть злодея. Когда разглядел, несказанно испугался, будто привидение увидел. Не то узнал начальника штаба, не то принял за кого-то другого. Богдану это казалось забавным, и он все время одергивал Гнедка, который порывался нагнать «казачка» да задушить его же кишками.

— Не лезь поперек батьки в пекло!

— Так он сейчас утекёт.

— Не бойсь, не утекёт. У него тут тоже интерес.

Наконец «казачок» стал уходить. И тут в голове Богдана сложилась интересная комбинация.

— Пошли! — сказал он Сереге.

Гнедок думал, что они отправились в погоню за «казачком», но Богдан привел его обратно в штаб.

— Все сделали? — спросил Ясный.

— Все, — кивнул Богдан. Серега решил, что разумнее будет поддержать вранье.

В подвал накидали тряпок. В четыре часа должна быть смена караула. По плану Ясного, часовой увидит, что штаб заперт на замок, а этого быть не может, потому что все знают: там, в подполе, живет начальник штаба. Начнется переполох. В это время запертый в подполе начальник подожжет тряпки. Все будет выглядеть, будто злоумышленники решили уморить товарища Ночкова, заперев в горящем подполье, а товарищ Ночков пытался спастись от дыма. Угореть он не успеет, потому что тлеть тряпки будут совсем недолго, разве что заполнят подвал дымом.

— А закроем тебя, стало быть, мы, — сказал Богдан.

— Да, — кивнул Ночков.

— Зачем все это? Какой твой интерес?

— Чепаев, — ответил Ночков. — За его голову дают двадцать пять тысяч золотом.

Петух показывал, что Ясный почти не врет. Его интерес действительно был в Чепаеве. Вот только деньги были ни при чем.

Впрочем, тот же петух подсказывал, что держаться Ночкова уже не стоит. Держаться теперь стоило «казачка».

— Погоришь ты, товарищ начальник, — усмехнулся Богдан.

Однако сделал все так, как велел недавний покровитель.

Удивительно, но все произошло именно так, как планировал Ночков, с точностью до минуты. Вот появился караул. Вот солдаты увидели замок и заволновались. Вот один из них побежал за помощью. Богдан какое-то время наблюдал за этим представлением, а потом решил, что надоело и пора заняться более насущными проблемами.

Было ясно, что скоро красные опомнятся, сложат дважды два и кинутся прочесывать всю станицу в поисках исчезнувшего краскома. Начнется проверка документов, обыщут каждую избу, перекопают все огороды, заглянут под каждое полено и неминуемо найдут тайное убежище бандитов, а заодно и «казачка», который оказался таким ловким, что до сих пор на ногах ходит.

Богдан, освободившись от покровителя, вдруг понял, что всегда тяготился компанией своих головорезов. Кроме, разве что, Левки-жиденка, но тот, теперь это ясно как божий день, погиб, пытаясь спасти никчемных Серегу и Алпамыску.

В Ясном Богдан поначалу чувствовал не столько покровителя, сколько равного себе, такого, как дядь-Сила. Петух непрерывно требовал кого-то еще, с кем можно разделить чутье. Может, и дядь-Сила признал в Богдане ровню благодаря своему талисману.

«Казачок» тоже был ровней. Парень явно не нуждался ни в чьем покровительстве, шел по жизни напролом, как и сам Богдан, и *умудрялся* спастись даже тогда, когда все было против него. Именно такой спутник и нужен. С ним можно разделить петуха.

Но сначала придется избавиться от Сереги.

— Пойдем, достанем нашего казачка, — сказал Богдан.

Гнедок поверил. Его не смущало, что они возвращаются во двор, где Ясный убил красноармейца. Он был из тех, кто делает то, что ему говорят.

За что и поплатился.

Богдан ударил Серегу сзади поленом, когда тот закрывал ворота. Пока Гнедок был в отключке, его удалось раздеть и сложить шмотье в сторонке. Очень кстати пришелся опыт Ясного — Богдан тоже разделся и после этого деловито прикончил Серегу, сначала перерезав горло, потом вспоров живот.

Вытащив труп наружу и прислонив к воротам, Богдан окунул руку в кровь и написал над головой бывшего товарища: «Я, бандит Богдан Перетрусов, помер собачьей смертью».

Потом вернулся во двор, вытащил из бочки мертвого красноармейца, отволоч к Сереге и бросил рядом. В руки красноармейцу вложил окровавленный нож, в руку Сереге — окровавленный кусок камня.

Кое-как оттерев руки и лицо росистой травой от крови, Богдан оделся, забрал форму Гнедка и отправился на поиски «казачка». Когда поиски увенчались успехом, в станице начался переполох — один из патрульных, отбежавший по нужде в переулок, наткнулся на мертвые тела, живописно разбросанные Перетрусовым.

Ночков

Свою ошибку Ночков осознал слишком поздно — после того как Чепаев потребовал связаться со Сломихинской по прямому проводу.

Идиот! Надо было сказать Перетрусову, чтобы пост тоже в расход пустили и спалили там все. Теперь уж поздно — записи в журнале проверили и о приезде Тверитинова узнали все, а заодно и о том, куда «Руссо-балт» отправился и с чьей подачи.

Чепаев крайне редко прибегал к прямому проводу: во-первых, мешали постоянные помехи на линии, во-вторых, он предпочитал со своими командирами общаться лично, видеть выражение их глаз, почувствовать их настроение в жестах. Только со штабом армии не считал зазорным говорить через трубку — не видя собеседника, легче скандалить.

Обрыв на линии — счастливая случайность, но надолго ли это счастье?

Конечно, до Сломихинской больше ста верст, Колокольников с Деревянко, будь они живы, могли еще и не доехать. Но если обрыв на линии обнаружат сегодня? Один звонок — и люди Попова прочешут окрестности. Хотя... от сердца у Ночкова отлегло. Кто теперь сбежавшие Колокольников с Деревянко? Предатели и диверсанты. Зачем им ехать в Сломихинскую? Может, они в сторону Гурьева погнались! Убили Тверитинова — и сбежали.

Ждать оставалось менее суток. Если план остался без изменений, уже завтра утром казаки войдут в станицу, и там только не зевай. Нужно как-то выиграть время! Причем не только выиграть, но и оказаться один на один с Чепаем.

Когда вбежал караульный и сказал, что «там такое», Ночков не знал, о чем и думать.

— Что — «такое»? — раздраженно спросил Чепай.

— Сами посмотрите.

Командиры во главе с Чепаевым вышли на крыльцо.

Перед штабом на голой земле лежали два мертвых тела. Одно, уже остывшее, в галифе, сапогах, расхристанной гимнастерке, с автомобильным шлемом на груди и ножом в скрюченных пальцах, с буро-желтой мешаниной вместо волос, принадлежало краскому Тверитинову. Второе, в исподнем, босое, свежеевыпотрошенное и еще теплое, с окровавленным камнем в руке, присутствующие не опознали. Патрульные сказали, что на воротах было написано, будто это бандит Богдан Перетрусов.

Чепай смотрел на тела и что-то бормотал под нос.

— Чего? — переспросил Петька.

— Искать, говорю! Всю станицу перерывать, вверх ушами поставить, любитесь вы конем! Тот, кто это сделал, еще здесь, разве не понятно?!

Началась суeta, командиры разбежались по подразделениям, Петька помчался руководить прочесыванием, Чепай с Фимой Бронштейном склонились над телом Тверитинова, и в это время один из связистов выскочил из избы и окликнул Ночкова:

— Товарищ начштаба, радиogramма из Сломихинской.

— Что там? — Ночков вбежал в избу и встал рядом со станцией.

— Говорят, что «Руссо-балт» угнан вчера вечером. В станицу пока не возвращался.

Скроив скептическую мину, Ночков сказал:

— Кто бы сомневался.

Слегка воспрянув духом, он вышел на крыльцо и спустился к Чепаеву.

— Из Сломихинской радиogramма. Машину вчера угнали, пока не возвращалась.

Чепаев молчал. Фима Бронштейн ползал перед Тверитиновым на коленях и все пытался придать ему благородный вид.

— Надень ему шлем на голову, — сказал Ночков Фиме. — Смотреть страшно.

Фима взглянул на Чепаева. Василий Иванович кивнул. Фима встал на ноги, снял с груди друга шлем и пошел куда-то в сторону — видимо, отмыть головной убор от крови. Пола куртки распахнулась, и Чепаев увидел распоротую подкладку.

— Ты это видишь? — спросил начдив у Ночкова.

— Вижу.

— Знаешь, что это?

— Видимо, какое-то послание вез. Может, найдут, когда станицу прочешут?

— Хрена они там найдут, — сказал Чепаев. — Да и не надо. Я знаю, что там было.

— Знаешь?

— Слово в слово. Эх, Тверитинов-Тверитинов, что ж ты не мог из Сломихинской радиogramму от-
править!

Чепаев опустил голову, и Ночков в бледном утреннем свете разглядел в коротко остриженных волосах седину.

Василий Иванович постоял минуту молча, потом нахлобучил папаху на затылок и снова стал самим собой — собранным, резким, целеустремленным:

— Иди в штаб, радиуй в Сломихинскую, чтобы прочесывали окрестности. Может, эти идиоты все же

ломанулись в ту сторону, хотя вряд ли. Второе: передай приказ о немедленной переброске всей группы сюда, в Лбищенск. Прибыть должны не позднее восьмого числа, ясно? Знаю я Попова, собирается в час по чайной ложке. Приказы из Уральска игнорировать, посыльных задерживать всеми правдами и неправдами. Так, что еще... — Чепаев хотел подкрутить ус, но вспомнил, что вчера его пышные усы сгорели, и махнул рукой. — Ладно, это уже с Петькой решу. Дуй в штаб! Петька! Петька, любись ты конем!..

Ночков в растерянности стоял над трупами и глядел вслед Чепаеву. Перетрусов, тварь такая! Подставил! Обманул, как ребенка! Значит, Колокольников и Деревянко могут еще приехать в Сломихинскую, и тогда вообще — конец всему!

Пришел Фима, кое-как нахлобучил мокрый шлем на голову мертвому другу. Вынул из руки Тверитинова нож и вложил вместо него мятую шоколадную плитку.

Ночков на ватных ногах вернулся в штаб. Отступить было некуда — он продиктовал радиogramму Попову в Сломихинскую. Тотчас пришел ответ: принято, выдвигаемся пятого. Значит, время еще есть. Главное — контролировать поступление радиogramм.

На улице горн заиграл общее построение. Ночков выглянул в окно. Конник с горном кружил в центре площади и трубил почти без перерыва.

— Эй, чего шумишь? — Ночков вышел на крыльцо.

— Приказано шуметь — вот и шумлю, — ответил горнист и снова затрубил.

Ночков дождался перерыва и снова спросил:

— Кем приказано?

— Начальником дивизии.

— Общий сбор? На площади?

— Так точно!

Ночков снова задумался и пробормотал себе под нос:

— Что ты опять задумал, мерзавец?

Перетрусов

— Зовут-то тебя как? — спросил Богдан.

— В книжке записано — Семен Бумбараш.

— А по-настоящему?

— Не скажу.

— Че? — не понял Богдан.

— Через плечо, — ответил «казачок» слишком дерзко для безоружного человека. — Думаешь, если ты такой душегуб, то я тебя испугаюсь?

Они остановились в узком проходе меж двумя хлевами. Пахло навозом, вдоль стен густо разросся бурьян, лопухи и крапива.

— С чего вдруг так осмелел? — беззлобно спросил Богдан.

— Ас того. Сейчас пойду к Чепаяву и все, как есть, ему расскажу.

— А как есть?

— А так. Что ты бандит и головорез, а я к нему от самой Астрахани пробираюсь.

— С казаками?

— Хоть бы и с казаками. Тебе-то зачем знать?

— Мне все равно, а вот Чепаяу интересно будет, что ты за фраер такой и откуда выпал посреди степи.

— Чепаяв — не ты, он не упырь, своего сразу узнает.

— Так и я в тебе своего узнал, выходит, ты тоже упырь, — улыбнулся Богдан.

— Я людей не убивал.

— А Чепаяв убивал, да еще и тысячами.

— Он врагов убивал!

— Я тоже врагов.

У «казачка» даже дыхание перехватило от такой риторики.

— Ты!.. Да как ты смеешь!

— Ну, ладно, ладно. Придешь ты к Чепаяу, скажешь — я свой, возьми меня, Чепай, к себе, буржуев бить. А Чепай тебя примет, за стол посадит, скажет: как же тебя зовут? И что ты ему ответишь?

Где-то невдалеке горнист сыграл общее построение.

— Что надо, то и отвечу.

— Значит, правду скажешь? — спросил Богдан.

— Правду.

— А он тебя спросит: откуда же у тебя документы Семена Бумбараша? Знаешь ли ты, что Семен Бумбараш пропал, когда защищал обоз от бандитов? Мы-то думали, Семена схватили, живьем в землю закопали. А ты, видимо, видел, как Семена в землю закопали, вот и решил с него, мертвого, форму снять.

«Казачок» смотрел на Богдана с отвращением, будто на дохлую кошку.

— Живьем?! Ты человека живьем закопал?

— Я же бандит, душегуб. Мне положено, — Богдан сделал вид, что безгласность «казачка» его не задевает.

— К стенке тебе положено встать, ирод, — сплюнул «казачок».

— А сам? Сам чистенький, да? — зашипел Перетрусов. — Думаешь, сбежал с хутора, увел коня — и все?

«Казачок» смотрел, ничего не понимая. Горн продолжал надрываться. Земля начала гудеть от топота ног и копыт.

— Что, не понимаешь? — у Богдана от ярости задергалась щека. — Ты-то сбежал, а они вместе с нами остались. Ты думал, что им все с рук сойдет, да? Думал, за такое прощают?

— За что?

— За предательство! Их предупреждали — сидите тихо, и все нормально будет. А они решили, что слишком умные. Вот и получили! И ты в этом виноват! Ты!

— Что ты сделал? — спросил «казачок». Он уже понял, о каком хуторе идет речь.

— Я?! Я сделал?! Нет, я ничего не сделал. Я только проучил. А сделал — ты.

— Ты их убил, — понял «казачок».

— Не я!

— Чтoб ты сдох, ирод, — «казачок» повернулся спиной и пошел прочь.

— Стой! — закричал Богдан. — Стой, это ты виноват!

Горн надрывался, уже не переставая. «Казачок» шел на этот хриплый требовательный звук и совсем не обращал внимания на Богдана.

— Стой, говорю! — голос Богдана сорвался на визг, и он неожиданно для себя разревелся. — Стой! Это не я! Я не мог! Я не ирод! Я не хотел! Это не я!

Он упал на колени и зарыдал так сильно, как не ревел даже в детстве.

— А кто? — услышал он голос «казачка» прямо над собой.

Богдан протер глаза. «Казачок» стоял над Богданом и смотрел сверху вниз.

— Встань. И бритву свою спрячь.

Богдан встал. Сложил бритву и бросил в нагрудный карман, туда, где лежал билет красноармейца Якова Курнакова — Алпамыс ему горло перерезал, когда они обносили склад с продовольствием.

— Не по пути мне с тобой. Ты счастья только для себя загresti хочешь, а я — для всех и даром, и чтобы никого не обидеть. Потому и шел к Чепаеву. Зачем я тебе дался? Были у тебя друзья, ты их всех погубил. Теперь меня загубить хочешь? Нет уж, я лучше в бою погибну, чем ты мне кишки выпустишь в подворотне или в сортире утопишь.

— Вы чего здесь делаете оба, а? — послышался суровый голос.

Молодые люди обернулись. Над ними возвышался здоровенный красноармеец, явно командир отделения или даже взвода.

— Мы... — промямлил «казачок».

— Вижу, что вы! Думаете, раз курсанты, так с вас и спросу никакого? Марш на построение! Скажите спасибо, что не спрашиваю, с какого взвода! Ишь, удумали — прятаться! Я вам покажу! Марш, марш!

Он взял Богдана и «казачка» за шкурки и пребольно пнул. Переглянувшись, парни нехотя потрусили вперед и вскоре увидели, как ручейки красноармейцев сливаются в реки, а реки выплескиваются на площадь перед штабом и там выстраиваются в шеренги. Народу было уже очень много, Богдана и «казачка» стиснули, толкнули и поставили во второй ряд рядом друг с другом. Богдан полез в карман штанов, нащупал талисман и стиснул в ладони.

Лёнька

Станным оказался этот Богдан Перетрусов. На лицо — ребенок ребенком, ему бы в ризе на клиросе петь, ангела изображать. При этом не душегуб даже, а зверь какой-то, ни жалости, ни чести. Лёнька думал: зарежет сейчас, ни за понюшку табаку! Не успел Лёнька с жизнью попрощаться, как опять удивление — разрыдался бандит, словно барышня кисейная. Читал Лёнька все эти сопливые истории, как заскорузлый преступник в святую ночь забрался в сиротский дом, усовестился и посвятил себя богоугодным делам. Не верилось ему в эти умильные сказочки. А тут прямо у ног злодей каяться начал. И, что самое удивительное, Лёнька ему почти поверил.

Однако в безопасности себя не чувствовал. Даже когда красный командир отправил на общее построение. Даже оказавшись в строю настоящей Рабоче-крестьянской Красной Армии, не чувствовал Лёнька спокойствия, потому что рядом находился бандит.

Горн стих. У штаба стоял караул со знаменем дивизии, рядом еще какие-то люди и среди них — вот тут Лёнька испытал настоящий ужас! — он, Чепаев. Тот, кто ночью убил красноармейца и о чем-то договаривался с бандитами, был Чепаевым, по крайней мере он был единственным похожим на портрет, который Лёнька видел в газетах: тараканьи усы, подкрученные вверх, узкое лицо, прямой взгляд.

Лёнька опасливо посмотрел на Перетрусова. Тот, почувствовав внимание Лёньки, повернулся лицом, и стало понятно, что в нем так настораживало.

Глаза.

В сарае, когда Перетрусов приволок форму, его глаза были разного цвета — голубой и зеленый. В проходе между сараями глаза были серыми с коричневыми звездочками, а сейчас — снова разные. Колдун он, что ли? Или оборотень?

Гул голосов над площадью стих, от группы людей, стоящих подле знамени, отделился какой-то чернявый парень.

— Товарищи бойцы! Чепаевцы! Сейчас перед вами выступит начальник дивизии Василий Иванович Чепаев.

Вопреки ожиданиям Лёньки, усатый продолжал стоять на месте. На середину площади порывистым шагом прошел, придерживая шашку, гладко выбритый худощавый человек в папахе с красным околышем, во френче и галифе, заправленных в слегка запылившиеся сапоги.

— Товарищи! — сказал Чепаяев, и по спине у Лёньки пробежали мурашки — настоящий Чепаяев! С ним сейчас говорит настоящий герой!

— Товарищи! — говорил начдив. — Вы меня давно знаете, я вас никогда не подводил. Ведь не подводил?

— Никак нет, Василий Иванович! — в один голос рявкнула дивизия.

Лёнька испытал непередаваемое чувство единения с этим могучим муравейником. Он умудрился рявкнуть «никак нет» одновременно со всеми.

— Много мы с вами успели пройти, и никто... повторяю — никто не может сказать, будто Чепай прятался за спины или отдал несправедливый приказ. Все всегда было по чести: голодали поровну и пировали поровну. Так?

— Так точно, Василий Иванович!

— Так вот, бойцы. Никогда и никого я не неволил и себя неволить не позволял. Но чем дальше мы с вами воюем, тем больше у меня сомнений, — Чепаяев взял паузу и осмотрел своих солдат.

Все молчали. Ни шепота, ни чиха, ни покашливаний. Все ждали, что командир скажет дальше.

— За что же мы с вами воюем, братцы?! — громко спросил Чепай.

Бойцы молчали.

— Все помнят, что в марте нас собирались отправить воевать с кулацкой будто бы сволочью. Было такое?

— Так точно!

— Пошли мы воевать?!

— Никак нет!

— А почему?!

Молчание.

— Я вам скажу, почему, товарищи бойцы. Потому что восстала там не кулацкая сволочь, а такая же, как мы с вами, крестьянская беднота. Что им обещали большевики? Что всем нам обещали?! Земля — крестьянам! Фабрики — рабочим! Хлеб — голодным! А что получилось?!

В воцарившейся тишине чей-то голос звонко выкрикнул:

— Нае... ловка!

Толпа засмеялась.

— Именно! — сказал Чепаяев, и все снова смолкли. — Нас подло нае... ли, не при барышнях будет сказано! Нас заставляют обирать и грабить самих себя! Большевики учат нас, что мы освобождаем мир от гнета буржуев, а сами тем временем хотят закабалить нас точно так же, как это делали бары и капиталисты. Они, как и капиталисты, пришли ограбить нас, бедноту, нашими же руками. А если мы откажемся, они нас нашими же руками и убивают. Вы думаете, нас здесь ненавидят и боятся, потому что мы пришли дать свободу? Дудки! Нас боятся, потому что большевики не платят нам жалованье, а мы, чтоб не подохнуть с голоду, обираем баб, стариков и детишек малых! Прав я?!

— Прав, Василий Иванович!

— Хватит ползать на брюхе! Мы не большевистские псы, мы армия! Рабоче-крестьянская Красная Армия, и мы будем защищать интересы рабочих и крестьян, а не кучки болтунов, которые говорят о диктатуре пролетариата!

— Ура! — заорала дивизия.

— Отставить! — Чепай поднял руку вверх. — Я собрал вас не для того, чтобы горланить. У меня есть конкретное предложение, а если вы меня поддержите — то и конкретный приказ. Говорить?

— Так точно, Василий Иванович!

— Так слушайте все!

Снова все стихли.

— Никого силой я нарушать присягу не заставляю. Кто считает, что я призываю к контрреволюции и собираюсь перевернуться на сторону белых, может прямо сейчас выйти из строя. Я не заберу у вас ни

оружие, ни форму, ни лошадей, если кто лошадный. Можете собираться и уходить в Уральск, в штаб армии, либо оставаться здесь и держать плацдарм, мы все равно отбудем в течение нескольких дней. Даю честное свое чепаевское слово — никто вас и пальцем не тронет. Остальным, кто решит пойти за мной, предлагаю пройти маршем до Гуляйполя и объединиться с войском Нестора Ивановича Махно.

— Ура! — закричала дивизия, и вверх полетели шапки.

— Отставить! Есть те, кто против? Я знаю, что у нас сейчас курсантов много. Курсантам разрешаю вернуться, мне в походе нужны опытные бойцы, а не сопляки.

Строй курсантов, в котором стояли Лёнька и Богдан, заволновался, зашептался, но командиры быстро пресекли волнения, и из строя вышел тот самый рослый красноармеец, который загнал Лёньку и Перетрусова на всеобщее построение.

— Они сегодня подумают. Кто захочет, тот уйдет.

— Вот и ладно, — согласился Чепай. — Все, кто решил остаться под моим командованием и продолжать сражаться за свободу рабочих и крестьян против белогвардейцев и большевиков, слушай мой приказ! Устав и распорядок дня остаются прежними. Мародеров и грабителей расстреливаем, как и раньше, по решению революционного трибунала. Все свободны, разойдись!

С этими словами Чепая развернулся и порывистым шагом ушел обратно к штабу. Красноармейцы повзводно начали освобождать площадь.

В Лёнькином строю раздавались противоречивые реплики:

— Во дает Чепай!

— Да какой это Чепай? У Чепая — усы!

— Тебе он что — таракан? Сбрить не может?!

— Так что теперь — по домам, что ли?

— Как знаете, а это контрреволюция! Вот не ожидал от Чепая!

— Да какой это Чепай, у Чепая усы!

— АясЧепаем...

— Разговорчики в строю! Нале... во! Шаго... м-марш! Держать строй! Левое плечо вперед! Прямо!

Не обращая внимания, куда его влечет строй, Лёнька маршировал, и в голове его, как горошина в горшке, перекачивалась и гремела одна мысль: как же так? Герой, пламенный ленинец — и пошел на поводу у анархиста Махно? Получается, Чепая не за революцию, а наоборот?

Второе острое разочарование за одно утро.

— Ну что? — спросил марширующий рядом Перетрусов. — Вот он, твой Чепая. Ты-то думал, он за красных, а оказалось, что он вовсе даже не за, а против.

— Заткнись.

— Да ты что, не понимаешь? Это судьба! Она тебя ни к белым, ни к красным, ни к Чепая не пускает. Каждый сейчас сам за себя. Нельзя счастье всем дать, тем более — даром, иначе это не счастье.

— А что — счастье?

— Счастье — это когда у тебя есть, а у других — нет.

— Отстань, это только буржуи так думают.

— Что ж ты несговорчивый такой?

— Вот и найди себе сговорчивого.

— Не могу. Мой талисман на тебя указывает.

— Засунь себе этот талисман куда-нибудь поглубже!

В общем галдеже было не разобрать их разговора. И если на улице стоял гул, то в казарме и вовсе гвалт, как на вороньей свадьбе. Насколько понял Лёнька, курсанты недавно прибыли из Уральска в качестве подкрепления и толком не успели познакомиться, так что затеряться среди них было несложно.

— Я от тебя не отстану, — сказал Богдан.

— Сгинь, без тебя тошно.

— Обед!

Богдан тотчас исчез. Видимо, он тоже весь вчерашний день был голодным.

Чепаев

После выступления из Чепаева будто все силы улетучились. До знамени он прошел бодро и подразделения проводил, отдав честь, но едва они разошлись, Василий Иванович в изнеможении сел на крыльцо и усталился перед *собой*.

— Чепай, ну ты!.. — восхитился Петька, но начдив перебил его:

— Устал я что-то, Петр Семенович, — тихо сказал он. — Сердцу холодно.

— Ты чего? Ты ж этот, как его... лев! Вон какую речугу задвинул, ажно небесам жарко стало. То-то всех завел!

— Это, Петька, не лев, это я сам. На такое дело людей надо честно звать, а не прикрываться волшебной цацкой.

— Неужто сам?

— А ты думал, зря я Фурману в рот заглядывал? Учиться, брат, никогда не поздно.

— Как же ты решился, Чепай? Не хотел ведь.

— Уйди, Петька, не мешай. Я думаю.

Подумать было о чем.

Если бы не Тверитинов, ни за что бы Василий Иванович не решился на этот шаг. Возвращение Аркани говорило об одном — он уговорил Махно и вез от него пакет. Хотя зачем был нужен пакет? Хватило бы самого Тверитинова.

Отказаться от запланированного еще весной означало предать Арканю, да и самого себя.

Это же означало и другое. Бойцы верят Чепаеву, и не потому, что он в руке льва сжимает, а потому, что заслужил доверие. Но одно дело — выступать против большевиков самому, а другое — людей за собой вести. Против белых воевать — это одно, это хлам из дома на помойку выбрасывать. С большевиками труднее будет. Чепай новой власти присягу давал. Теперь, обманувшись ее посулами, он восстал.

А бойцы — бойцы же не против власти идут, они за Чепаем идут. Значит, он один за них отвечает. Если ошибется и проиграет — всех бойцов под удар поставит, сам будет виноват в их гибели. Как такие вопросы решаются, Василий Иванович не знал. До сих пор он только в атаку ходил, политикой не занимался. Грязное дело оказалось — политика. Одному за всех решать.

Рядом присел Ночков:

— Ты понимаешь, на что дивизию подписал?

— Уйди, самому тошно.

— Это называется — государственная измена. Ты почему не сказал эти слова?

— Мне снова митинг собрать?! Сами не дураки, понимают, небось. А кто не понял, я им повторю, когда все в поход готовы будут. Ты со мной?

Ночков молчал.

— Помнишь, ты говорил, будто Колька Гумилев сейчас не воюет, а книжки издает? — спросил Чепаев.
— Знал бы ты, как я ему завидую.

Ночков продолжал молчать.

— Да я понимаю — ты офицер, белая кость, ты к присяге серьезно относишься, а я чуваш безродный: хочу — даю слово, хочу — обратно беру. Я не против присяги иду, я против людей, которые от собственного народа этой присягой отгородились. Не пойдешь со мной — любись ты конем, не обижусь. Только не смей потом за моей спиной про меня гадости говорить, понял?

Чепаев встал со ступеньки, отряхнулся:

— Холодно становится. Пора уже теплые вещи примерять.

Перетрусов

«Казачок» сиротливо слонялся вокруг деловито жующих курсантов, видимо, так и не сумев отыскать себе ни котелка, ни ложки.

— Эй, пролетарий, иди сюда! — позвал Богдан. Он-то успел урвать кем-то опрометчиво оставленную без присмотра посуду и даже получить двойную порцию у кашевара.

Голод не тетка, и «казачок», хоть и не особо радостно, подсел к Богдану.

— На, пошамай немного, — бандит вытер ложку об штанину и протянул «казачку». — Не давись, не отниму, — сказал Богдан, когда «казачок» без благодарности начал жадно уплетать перловку.

Стук ложки о край котелка наконец стал пореже.

— Ну что, решил уже, с кем останешься?

— Отстань. Не с тобой, — с набитым ртом ответил «казачок».

— Вот никакой в тебе благодарности нет. Я тебя одел, накормил, в люди вывел, а ты со мной как с врагом. Даже как зовут тебя — и то не говоришь.

«Казачок» продолжал молотить челюстями, не обращая внимания на Богдана.

— Все на самом деле просто. Если я правильно понимаю, тот отряд казаков, от которого ты отбился, собирается напасть на Чепая. Чепай же собирается отсюда уйти. Ты можешь пойти с ним против советской власти, можешь остаться здесь и ждать, пока казаки тебя порубят в капусту вместе с этими желторотиками, а можешь уйти со мной. Между прочим, того усатого хмыря видел рядом со знаменем?

Впервые за последний час Богдан привлек внимание «казачка».

— Ага, вижу, что заметил. Так вот — он и нашим, и вашим.

— В смысле?

— Он же давно меня прикрывает. Так вот, он и красным гадит, и белым. Ты, небось, думал, что он только Чепая предает? Так я тебе скажу — отряд,

с которым ты скакал, по его наводке сюда направляется. Бьюсь об заклад — когда белые начнут ночью красных резать, он тревогу поднимет. Все всех перережут, а Ночков сам-герой возьмет, что ему надо, и поминай как звали.

— А что ему надо?

— Давай баш на баш?

— А чего тебе?

— Имя свое скажи?

— Тьфу, пропасть, — рассердился «казачок», — я тебе девка красная, что ли? Имя он спрашивает!

— Я ж тебе назвался. Справедливо будет.

«Казачок» помялся немного:

— Ну, Лёнька Пантелкин.

— Вроде не врешь.

— Не вру. Ну, чего надо тому типу?

— Да бог его знает. Он не говорил. Вернее, говорил, но как-то так, неконкретно. Вроде нужен ему сам Чепай, за голову которого белые обещали двадцать пять тыщ золотом.

— Ни хрена у него не выйдет, — сказал Лёнька и снова принялся за еду.

— Почему?

— Потому что этот... как его?

— Ночков. Начальник штаба, между прочим.

— Вот тварь двуличная... — Лёнька на мгновение задумался. — А, вспомнил. Голова этого Ночкова сейчас больше на голову Чепая походит, чем у самого Чепая. Ты видел, какой он?

Богдан ухмыльнулся.

— Так что, ты со мной?

— Душегубствовать? Нет уж, это без меня.

— А если не душегубствовать?

— Тогда что? Замуж меня позовешь?

— Дурак!

— Еще бы не дурак, если сижу тут и с тобой разговариваю.

— Я говорю — тут скоро такая мясорубка будет, что я просто агнцем божьим покажусь...

— Не покажешься. Тут все умирать готовы, сами знали, на что идут. А ты безвинных людей жизни лишал.

— Не бывает безвинных, все в чем-нибудь виноваты.

— Ты, значит, судья?

— Ну, ладно, ну, виноват я. Что мне сделать, чтоб отмыться?

— Почему я знаю?

— А что делать собираешься?

Лёнька вздохнул:

— И этого тоже не знаю.

Богдан смотрел на Лёньку разными глазами, а потом вдруг спросил:

— А давай подвиг совершим?!

— Подвиг?

— Ну, если мы Чепая про предателя расскажем, это же будет подвиг?

— Кто нам поверит? Наше слово против этого Ночкова. Чепай, поди, Ночкова давно знает, а нас впервые увидит. Документы чужие, форма чужая. Не поверит.

Молодые люди вновь погрузились в невеселые мысли. Бывает же так: решишь изменить жизнь, а так все запутал, что дальше — только еще запутанней получается.

— Черт усатый! — в сердцах сказал Богдан.

Лёнька удивленно поднял на него глаза:

— Точно!

— Что точно?

— Черт усатый. То самое, что нужно.

До Богдана дошло, что имеет в виду Лёнька.

— Да ты рехнулся! — заржал бандит. — Даже мне такое в голову не пришло.

— Ты со мной?

— Шутишь? Ты без меня и пикнуть не успеешь, как тебя повяжут.

Они ударили по рукам. Богдан решил, что нашел подход к этому чистоплюю, а Лёнька думал, что иногда добро приходится делать из зла, потому что больше ничего под руками нет.

Петька

В станице творилось что-то невероятное — все со всеми братались, пели песни, будто Чепая объявил не об открытой конфронтации с большевиками, а об окончательной победе мировой революции. Казалось, что в дивизии каждый первый ненавидит большевиков.

Бойцы чистили оружие, чинили одежду, в походных кузницах шумно дышали горны, звенели наковальни и тревожно всхрапывали лошади. Все бывалые чепаевцы готовились в поход.

Петьке было не до того.

Он не собирался оставлять Чепая, уже давно решил — идти с командиром до конца, даже на смерть. Но как-то легко после митинга все позабыли, что по гарнизону бродит диверсант или даже диверсанты. Поэтому Петька отобрал десяток проверенных ребят и методично, двор за двором, прочесывал станицу от площади к окраинам, постепенно расширяя радиус поиска.

Удалось выяснить, что Тверитинова убили не в переулке, а во дворе и сначала тело прятали в бочке. Выяснилось также, что убивал один, а как минимум трое — наблюдали. Один наблюдатель прятался в пустом сарае, двое других, судя по следам, были знакомы с убийцей, что косвенно подтверждали два коня, стреноженные в сарае одного из брошенных домов.

К сожалению, большую часть следов красноармейцы затоптали. Но и того, что нашли, хватило для нехитрого вывода: злоумышленников было не меньше четырех. Труп, найденный рядом с Тверитиновым, скорее всего, принадлежал кому-то из них.

— Думаешь? — усомнился Чепая, когда Петька изложил ему свои соображения. — Может, кого из курсантов пришибли?

— Утром была проверка. Если бы кто пропал — доложили бы в штаб, — ответил Петька.

— Пожалуй. Чем еще обрадуешь?

— Вот чем. Смотри: тот, кто Тверитинова убил, хотел его спрятать, так? Иначе зачем он его в бочку засунул?

— Дальше.

— Другой его из бочки вытащил и всем напоказ положил.

— Думаешь, назло?

— Может, назло, а может, и нет. У меня, Василий Иванович, какая-то нехорошая картинка нарисовалась.

— Говори.

По мнению Петьки, убийца точно знал, кто такой Тверитинов и с чем приехал. Колокольников и Деревянко могли быть заодно с убийцей, но Тверитинова знать не могли. Из того, что эти двое уехали, но не увезли труп, можно заключить только одно — они и понятия не имели об убийстве, иначе бы вывезли из станицы мертвое тело.

Получается, убийца хотел скрыть приезд Тверитинова.

— погоди, Петька, не срастается что-то. Бронштейн же зафиксировал приезд «Руссо-балта».

— Вот именно. Убийца это тоже понял. И поторопился.

Убийце предстояло избавиться одновременно от свидетелей и от машины.

Проще всего было отправить свидетелей на машине, потому что Колокольников умеет водить. Те двое (или трое) знакомых убийцы должны были покончить с Колокольниковым и Деревянко за пределами станицы. Но злодей не учел, что уничтожать надо было не только машину, но и весь пост, через который проезжал Тверитинов.

— А почему свидетелей должны были убить те двое, а не сам злодей?

— Ты дай мне все рассказать, сам поймешь, что к чему!

Двое — или трое — сделали свое дело, потом вернулись, видимо, за вознаграждением. Вознаграждения могло оказаться недостаточно, поэтому один из сообщников убил другого, чтобы присвоить всю награду, а главному злодею в отместку за жадность решил насолить и вытащил труп из бочки.

— Складно рассказываешь, — похвалил Чепай. — Где это ты так наострился?

— Книжки читал про Шерлока Холмса.

— Кто такой?

— Ну, мужик такой, англичанин, жуликов и душегубов ловит в Англии.

— Смотри-ка, молодец какой. И что же ты, Шерлок Холмс, придумал? Кто наш злодей, любись он конем?

Петька посерьезнел, посмотрел Чепая прямо в глаза.

— Только ты, Чепай, не того, не смейся.

— Ну, давай, давай, чего тянешь?

Петька глубоко вздохнул, наклонился и прошептал Чепая на ухо.

Чепай выслушал и, когда Петька выпрямился, спросил:

— Ты с ума съехал? Начальник штаба?!

Петька кивнул:

— Он, Василий Иванович. Больше некому. Слышал же, как он начал ручки умыть: мол, я бланков много выписал, выезжай из станицы по-любому.

— А как ты вину его доказать собираешься?

— Не знаю. Но он это, как бог свят — он.

Чепай молчал. Не то доводы порученца казались

ему неубедительными, не то слишком зловеще звучали обвинения к начальнику штаба, который не только посмел предать командира, но и убил его друга.

— Вот что, Петруха, — сказал Василий Иванович. — Помнишь, я тебе рассказывал, как этого льва добыл на войне?

— Помню, Чепай.

— Остался у меня с тех пор боевой товарищ, а ты мне такое про него рассказываешь.

Петька покраснел и опустил голову.

— И самое хреновое, Петька, что не ты один, — закончил Чепай.

Письмо из Петрограда настигло Василия Ивановича в Александровой Гае, причем доставил его не кто иной, как комиссар Ёжиков. Он отбывал на Туркестанский фронт, путь его лежал как раз через Алгай. Узнав, что письмо из Петрограда опоздало на день и не застало Чепая в Самаре, комиссар вынуждался доставить его до адресата.

Конверт был настоящий, почтовый, из старых буржуйских запасов, правда, изрядно помятый от частого держания за пазухой.

— Плясать заставлять не буду, — сказал Ёжиков и отдал письмо Чепая.

— Читал? — спросил Василий Иванович без обиняков.

— Обижаете, товарищ начдив. Очень хотелось, но барышня, его передавшая, просила быть аккуратнее.

— Барышня?

— Не знаю, кто такая, из столичных, одета по-мещански. Сказалась из Петрограда, просила в Николаевск с оказией письмецо передать. Я ей сказал, что вас уже в Александров Гай отправили, она чуть не в слезы. Ну, я решил последнюю услугу оказать, чтобы лихом вы меня не поминали.

Чепай уже увидел, от кого письмо, и обрадовался, как ребенок.

— Ну, спасибо тебе, Ёжиков, не забуду.

— Будьте здоровы, товарищ Чепай, — сказал Ёжиков, уязвленный, что письму обрадовались больше, чем ему. Но что поделаешь, если Василий Иванович не успел как следует соскучиться за эти несколько дней.

Письмо было от Кольки Гумилева, с которым они не виделись почти четыре года. Ночков уже успел рассказать, что Гумилев, будто знаменитый стихоплет, работает в издательстве «Всемирная литература». Сам Ночков устроился туда счетоводом по рекомендации Гумилева, но быстро бросил рутину и махнул на фронт.

Сначала Чепай хотел дожидаться вечера и прочесть письмо от фронтового товарища вместе с Ночковым, но не выдержал, засел в кабинете начальника станции, вскрыл конверт и начал разбирать убогий почерк товарища.

«Здравствуй, дорогой Чепай. Если ты получил это письмо, значит, Бог на свете есть, и Он тебя бережет.

Очень хотел бы написать тебе о своей жизни, но времени мало, поезд на Самару через час, и кухня моя — единственный верный человек, который может тебе эту весточку передать».

Стало быть, девушку Кухней звать, понял Василий Иванович. Чуждые имена у буржуев.

«Недавно были у меня гости из ВЧК. Очень интересовались тобой, даже просили помочь в одном щекотливом деле. Говорили, что ты мало доверяешь незнакомым людям, только с бывшими сослуживцами ласков и находишь общий язык. Меня, как бывшего твоего сослуживца, просили отправиться на фронт и воевать под твоим руководством. Юлили они долго, ничего толком не говоря, но я и без того понял, что ты чем-то им крепко насолил. Я, как ты можешь догадаться, отказался от столь лестного предложения.

Однако я имел глупость рассказать об этой истории Ночкову. Помнишь его? Мы встретились с ним случайно, кто-то на блошином рынке пытался залезть ко мне в карман. Я поймал вора за руку, им и оказался Ночков. Он после войны жутко опустился, стал вором, узнав меня, расплакался, умолял не заявлять в «уголовку». Я человек не злопамятный, извинился, что намял бока, и пригласил в издательство. Ночков пришел, я предложил ему должность счетовода. Не бог весть какие деньги, но концы с концами свести можно, плюс паек от наркомата просвещения.

Ночков старался, часто бывал у меня, иногда работал курьером. Не доверять ему, если не вспоминать случай на рынке, повода не было. И вот я, как последняя баба, разболтал о визите на Гороховую. Ночков меня выслушал, возмутился наглостью большевиков, и я сразу забыл об этом разговоре. И вдруг Ночков увольняется, говорит, что отправляется на фронт, где ему, как кадровому военному, самое место. Мне это показалось странным. Работой своей он был доволен, и вдруг — такой отчаянный поступок. Вот и возникло у меня тяжелое предчувствие.

Очень не хочется мне думать плохо о своем командире, даст Бог — он действительно почувствовал тягу к оружию и сейчас где-то храбро сражается, неважно, на чьей стороне. Но если вдруг попутает черт и окажется Ночков у тебя в дивизии — гони его в три шеи, потому что не может это быть совпадением.

Надеюсь, служба твоя тебе не в тягость. Если будешь жив-здоров — пиши на этот адрес.

Твой Николай».

Такой черной злобы и кипучего желания убить Чепая не испытывал даже в том бою с австрийцами, когда с ним бок о бок бились только Ночков и Гумилев. Василий Иванович смял письмо, засунул в карман и пошел искать предателя.

Но в толпе Ночкова найти было трудно. Чепай, пока шатался по вокзалу, поостыл, и к нему вернулась способность трезво соображать.

«Вот избавлюсь сейчас от Ночкова, любись он конем, — думал начдив. — Мне вместо него дадут кого-нибудь другого, кого — я даже знать не буду. Пусть лучше под боком ползает, змея подколотная».

Трудно было терпеть предателя, но Чепай справился. Поначалу виделся с начальником штаба реже, только по делу, а как совсем сердце остыло, так и до дружеских бесед дошло, до воспоминаний общих. В боевом планировании и в самом бою Ночков был хорош, как и прежде, а что «стучит» он в штаб армии или в ЧК — пусть стучит, лишний повод проверить, чего же он вынюхивает.

— Василий Иванович, может, пойдем уже и спросим, чего ему надо? — спросил Петька.

Чепай хлопнул себя по ногам:

— Давай!

Время было вечернее. Василий Иванович с Петькой дворами вышли к штабу, поднялись на крыльцо.

На штабе опять висел замок, и Ночкова внутри не было.

Талисман

Одно дело — обнести продовольственный склад или стащить котелок у ротозея-курсанта, хотя и там имеются некоторые тонкости; но умыкнуть из штаба дивизии начальника этого самого штаба — настоящее искусство.

Особенно когда действуешь почти в одиночку и на подхвате у тебя фраер ушастый.

Но Богдан справился. Не без помощи петуха — именно он подсказал, где Ночкова проще всего застать врасплох. Две задние доски сортира, в котором начштаба на пару минут оставался в одиночестве, они с Лёнькой аккуратно расшатали и, как только Ночков раскорячился в неудобной позе, выдернули его в глухой тупик, куда заезжали только повозки золотарей.

— На брюхо ему шибко не дави, — шепотом ругался Богдан на напарника. — Обгадится еще.

Лёнька послушно убрал колено с живота Ночкова, но при этом надавил на ребра, отчего начштаба сдавленно хрюкнул и громко замычал.

— Так у нас дело не пойдет, — рассердился Богдан и как следует огрел Ночкова по затылку сложенными в замок руками. Пленник тотчас обмяк и замолк. — Так-то лучше.

Ночкова уложили на носилки, укрыли одеялом до самого носа, Богдан встал спереди, а Лёнька сзади.

— Только не болтай, пока я говорить буду, — предупредил Богдан. — Лучше мычи, будто зуб у тебя болит. Поехали.

Они бегом, пока никто не видел, покинули тупик и по улице, удаляющейся от площади, понесли «больного» в сторону лазарета.

Таких носилок они сегодня видели предостаточно — тиф косил бойцов десятками. Оставалось только улучшить момент, чтобы спереть носилки с одеялом, пару грязных халатов и отправиться на дело.

Перед лазаретом располагалась широкая карантинная полоса, которую посыпали негашеной известью. Здесь, как правило, не было ни души, только изредка патруль пробежал — быстро, чтобы заразой не дышать.

Богдан сдернул с Ночкова одеяло и целиком накрыл грязной простыней.

— Вы чего это здесь? — послышался строгий девичий голос.

Богдан встал как вкопанный.

— Сестричка, мы сегодня первый день. У нас там окочурился один, куда его теперь?

— Не туда, яма в другой стороне, — сказала маленькая девушка в сестринской форме и показала, куда уносили всех, кто не справился с болезнью.

— Говорил я тебе, балда стоеросовая! — ругнулся Богдан на Лёньку, и они побежали в противоположную сторону.

У края ямы они остановились.

Лёнька против желания заглянул в огромную братскую могилу, в которую сваливали погибших солдат, тех, кого смерть встретила не в бою, а в станице, кому просто не повезло выпить некипяченой воды. Тел было много, но различить под слоем негашеной извести лица или просто очертания было невозможно.

Богдан опустил носилки рядом с бочкой, из которой лопатой загребали известь, чтобы присыпать очередного покойника.

— Ладно, сторожи тело, я за лошадью, — сказал Богдан. — Маши лопатой на всякий случай, пусть видят, что ты не зря здесь околачиваешься.

— Ты что, совсем не боишься? — спросил Лёнька, хватаясь за деревянную лопату.

— Не-а, — ухмыльнулся Перетрусов. — Я же бандит.

Пока новый товарищ добывал транспорт, Лёнька кидал известь в яму, стараясь больше туда не заглядывать и вообще ни о чем, кроме лопаты, не думать.

Богдан появился минут через пять на белой неподкованной кобыле без седла.

— Во! Конь блед! — похвастался он.

— Как мы на ней поедem? — испугался Лёнька.

— А ты и не поедешь, ты меня здесь, в станице, ждать будешь. Нас троих эта кляча точно не довезет, к тому же ты даже в седле держаться не можешь, не то что без седла. Заныкайся где-нибудь поближе к штабу, хоть бы и там, за сортирами. Я ночью вернусь.

— Да меня поймают в два счета!

— До сих пор же не поймали. На вот, держи.

Перетрусов снял с шеи кожаный шнурок, на котором висел сверкающий в заходящем солнце петушок.

— Накось, зажми в ладони. Не бойся, он всегда холодный. Чувствуешь — зудит? Это хорошо, он тебя признал. Если почувствуешь, что нужно что-то делать, — делай первое, что придет на ум. Это моя чуйка.

— Это петух.

— Пусть петух. Смотри, потом вернешь, в нем вся моя удача.

— Как же ты без удачи-то?

Богдан пожал плечами:

— Раньше же обходился. Ну, помоги мне его на лошадь забросить.

Вдвоем они перекинули мычащего — очнулся! — Ночкова через хребет лошади, и Богдан лихо заскочил на нее сзади, через круп.

— Не геройствуй без меня! Если не вернусь — тикай отсюда куда подальше. Помяни мое слово — скоро здесь таких ям будет штук сто, и то не хватит.

С этими словами Богдан чмокнул губами, легонько ткнул клячу пятками в бока и резво поскакал в степь.

Верст на двенадцать ее должно было хватить.

Перетрусов

План у Лёньки был простой, поэтому Богдан им так и восхитился: сам он до этого не догадался, но, как только Лёнька намекнул, петух в один момент обрисовал всю картину.

Сейчас во всей дивизии на Чепалева походил только Ночков — тоже худой, загорелый, с усами, недаром Лёнька его сначала за начдива принял. Сам же Чепай зачем-то постригся-побрился и стал похож на политработника, а не на бравого полководца.

Если не все новобранцы узнавали в Чепеаеве командира, виденного только в газетах, то уж казаки всяко усача примут за Чепая (если, конечно, целью их дерзкого похода *был* именно он). Пока разберутся, что это не он, глядишь, и время упустят для нападения, а там Чепеаев просто ускачет на запад — и поминай, как звали.

Богдану заранее было смешно, как Ночков будет объяснять белым, что он — не Чепай. Из всех документов — только усы!

Лошадку Перетрусов решил приберечь: кто знает, вдруг придется стрелача давать. Без талисмана он чувствовал себя голым и беззащитным. Ведь любой, даже самый плюгавый и неопытный сосунок с трехлинейкой или наганом мог отправить Богдана на тот свет, но отчего-то страшно все равно не было. Возможно, потому, что у Перетрусова появились кое-какие планы на жизнь.

— Стой, стрелять буду! — окликнул Богдана мужской голос.

— Тпру! — Перетрусов остановил лошадь и завертел головой: откуда окликнули?

Мужик, одетый так бедно, что Богдану захотелось плакать, стоял посреди степи и целился в Перетрусова из какой-то палки.

— Ты чего, дядя? — удивился Богдан.

— Стой, стрелять буду!

— Так у тебя же палка в руках, дурила!

— Раз в год и палка стреляет, а ты стой, где стоишь. Чего надо?!

— Мне чего надо?! Да я тебя сейчас!

— Стой, где стоишь, стрелять буду!

Мужик явно рехнулся. Богдан неспешно подъехал к нему.

— Бдыщь! Бдыщь! — несколько раз крикнул мужик, бросил палку и припустил прочь.

— Стой, дурила! Стой!

Богдан легко догнал бродягу и ухватил его за шею, тощую, как у куренка.

— Стой, говорю, не обижу!

Мужик послушно остановился.

— Куда идешь? — спросил Богдан и протянул бродяге спертый в лазарете ржаной сухарь.

Бродяга вгрызся в сухарь, будто ничего слаще в жизни не видел, и принялся мусолить.

— Идешь куда, спрашиваю? — прикрикнул Богдан.

— К Ленину иду, жаловаться.

— Чего? — округлил глаза бандит.

— К Ленину иду, жаловаться, — повторил сумасшедший. — Пускай мне новое хозяйство выдаст. И жену. И сына. Жаловаться иду, говорю.

— Ну, иди, иди, — согласился Богдан и слегка пришпорил кобылу.

Через минуту сзади опять раздалось:

— Стой, стрелять буду!

— Вот настырный, — усмехнулся Богдан.

— Стой! Бдыщь! Стрелять буду! Бдыщь!

Богдан оглянулся через плечо. Мужик бежал,

ковыляя, умудряясь стрелять на ходу одной рукой, другой держа во рту сухарь.

— Бдыщь! Падай, ты убит! Падай! Дальше я поеду!

Богдан остановил лошадь. Как ни странно, а этот мужик вполне мог пригодиться.

— Падай! Падай! Бдыщь!

Богдан спрыгнул с лошади.

Мужичонка, пока догнал его, весь выдохся, дышал с присвистом, и слов, которые он говорил, было почти не разобрать.

— Вот что, мужик, — сказал ему Богдан. — Я как раз в Москву сейчас. Садись, подвезу до Ленина. С этими словами он взгромоздил мужика вместо себя на лошадь, словно ребенка маленького. Сумасшедший сразу без сил повалился на куль с «Чепеаевым», и тот снова замычал.

— Спокойно, Василий Иванович, — сказал Богдан. — Кремль уже близко.

На горизонте показались крыши старых амбаров.

Голова Богдана буквально раскалывалась. Оттого ли, что не было больше петуха, или от извести, но ломота в висках настолько измучила, что впору было сдаться белым и рассказать им, что он в последние несколько месяцев творил с их братом. Впрочем, и рассказывать не придется. Богдан имени своего не скрывал и всем охотно его сообщал. Ничего. Ждать осталось немного — только ночь продержаться.

Казак

За день казаки захватили несколько подвод, два патруля и трех дезертиров. Все говорили одно и то же: Чепай послал большевиков подальше и собирается идти на Украину. Полковника Бородина эта новость ничуть не удивила.

— Чепавцы всегда были дикой бандой, — сказал он. — Большевики хоть и хамы, но преследуют определенную цель, насаждают извращенный, но порядок и требуют дисциплины. Чепавцу дисциплина чужда. Вот он и нашел себе компанию. Жаль, что ночью его вольнице придет конец. Крайне любопытно было бы узнать, как он собирался пересечь пол-России, оказавшись вне закона, да еще и со своей ордой.

Большинство задержанных были жалкими ничтожными людишками, обмочившими штаны, едва заметив казачий разезд. Все задирали руки вверх, умоляли не убивать, обещали рассказать все-все и безропотно умирали. Из-за жесткой экономии боеприпасов их кололи штыками.

Однако под конец дня жизнь вдруг закипела.

С наступлением темноты подхорунжему Бело- ножкину доложили, что два странных человека привезли Чепая и хотят награду.

Белоножкин был чрезвычайно хладнокровным казаком. Несмотря на невысокое звание, должность его в походе была второй после полковника; должность выборная, что многое говорило о подхорунжем.

— Нас обнаружили? — уточнил он у рапортующего.

Казак почесал голову.

— Наверное, нет, — сказал он.

— Как же нас нашли?

— Они, ваше благородие, точно знали, где мы есть.

— Ну, пойдем, посмотрим, что там за Чепая привезли.

Задержанные оказались колоритной компанией. Убогий мужичок, явно скорбный умом; молоденький красноармеец с большими ясными глазами и милым детским лицом и связанный по рукам и ногам мужчина, ухоженный, с бравыми фельдфебельскими усами, лежащий без чувств у красноармейца в ногах.

Скорбный умом мужичок держал на вытянутых руках обломок оглобли. К оглобле на манер белого флага был привязан грязный медицинский халат.

— Ведите меня к Ленину, — сказал он неожиданно.

— Чего? — растерялись казаки.

— К Ленину меня ведите, говорю!

— Зачем тебе Ленин, милый? — невозмутимо поинтересовался подхорунжий.

— Умом он тронулся, ваше благородие, — заступился за умалишенного красноармеец. — Отпустили бы вы его, не со мной он.

— А ты кто таков?

— Курнаков Яшка.

— Документы есть?

— Только книжка красноармейца.

— Покажи.

Красноармеец вынул из нагрудного кармана книжку, протянул Белоножкину. Подхорунжий без интереса пролистал документ и спросил, кивая на бесчувственное тело:

— А этого зачем приволок?

— Это, ваше благородие, Чепав, вы не видите, что ли?

— Не вижу. У него документы имеются?

— Не знаю.

— Обыскать, — велел Белоножкин, и казаки в несколько секунд выпотрошили содержимое карманов «Чепаева».

Документов при усатом не оказалось. В карманах лежали коробка с леденцами, расческа, лупа и карандаш.

— Как же я узнаю, что это Чепаев? — удивился Белоножкин. — Ты его не убил случайно? Что-то он попахивать начал.

— Нет, ваше благородие, я его из сортира умыкнул, он, кажись, в штаны нагадил.

Белоножкин посмотрел на красноармейца.

— А ты, значит, лихой, да? Как же ты узнал, где нас искать?

— Не знал я, ваше благородие! Ехал себе на юг, думал, до Гурьева дотяну, там отдам Чепая, а мне заплатят за него.

— Складно рассказываешь.

Обернувшись к казакам, подхорунжий спросил:

— С ними кто-нибудь еще был?

— Никак нет, ваше благородие, никого. Все кругом обшарили.

— Продолжать наблюдение.

— Есть. А с этими что?

— Дурачка в расход. Этого болтуна — на допрос. Усатого привести в себя и отмыть. Потом разберемся, что это за «Чепаев» такой.

Белоножкин не верил в случайности. Не обращая внимания на возражения молоденького красноармейца и мольбы убогого, подхорунжий отправился будить полковника Бородин. Через час — начало операции, нужно успеть допросить подозрительных гостей.

Правильнее было бы пустить в расход всех, но тогда полковник будет недоволен.

Допрос

Бородин с Белоножкиным спустились в блиндаж через пятнадцать минут.

— Что за запах? — поморщился Бородин.

— Вот этот, — Белоножкин ткнул пальцем в молодого красноармейца, безмятежно раскачивающегося на крюке и будто не подозревающего о том, что его ожидает, — говорит, что умыкнул этого, — подхорунжий показал на безумно озирающегося мужчину во френче и в подштанниках, — со спущенными штанами. Это еще терпимо, ваше превосходительство, ребята его отмыли, кальсоны дали.

— Глупо, молодой человек, — попенял Бородин красноармейцу. — Самому-то приятно было?

Красноармеец виновато улыбнулся.

— Ты что, совсем меня не боишься? — удивился полковник.

— Чего вас бояться? Чай, не упырь.

— Посмотрим, посмотрим, — взгляд полковника переместился на «Чепаева». — Стало быть, вы и есть тот самый Чепаев? Странно видеть вас таким... мягко говоря, запачкавшимся.

— Я не Чепаев, — сказал пленник.

— А кто же вы?

— Я... — пленник замолчал, не зная, что ответить.

Полковник немного подождал, хмыкнул и вновь обратился к молодому:

— Как тебя зовут, бесстрашный юноша?

— Яшка. Курнаков.

— Скажи мне, Яшка Курнаков: зачем ты выкрал Чепаева?

— Награду хочу.

— Награду? Значит, деньги любишь?

— Кто же их не любит?

— Зачем же тебе деньги? И какие ты предпочитаешь? Сейчас денег много разных ходит, выбирай, какие хочешь.

— Я бы золотом хотел. Ваше высокоблагородие, отпустите меня, пожалуйста, руки затекли. Полковник рассмеялся:

— Юноша, ты мне определенно нравишься. Только я не «высокоблагородие», а «превосходительство», запомнил? Я тебя отпущу, но позже. Видишь ли — получить награду можно, и даже золотом, но как ты докажешь, что это — Чепаяев, враг уральского казачьего войска? Сам ведь слышал: товарищ говорит, что он не Чепаяев.

— Так это само собой, ваше высоко... превосходительство. Будь я Чепаяевым, тоже ни за что не признался бы.

— Чем же ты докажешь, что этот грязный человек — в самом деле Чепаяев?

— А вы что же, и портрета его в газете не видели? Как он боком сидит, с папачой на голове? Вы гляньте, одно лицо — с усами, худой, френч на нем. Чепаяев это, не сомневайтесь!

— Видишь ли, милый Яшка Курнаков, сильно ты ему внешний вид подпортил. Да они все на одно лицо — и Чепаяев, и Буденный, и Фрунзе. Ты видел сотника Мамаева там, наверху? Он тоже похож на Чепаяева, мы же его за это не арестовываем.

— Я его из штаба умыкнул, ваше высоко... превосходительство! Я там всех знаю, я сегодня на митинге был — нету там больше похожих, этот один! Не мог я ошибиться!

— Охотно верю и надеюсь, что ты не ошибаешься. Но проверить тебя мы сможем только в Лбищенске. Нам нужен человек, который сможет подтвердить твои слова, понимаешь?

— Как не понять, понимаю. Деньги зажить хотите. Сами, небось, пристрелите меня здесь, а этого увезете и денежки прикарманите.

Белоножкин ударил дерзкого юнца по губам, вроде несильно, но тут же брызнула кровь.

— Грубо, Яшка Курнаков, — покачал головой Бородин. — Я офицер, кадровый военный...

— А кадровым военным будто деньги не нужны, — перебил полковника Яшка. — Ну, стреляй, стреляй, благородие, что я, не понимаю: у вас кость белая, кровь голубая, вам нужнее. Что вы, что красные — все твари жадные! Ох...

На этот раз подхорунжий приложил разболтавшегося красноармейца посильнее.

— Значит, ты упорствуешь в том, что этот обгадившийся комиссарик — настоящий Чепаяев? — спросил Бородин. — Ладно. Ваше слово, товарищ... как вас там?

— Я... я связист. Я не комиссар!

— А откуда такой богатый френч?

— Не знаю! Мне подбросили! Я офицер!

— Вот как! — обрадовался полковник. — Очень хорошо! Значит, вы офицер Красной Армии? Пойдите, разве у красных есть офицеры?

— Я поручик! Я Георгиевский кавалер!

— Чепаяев тоже Георгиевский кавалер, как я слышал, — усмехнулся Бородин. — Унтер-офицером вернулся с фронта. Выходит, Яшка Курнаков правду говорит?

— Кто говорит правду? Он?! — поручик и Георгиевский кавалер плюнул в Яшку Курнакова. — Это бандит Перетрусов!

— Я?! Дяденьки, вы что, вы на меня посмотрите, какой из меня бандит?! Я винтовку-то правильно держать не умею, — начал оправдываться Яшка.

— Он бандит! Я точно знаю!

— Откуда? — поинтересовался Бородин.

— Э... Я его видел.

— Где? В штабе? — удивился полковник. — Подхорунжий, эти двое слишком юлят. Сдается мне, они действительно знают больше, чем говорят. Который час?

— Половина двенадцатого, ваше превосходительство.

— Черт, обидно, опаздываем. Послушайте, товарищи, у нас крайне щекотливая ситуация — мы опаздываем на штурм вашей, с позволения сказать, цитадели. Если вам больше нечего сказать, мы прощаемся, потому что брать вас с собой нет ни желания, ни возможности. Подхорунжий!

Белоножкин вынул нож.

— Нет! — заорал Георгиевский кавалер. — Я Ночков, начальник штаба.

— Начальник штаба? — удивился полковник. — А ты, Яшка Курнаков, не промах. Но все равно ошибся.

— Он не ошибся, — сказал начальник штаба. — Это никакой не Курнаков, это Перетрусов.

Подхорунжий показал на часы, но полковник поднял руку:

— Подождите, тут становится интересно. Продолжайте, Ночков. Вы хотите сказать, что этот молодой человек — кровавый душегуб Перетрусов, который не жалеет ни женщин, ни детей, ни стариков?

— Да, черт вас побери, именно это я и хочу сказать!

— Но откуда вы его знаете?

— А я на него работал, — улыбнулся Перетрусов. — Или ваше превосходительство думает, мои люди в степи на вас случайно наткнулись? Нет, это товарищ Ночков сказал, где вас ждать.

— Заткнись, идиот, — скорчился Ночков.

— Нет, почему, пусть говорит, — полковник с интересом разглядывал обоих, будто получал удовольствие от этой некрасивой сцены. — Возможно, если вы скажете что-нибудь интересное, я дам вам шанс.

• — Пожалел волк кобылу, — хмыкнул Перетрусов и снова получил удар.

Полковник кивнул подхорунжему и спросил у Ночкова:

— Ночков, откуда вы знали о передвижении нашего отряда?

— Авиаразведка доложила, — сказал Ночков. Перетрусов на это ответил булькающим смехом, переходящим в кашель.

— Что-то мне подсказывает, что ваш друг с этим не согласен, товарищ Ночков. Перетрусов, как дело было?

— Он еще неделю назад сказал: мол, ждите, пойдет отряд казаков. Велел немного их пощипать и отправить ему сообщение, где и когда они прошли.

— Ваше превосходительство, время! — сказал Белоножкин.

— Отставить, подхорунжий! Вы что, не понимаете — в штабе Чепаяева известно о походе!

— Тогда почему здесь все еще нет красных? — задал резонный вопрос Белоножкин.

— Потому что через три часа мы сами к ним придем, — терпеливо объяснил полковник. — Зачем тратить ресурсы и ввязываться в бой в незнакомой местности, когда можно отлично подготовиться и победить на своей территории?

— Но у нас приказ, — напомнил подхорунжий.

— Идите вы с этим приказом знаете куда?! — вспылil полковник. — У нас больше тысячи человек, и вы хотите, чтобы они положили головы только из-за амбиций нашего Верховного Правителя? Видите ли, взбрело ему в голову отомстить Чепаяеву и отобрать кулончик, которым Александр Македонский игрался. Отставить, этим походом я командую, и я решаю, начинать операцию или нет! Теперь вы, — Бородин повернулся к Ночкову. — Быстро и четко — кто и как передает информацию красным!

Ночков испуганно смотрел на полковника, и у него на лице было написано — одних кальсон маловато. В наступившей тишине негромко похрюкивал Перетрусов.

— Что такое? — спросил Бородин. — Я что-то смешное сказал?

Перетрусов заржал уже в голос, и от его радостного и веселого смеха стало не по себе даже непробиваемому Белоножкину. Из глаз у бандита потекли слезы.

— Ну, Ночков, ну, жук! — смеялся Перетрусов. — Смотри, какой жути на офицеров нагнал! Признавайся, кто красный шпион, не то я со смеху лопну.

— Заткните его, — попросил Ночков. — Заткните или я за себя не отвечаю.

— Заткните меня, ха-ха-ха! Белоножкин, врежь мне как следует, а то умру со смеху!

Белоножкин ударил, чем вызвал новый приступ смеха. Далее последовала серия ударов, от которых из груди бандита вырывались смешные хлюпающие звуки, и Перетрусов смеялся еще громче, а потом начал икать.

— Пи... ик! ... ить дайте... ик! ха-ха!

— В чем дело?! — заорал полковник. — Заткнись или я...

— Ха-ха-ха!

Полковник подошел к столу с инструментами, взял клещи поудобнее, примерился к Перетрусову и одним точным движением откусил полмизинца на правой руке. Бандит взвыл, издевательский смех оборвался сам собой. Рукав гимнастерки тотчас намок от крови.

— Ох, ваше превосходительство, спасибо, что не указательный, — прокряхтел Богдан. — Как же я тебя потом пристрелю...

— Оптимист? Это хорошо. С оптимистами проще работать, — похвалил Бородин. — Ну-с, товарищ Ночков, чем вы меня порадуете?

— Я... Я знаю, зачем вы идете. Я сам это видел.

— Что вы видели?

— Я видел льва. На самом деле он мой, Чепаев его ошибочно получил. Если бы лев оказался у меня, мы бы выиграли войну. Мы бы всю Европу завоевали...

— Он бредит? — спросил Бородин у Перетрусова. — Его пугает вид твоей крови?

— Нет, он вчера красного командира забил жерновом, даже не всплакнул, — заступился за Ночкова Перетрусов.

— Забил жерновом? Это у вас вместо расстрела?

— Нет, краском Чепаеву какой-то пакет привез, а Ночков осерчал — и убил.

— Пойдите, господа, я совсем запутался. Зачем начальнику штаба убивать красного командира за доставленный пакет?

— Потому что пакет — от Махно, — резко ответил Ночков. — У вас всегда таких идиотов в командиры назначают? Тогда ясно, почему красные побеждают.

Бородин стерпел оскорбление. Он действительно не понимал, что говорят пленники, но очень хотел понять.

— Что ж вы, ваше превосходительство, такой непонятливый, — посочувствовал Перетрусов. — Видно же — товарищ Ночков и нашим, и вашим.

— То есть вы...

— Я двойной агент! — гавкнул Ночков. — И ваша операция целиком и полностью держится на той информации, которой я снабжаю Ставку. Мой псевдоним — Ясный. Теперь ясно?

Полковник кивнул.

— Тупой бандит разобрался во всем быстрее вас, кадровый вы болван! — плевался Ночков. — Развяжите меня, у нас мало времени.

Белоножкин потянулся перерезать веревку, но Бородин его остановил.

— То есть это благодаря вам спланирован глубокий рейд?

— Да, благодаря мне. И если вы пошевелитесь, скоро благодаря мне Уральское войско переломит ход войны.

— Каким образом?

— Благодаря льву, осел! Сколько вам лет, полковник? Тридцать пять, сорок? Почему вы ведете себя, как старая окопная крыса? Я вам уже сказал — я сам видел, как работает эта штука, и благодаря мне...

— Какая штука?

Ночков закатил глаза:

— Ваша цель — захватить Чепаева и изъять у него талисман в виде льва, я ничего не путаю, подхорунжий?

— Никак нет.

— Так вот — именно этот лев дает Чепаеву ту силу, которая до сих пор позволяла ему бить белых. Это магический артефакт, эзотерический предмет, вроде тех загадочных штук, о которых пишет госпожа Блаватская.

— Мы рискуем жизнью из-за безделушки?

— Не безделушка, а мощный стратегический ресурс, не хуже золота! С помощью этого ресурса любая армия может стать непобедимой, какой была армия Александра Великого! Вас никто не ждет в Лбищенске, остается только войти, схватить Чепаева, и станица падет без единого выстрела. Половина

бойцов — курсанты, большевики ненавидят Чепая и поэтому специально обнажили его фланг, оставили без прикрытия. По моей, кстати, просьбе.

— По вашей?

— Я специально внедрился в ЧК как человек, который воевал с Чепаем бок о бок в Волыни и Галиции.

— Как можно одновременно работать на ЧК и Ставку Верховного Правителя? Как адмирал Колчак вообще такое допустил, он же редкостный чистоплюй! — возмутился полковник.

— Потому что он такой же болван, как и вы, полковник. Развяжите меня наконец!

— Зря вы его слушаете, — вмешался в разговор Перетрусов. — Не связывайтесь с Чепаем, отпустите его. Он не завтра, так послезавтра уведет своих людей на Украину, и вот тогда берите Лбищенск, сколько влезет, там вообще никого не останется.

— А тебе какой в этом интерес? — удивился полковник.

— Не твое собачье дело, ваше превосходительство. Просто опостытели вы мне все, и белые, и красные, оставить вас хочу. Уехать, куда подальше, и там в свое удовольствие жить.

— Ночков, ваше слово.

— Мое слово? Вы что, всерьез полагаете, что слово мелкого жулика, которого на большую дорогу вывел я сам, который без меня шарил бы по карманам на вокзале в Александровом Гае, что его слово что-то значит? Да вы знаете, чего можете лишиться, если послушаете это ничтожество? Ну так я вам сейчас расскажу.

Ночков действительно рассказал. Времени как раз хватило, чтобы принять правильное решение.

Ночков

Трофеем должен был получить командир разведгруппы поручик Ночков. Не важно, что первым на врага наткнулся фельдфебель Чепай. Ночков был гораздо сильнее, опытнее, чем Чепай, и он бы разобрался с командиром австрийцев гораздо быстрее, и из этой потасовки они вышли бы с наименьшими потерями.

Чепай сунулся не туда, куда надо. Из-за него поручику пришлось выдерживать атаку превосходящих сил противника, пока Чепай пытался справиться всего лишь с одним! Удивительно, как вообще справился.

Они выжили, взяли в плен элитное австрийское подразделение, вернулись настоящими героями. А потом, когда Ночков загремел в лазарет, поручик слышал весь разговор сослуживцев — от и до. Точнее, говорил только Гумилев. Этот был из аристократов, ходил, будто штык проглотил, и представлял себя, очевидно, в одном из тех поэтических салонов, где проводил время до начала войны. Ходили слухи, будто он знаменитый поэт, но стихов своих Колька никогда не читал, изредка лишь рассказывал всякие диковинки, которые видел в Африке.

Разговор у костра шел о каком-то украшении, талисмани, награждающем владельца необычайными качествами. У талисмана имелись и прочие удивительные свойства — он не только не плавился в огне, но даже не нагревался.

Сначала Ночков принял разговор за пустой солдатский треп, вроде рассказов казаков об оживших покойниках — мол, вдоль дороги с косами стоят, и тишина! Вся эта брехня забавляла — и только.

Однако потом понял, почему вдруг так преобразился во время драки Чепай, превратившись из посредственного бойца в античного героя, способного задушить голыми руками немецкого льва или изрубить в капусту лернейскую гидру.

Лев — так назывался талисман Чепая.

И этот лев, по справедливости и по старшинству, должен был принадлежать Ночкову. Зачем фельдфебелю лев? Поручик мог руководить взводом и с этим взводом творить чудеса. А после мог дослужиться до командования ротой, батальоном, бригадой! Что можно сделать с бригадой бесстрашных античных героев? Да отвоевать всю Галицию и Волынь, еще до Брусиловского прорыва!

Когда Ночков понял, что Чепаев владеет его талисманом, дружба в разведгруппе расстроилась. Формально она все еще называлась дружбой, но командир группы воспринимал своих подчиненных как подлых воров.

Сначала Ночков хотел просто стащить талисман во время купания или в банный день, но, как ни обшаривал форму Чепаева, нащупать металлическую фигурку не мог.

Ночков нарочно ставил Чепаева на самые опасные участки, надеясь, что шальная пуля зацепит фельдфебеля и талисман попадет в руки законному владельцу. Однако смелый Чепаев неизменно выходил победителем. Командование ставило его в пример новобранцам, и это все больше бесило поручика.

История кончилась некрасиво: во время очередной атаки немцев Ночков будто случайно выстрелил Чепаеву в спину, ранил в плечо, кто-то это увидел, началось разбирательство. Ночкова подвели под трибунал, разжаловали до подпоручика и перевели в другую часть.

Чепаев верил в Ночкова, заступался за него. Гумилев тоже заступался, но шумиха поднялась слишком большая, об инциденте разнюхали газетчики, и командование, дабы замять скандал, отправило героя Волыни и Галиции в отставку с минимальной пенсией.

После этого Ночков жалел только об одном — что промахнулся. Добудь он льва с трупа Чепаева, мог бы сокрушить всех — и следствие, и газетчиков, и командование. Талисман бы в этом помог. Победителей не судят, как говаривал капитан Бурашников.

Какое-то время Ночков еще мог следить за Чепаевым и не терял надежды встретиться с ним в темном переулке. Он грезил львом, военной славой. Ночами ему снилось, что снимает талисман с мертвого Васьки-Чепаева.

Скоро случилась Февральская революция, которая постепенно переросла в Октябрьский переворот, и след льва потерялся.

Обе революции Ночков категорически не принял. Он не был сторонником монархии, или социалистом, или кадетом. Но обе революции одним из лозунгов избрали скорейшее окончание войны. Это же надо — прекратить войну, когда немец почти сдался! Только идиоты и предатели могут так поступить! Ночков ненавидел за это всех революционеров, а вместе с ними охранку, которая была неспособна эффективно вычистить из общества эту прогерманскую шваль во главе с Лениным.

Ненавидел Ночков и царя — за бесхребетность, за потакание низменным интересам толпы. На то он и царь, на то и самодержец, чтобы поступать, как сам считает нужным, а не как велит толпа попрошайек с кумачовыми хоругвями! Определенно — если бы у Ночкова был лев, он навел бы в стране порядок твердою рукой, и кто знает — может, основал бы новую династию русских царей: гордых, воинственных, неустрашимых!

Ему грезились военные операции на Волыни, в Австрии, Германии, Франции и отчего-то Индии. Бывший поручик мечтал, как в составе многомиллионной армии он моет сапоги в Индийском океане, а потом перешагивает океан и ступает в Африку, и под его сапогами мечется мелкий-премелкий Гумилев, делает знаки, чтобы Ночков опустил глаза и заметил его, пигмея.

Все глубже и глубже погружался поручик в несбыточные грезы, опустил, прожил все свои невеликие сбережения, заложил и потерял столовое серебро, золотые серьги и кольца матери, массивный золотой крест отца. Вскоре он оказался совсем без средств. А время наступило голодное, хлопотное, работу найти невозможно. Идти воевать за ту или иную сторону Ночков не хотел, хотя где-где, а в армии наверняка можно было не думать об одежде, жилье и пропитании.

Когда есть стало нечего, бывший поручик пошел на блошинный рынок, надеясь незаметно стащить какую-нибудь вещь, а потом обменять ее на еду. Пару раз ему это сошло с рук, пару раз едва не застукали и добычу пришлось бросить.

Однажды, после очередной неудачной эскапады, его окружила компания темных личностей.

— Ты чего, фразер, на чужой земле промышляешь? — спросил сутулый одноглазый парень с золотой фиксой во рту.

Это были гопники, контингент из Городского общежития пролетариата на Лиговке. Такие легко могли поставить на ножи. Но Ночков тоже был не лыком шит и с ножом обходиться умел, тем более что под шинелью у него на поясе всегда висел кортик.

— Молодые люди, вы дурно воспитаны, — сказал Ночков самым занудным манером. — Когда обращаетесь к человеку, который старше вас или занимает в обществе более высокое положение, следует говорить ему «вы» и желать здоровья при встрече. Вы что, на Лиговке живете?

Гопникам такое обхождение не понравилось, и пара из них по молчаливому приказу одноглазого кинулась с заточками на «фраера».

Не австрияки, усмехнулся про себя Ночков, втыкая одному заточку в глаз, а другому в горло. Даже не понадобилось выхватывать кортик.

Гопники затихли — подобного финта они не ожидали.

— Так чья это земля? — спросил Ночков.

Гопники признали право Ночкова промышлять на их территории, а заодно посвятили в некоторые тонкости ремесла карманника. Ночков учился быстро и вскоре наловчился незаметно доставать из чужих карманов то, что плохо лежало, или то, что, по мнению Ночкова, владельцу было не очень нужно.

Гумилев он увидел случайно: тот нес каминные часы, явно восемнадцатого века, барокко. Выглядел Гумилев хоть и утомленно, но вполне прилично, одежду носил штатскую, хорошего покроя. И главное — руки заняты.

Ночков был уверен, что Гумилев не расстанется со своим талисманом, и решил рискнуть. Он не знал, в чем особенность гумилевского предмета, не знал даже, как тот выглядит, но был уверен, что все талисманы связаны между собой и каждый из них дает обладателю небывалую силу. Он пристроился за бывшим сослуживцем и, когда толкучка была особенно плотной, запустил руку в карман пальто.

Тотчас что-то пребольно укололо его в палец, тело будто молния пронзила, а в следующую секунду железная хватка сдавила запястье, рука помимо желания пошла куда-то вверх и вбок, Ночков пребольно стукнулся о грязный заплеванный лед, и нога в идеально чистом ботинке встала у самого его лица.

— Эй, кто-нибудь, позовите околоточного, или как они сейчас называются! Я вора поймал! — крикнул Гумилев.

— Отпусти, больно! — прокряхтел Ночков.

Гумилев узнал голос, хотя по меньшей мере два года не слышал своего командира.

— Ночков? — спросил он и отпустил заломленную руку.

В вопросе чувствовалась смесь противоречивых эмоций: удивления, радости и брезгливости.

— Гумилев? — «удивился» Ночков.

— Ночков, ты что, карманником заделался? Ты же Георгиевский кавалер.

У Ночкова от ненависти к Гумилеву и жалости к себе слезы из глаз брызнули. Вот же тварь аристократическая, даже после революции ходит барином и поучает.

— Что, в уголовку заявишь? — сквозь слезы зло процедил Ночков. — Ну, давай, чего ждешь!

— Ты хочешь, чтобы тебя арестовали? — не понял Гумилев.

— А ты не хочешь?! Вы все только того и ждете, чтобы я в дерьме утонул! — Ночкову казалось, что из глаз текут не слезы, а едкий иприт.

— Знаешь, Ночков... — Николай поставил часы под ноги, залез во внутренний карман пальто и извлек оттуда записную книжку с карандашом. — Вот, я тебе сейчас адрес запишу. Когда захочешь — тогда и приходи. Но приходи обязательно, слышишь? Постараюсь чем-нибудь тебе помочь. Извини, что так получилось.

Он вырвал из записной книжки листок и протянул Ночкову. Тот, все еще лежа на снегу, послушно взял бумажку. Гумилев, забрав часы, торопливо ушел прочь.

Так Ночков попал в издательство «Всемирная литература», в компанию бездельников, которые вытягивали у большевиков деньги на издание каких-то книг, призванных повышать культурный уровень пролетариата. Ночков считал, что пролетариат можно окультурить только одним способом: заставить чистить сараи и сортиры, а по выходным показывать цирк и синематограф, а вся эта Античность, эпоха Возрождения и прочее у гопника вызовет лишь глумливую ухмылку.

Тем не менее он старался быть милым и обходительным, пытаясь сократить дистанцию с Гумилевым, который все время был чем-то занят, бегал по инстанциям и не допускал, чтобы кто-то с ним сблизился. Говорили, будто Николай какое-то время работал шифровальщиком в Русском правительственном

комитете. Возможно, он не хотел, чтобы эта информация чем-то навредила окружающим: в ЧК забирали и за менее сомнительные знакомства.

Терпение Ночкова было вознаграждено. Гумилев стал разговаривать с ним о разных мелочах, порой они вспоминали прошлое.

Как-то за Гумилевым приехали из ЧК и забрали на Гороховую. Он вернулся через два часа, взвинченный и злой. Рассказал, что интересовались Че- паевым, который сейчас, оказывается, командовал частями красных где-то недалеко от Самары. Чекисты предложили Гумилеву, как бывшему сослуживцу Чепалева, втереться к нему в доверие. Ночков слушал, понимающе кивал, а сам думал: почему он не догадался до этого раньше?! Почему не пошел работать в ЧК, чтобы найти Чепалева?!

Он едва дотерпел до конца рабочего дня. Бегом добравшись до Гороховой, он стучал во все двери и спрашивал, куда именно вызывали Гумилева. Когда наконец попал к нужному человеку, сразу сказал, что был командиром Чепалева и готов выполнить любое задание. Возможно, чекисты думали, что им повезло, но куда больше повезло Ночкову.

Когда человеку улыбается удача, улыбаться она начинает буквально во всем. Не успел Ночков уволиться из издательства и собрать вещи, чтобы отправиться на фронт, как на него вышли колчаковцы. Странно, но они, как и чекисты, откуда-то знали о существовании льва.

Ночкову было смешно от объяснений, которые давали и большевики, и белые. И те, и другие скрывали, зачем нужен артефакт. Опасное мракобесие, говорили одни, ценная реликвия царского дома, уверяли другие, а Ночков им подпевал, уверяя, что сделает все, лишь бы добыть этот редкий кусок металла.

Оставшись один, Ночков хохотал во все горло, уставившись на себя в зеркале. Он представлял, как его глаза меняют цвет и как это пугает окружающих. ...

Казак

— У меня все получилось! Я справился с заданием, я готов был принять вас завтра в Лбищенске. Возможно, я даже сумел бы обезвредить Чепалева, если бы не этот... — Ночков плюнул в Перетрусо- ва. — Отвяжите меня, в конце концов! У нас задание!

Бородин не отвечал, он смотрел на Белоножки- на. Подхорунжий тоже смотрел на своего командира, будто между ними шел какой-то разговор.

— Ночков, — спросил Бородин, когда молчаливое совещание закончилось, — ответьте на один простой вопрос: зачем вы натравили на нас бандитов?

— Я? Нет, это не совсем так, — ответил Ночков. — Мне нужно было узнать, насколько вы близко, нападения я не санкционировал!

— И операцию вы просили назначить...

— На пять часов утра, пока все крепко спят.

Белоножкин недобро ухмыльнулся.

— Да, точно, на пять утра, — улыбнулся подхорунжему Бородин. — Хотя постойте. Вы помните, что нам вчера говорил этот красноармеец, как его там?..

— Деревяшко, — подсказал подхорунжий.

— Деревянко, — растерянно поправил Ночков.

— Точно, Денис Деревянко, — обрадовался полковник. — Так что?

— О распорядке начдива Чепалева, ваше превосходительство.

— Помнится, очень ценные были сведения. Якобы Чепалев привык просыпаться крайне рано, до пяти утра, — полковник подошел вплотную к Ночкову и спросил: — Ночков, когда вы служили, кто просыпался раньше — вы или ваш командир?

Ночков не успел осознать, что прокололся на такой мелочи, как общий подъем: сзади свистнула пашка, и на крюке остались висеть только руки предателя. Голова, словно мяч, укатилась в угол блиндажа, тело без рук и головы мешком осело на земляной пол.

— Легко отделался, — позавидовал Перетрусов. — Я думал, вы ему сначала язык отрежете, потом еще что-нибудь...

— Белоножкин, я никак не могу поверить, что этот балагур — тот самый Перетрусов, — рассмеялся полковник.

— Я — тот самый, не сомневайтесь. Бы же знаете, что я отрезал вашим казачкам и куда именно вставлял?

И полковник, и подхорунжий потемнели лицами.

— Эй-эй-эй, ваше превосходительство, вы своему рубাকে скажите, чтобы не торопился, — предупредил бандит. — Без пальца-то я еще куда ни шло, а без головы совсем бесполезным буду.

— Чем ты можешь быть полезен, Перетрусов? — спросил полковник. — Я без тебя знаю, что штурм нужно начать в три часа ночи, знаю, где дом Чепая, знаю, где штаб. Есть ли в Лбищенске такое, что я без твоей помощи не смогу сделать?

— Чепая вы узнать не сможете, господин полковник. Он сейчас со всеми своими бойцами на одно лицо, я его видел, вот почти как вас теперь.

— Ты же слышал — не нужен мне Чепай, мне нужен его талисман.

— Но талисман-то у Чепая. И домик его сгорел надых, переехал Василий Иванович. Ухлопаете вы, скажем, половину его бойцов, хотя навряд ли — патронов не хватит. Еще сколько-то в плен возьмете, начнете страдать, чтобы выдали вам командира. Ладно, если погибнет Чепай вместе с первой половиной, тогда придется просто безделушку искать, а если выживет, да в ход пустит этого льва? Слышали, небось, что эта штука с людьми делает. Вас чепайцы зубами загрызут.

— А ты, получается, сумеешь его найти?

— Уже нашел. Меня в Лбищенске верный человечек дожидается, он и выпасает вашего Чепая. И всего-то я от вас немного прошу — двадцать пять тыщ золотом.

— Каков мерзавец, а?! — восхитился полковник. — Я даже жалею, что поторопился с Ночковым.

— Да вы не жалеете. Кто он, ваш Ночков? Тля, сопля и ни рубля. Они, идейные, хуже всех. Я, конечно, тот еще сукин сын, боженька меня на тот свет вряд ли пустит, но со мной можно договориться, если цена хорошая.

— Цена? — полковник задумался. — Хорошо, давай поговорим о цене. Я хочу предложить тебе больше, чем двадцать пять тыщ. Как ты смотришь на то, чтобы я отпустил тебя живым, когда все закончится?

— Не «когда», а «если», — поправил полковника Перетрусов. — Уж поверьте мне — этим вашим «когда» еще и не пахнет совсем. Все еще тыщу раз поменяться может. Двадцать пять тыщ золотом!

— Наглый ты, душегуб. Молодой, красивый — и наглый. Подумай сам — разве в твоём положении можно условия ставить? Гляди — Белоножкин шашку даже не вытирает, потому что условия твои мы принимать не будем.

— Воля ваша, конечно. Но потом на себя пеняйте. Человечек мой не только за Чепаем в оба смотрит, но и за всей станицей. Увидит незнакомых людей, перепугается, шум поднимет...

Бородин долго сверлил недоверчивым взглядом красивые глаза Перетрусова, да так и не понял — блефует он или говорит правду.

— Добро, — сказал он, решив, что делать дальше. — Подхорунжий, снимите этого негодяя с крюка и залейте ему палец йодом. Под ваш личный контроль возьмете с собой в ударную группу, пусть указывает путь. Как только попытается обмануть или поставить новые условия — убить на месте.

Белоножкин аккуратно потянул за узел, и веревка будто сама собой распустилась, освободив пленника.

— Ох, спасибо, господа хорошие. Коли не обманете — не пожалеете, что со мной связались, а не с этим упырем, — Перетрусов беззлобно пнул тело. — Ну что, по коням?

Бородин покачал головой. Послал ведь Господь союзника... или не Господь послал, а черт подсунул?

Думать на эту тему не хотелось. Допрос и очная ставка и так слишком затянулись, уже пятнадцать минут назад надо было начинать главную фазу операции.

Казачки были готовы. Накрапывал дождь, свистел ветер. Если мерить стратегическими и тактическими мерками, погода как нельзя лучше подходила для штурма. Караулить в такую промозглую ночь никому не хочется, все стараются спрятаться под крышу, желательно — с печкой. А диверсанту дождь не даст ни

заснуть, ни расслабиться — в шуршании дождя легко можно пропустить посторонний звук. Так что сам Бог на стороне отряда.

Выехав перед строем, Бородин сказал:

— Знаю, что каждый из вас молится сейчас об успехе нашей миссии, о сохранении жизни соратникам, о лютой смерти врагу. Хочу просить вас о том, о чем не просил никогда и никогда больше не попрошу. Лбищенск — станица богатая, добра у красных предостаточно. Не трогайте ничего. Отвлечетесь — вас тут же застрелят, заколют, перережут горло. У нас одна цель — освободить станицу, трофеев быть не может, за мародерство расстреляю лично. Всем все ясно?

Молчание было ответом.

— Тогда — с Богом!

Отряд разделился на две лавы и начал движение.

Через час Лбищенск возьмут в клещи. Ударная группа подхорунжего Белоножкина снимет все посты и найдет дом Чепаева.

Как только Чепаев будет взят в плен или убит, а его талисман окажется в руках у Белоножкина, в небо пустят красную сигнальную ракету. Казаки войдут в станицу сразу с двух сторон, а четыре станковых пулемета и два орудия наглухо перекроют красным пути к отступлению.

Потом останется лишь отправить сообщение в Каленый и ждать подхода основных сил. Если, конечно, они у белого движения найдутся. У полковника Бородина на этот счет были самые мрачные предчувствия.

А вот у Богдана Перетрусова настроение стало — лучше некуда. Когда живодер-полковник откусил ему полпальца, головная боль разом куда-то делась, и теперь бандит ждал, когда сможет похвастаться перед новым приятелем своим подвигом.

5 СЕНТЯБРЯ 1919 ГОДА

Лёнька

Погода после полуночи внезапно испортилась. Мало того что холодный северный ветер пробирал насквозь, так он еще нагнал туч, которые скрыли луну, и в станице стало темно, хоть глаз выколи. Затем и дождь начал накрапывать.

Тупик за сортирами и впрямь оказался самым лучшим местом, где можно было спокойно ждать и не опасаться, что кто-нибудь нагрянет. Пахло здесь, конечно, не сиренью, но по сравнению с вонью, в которой Лёнька недавно пролежал полдня, было приятно и свежо.

Лёнька, забившись в лопухи и крапиву, даже умудрился заснуть. Правда, не сразу. Петух, которого сдал на хранение Перетрусов, неприятно зудел в кулаке. Так бывает, когда поймашь по весне хруща, спрячешь в потной ладошке, а он там скребет своими жесткими крючковатыми лапками. Становится и щекотно, и слегка противно, а все равно жука не отпускаешь.

Только петух был еще и холодный. Рука начала мерзнуть едва ли не сразу, как Перетрусов усакал в степь.

Как ни странно, насчет свойств талисмана он не обманул. Путь от тифозной ямы до сортирного тупика Лёнька преодолел быстро и без приключений, вовремя скрываясь в кустах или изображая мочащегося у забора красноармейца. Он не вызвал подозрений ни у одного патруля, ни у одного станичника.

В голове будто кто-то проснулся, кто-то знакомый и привычный, вроде внутреннего голоса, который и раньше подсказывал, что делать, но только Лёнька не особенно к нему прислушивался, потому что голос был робкий и неуверенный.

С петухом голос не только осмелел, но даже обнаглел и прямо-таки приказывал, что надо делать. Ослушаться его не хотелось. Кто его знает, ослушаешься — и сам от себя в ухо получишь. Вон как крепко кулак сжался, того и гляди — врежет.

Чувство это Лёньке не понравилось, поэтому, когда он спрятался в лопухах и внутренний голос сказал, что все отлично, Лёнька торопливо переложил петуха в карман гимнастерки.

В ожидании Перетрусова Лёнька пригрелся и заснул. Разбудил его внезапно начавшийся дождь.

Он открыл глаза, кругом было темно, холодно и сыро, капли дождя барабанили по крышам сараев и нужников, стекали за воротник и шуршали по листьям. В темноте постоянно чудились чьи-то шаги.

Лёнька даже не мог понять, который час, потому что луны на небе не было. В панике он потянулся к перетрусовскому талисману, отвернул клапан кармана и вытянул петуха за шнурок.

Холод в ладони окончательно разбудили Лёньку. Робкий внутренний голос, испугавшийся дождя, темноты и потери во времени, под действием талисмана вновь осмелел и нашел ответы на все вопросы. Судя по тому, как намочила земля, как шумит ветер в трубах и дрожат листья, сейчас не больше часа ночи. Скоро появится Перетрусов.

Лёнька нахохлился и принялся ждать. Но чем больше ждал, тем тревожнее становился внутренний голос. Перетрусов — бандит, он мог что-нибудь не то натворить без своего петуха и тогда... тогда дело плохо.

На всякий случай Лёнька выждал еще полчаса, но условного свиста в ночи не прозвучало. Стало понятно: Перетрусов либо сбежал, либо погиб. Это значило, что теперь все зависело только от Лёньки.

Петух подсказывал лишь одно — спускаться к реке, хватать первую попавшуюся лодку и плыть отсюда, покуда весла не сотрутся.

— Железяка хренова, — плюнул Лёнька и положил петуха обратно в карман.

Надо поднимать тревогу. Нужно идти в казарму к курсантам — они в первую очередь пострадают от нападения.

Еще днем Лёнька заметил висящую на цепи рельсу, бой в которую, скорее всего, означал пожар. Сейчас он дойдет до рельсы и начнет в нее дубасить. Поднимется такая тревога, что любо-дорого. Все проснутся.

Аккуратно, чтобы не поскользнуться, Лёнька начал выбираться из своего убежища.

На улице не было слышно ни чавканья шагов по грязи, ни конского храпа или фырканья, собаки не лаяли. Ночь была совсем глуха и слепа, и Лёнька, стоящий на краю площади, никому не был нужен. Даже свет в штабе не горел. Похоже, несмотря на приказ Чепачева, все расслабились, почувствовав вольницу.

Хлюпая по лужам, Лёнька пошел туда, где, по его мнению, находилась казарма, но шагов через сто уперся в забор. Лёнька принял влево и тоже уткнулся в мокрые доски. Лёнька запаниковал и побрел в обратную сторону, но опять поперек пути встал забор.

Черт, только заблудиться не хватало в такое время.

— Эй, люди, есть кто-нибудь? — позвал Лёнька тихо.

Молчание.

— Эй, живая душа, отзовись! — сказал он чуть громче.

Вновь никакого ответа.

Скоро он орал так, будто его резали.

— Люди! Я здесь! Эге-гей! Помогите! Товарищи!

Хоть бы кто отозвался. Только дождь, как назло, усилился.

— Ау! Мать вашу, да помогите же мне, куда вы все пропали?!

— Чего орешь, египетский хлопок?

Этот спокойный оклик в ватной тишине напугал Лёньку сильнее, чем мог бы напугать взрыв или выстрел.

В лицо ударил сноп света от электрического фонарика, и тот же спокойный голос спросил:

— Кто такой? Почему не в казарме, египетский хлопок? Чего вынюхиваешь?

— Товарищи, слава богу, вы пришли, — Лёнька пошел было навстречу свету, но щелкнул затвор трехлинейки.

— Стой, где стоишь. Кто такой, спрашиваю? — повторил Египетский Хлопок, как окрестил его Лёнька.

А вдруг это уже белые, похолодел Лёнька. Как назло, понять этого он не мог — петух лежал в кармане гимнастерки, сосланный за панические настроения.

— Я-то... Лёнька.

— Какой еще Лёнька? Пантелеев, из третьей роты? — переспросил другой голос. — Ну-ка, документы засвети свои!

Слава богу, красные, обрадовался Лёнька и полез за пазуху, но тут же снова задрал руки вверх.

— Ты чего, египетский хлопок?

— А вдруг у меня револьвер за пазухой и я вас тут всех положу? — спросил Лёнька.

С той стороны света пошептались.

— Резонно, — похвалил Египетский Хлопок. — Давай очень медленно, двумя пальцами, чтобы я хорошо видел.

Лёнька медленно расстегнул шинель, распахнул полы и аккуратно полез левой рукой в правый карман гимнастерки, где лежала книжка красноармейца.

— Прими-ка у него документ, брат Елдырин.

Брат Елдырин, лица которого Лёнька не видел, подошел и взял книжку.

— Сэ-е, се, мэ-е, ме, нэ... Семен, — прочитал вслух брат Елдырин.

Лёнька похолодел. Он и забыл, что документы у него на имя Семена Бумбараша.

— Не похоже на Лёньку, египетский хлопок. Ну-ка, чего там дальше.

— Бэ-у, бу, мэ, бум, бэ-а, ба, рэ-а, ра...

— Бумбараш? — обалдел Египетский Хлопок. — Ты где нашел документы Бумбараша, египетский хлопок?! Елдырин, ну-ка, дай ему промеж рог!

Началась потасовка. Брат Елдырин, по всей видимости, здоровенный детина, заслонил Лёньку от Египетского Хлопка. Лёнька оказался в тени и получил небольшую фору в маневре и защите. Он скинул с себя шинель, набросил на голову брату Елдырину. Елдырин запаниковал, начал махать руками куда ни попадя.

Египетский Хлопок орал, чтобы Елдырин ушел в сторону. Лёнька, слегка пригнувшись, приблизился к противнику и пару раз болезненно ударил детину под ребра. Тут бы Лёньке отступить и подождать, пока противник окончательно запутается в шинели, но он захотел добить этот ходячий шкаф и оказался неправ, потому что шкаф решил, что если не может попасть кулаком, то проще будет упасть на обидчика, и накрыл Лёньку своей огромной тушей.

Митяй

Лёньку, побитого и вымокшего, доставили в караулку, расположившуюся в хлеву. Несмотря на большой размер помещения и гуляющий по нему ветер, здесь было гораздо теплее, чем на улице. Из освещения в караулке имелся только масляный светильник, сделанный из гильзы снаряда с расплюсненной горловиной.

— Кого привел, Очумелов? — спросил красноармеец, гревший руки о коптящее пламя.

— Да вот, египетский хлопок, шастал тут. Никогда такого не встречал. И знаешь, Митяй, чьи у него документы? Семки Бумбараша, египетский хлопок! Помнишь, который пропал месяц назад? Я думал, может, сбежал, он шибко по дому тосковал. А вот, *оказывается*, не *сбежал* вовсе, а эта тварь, египетский хлопок, наверное, убила Семку и форму себе забрала! Даже документы не выбросила!

— Кто такой? — спросил Митяй, видимо, главный в карауле.

— Лёнька, — сказал Лёнька. — Времени сколько сейчас?

— Что, торопишься куда-то? — Митяй взял светильник и поднес его к самому лицу задержанного. — Да, на Бумбараша не похож.

— Я не Бумбараш, я Лёнька, Пантелкин.

— Не Пантелкин, а Пантелеев, — вмешался брат Елдырин.

— Почему Пантелеев? — удивился Митяй. — Ты его знаешь, что ли?

— Знаю. Он в третьей роте служит, — ответил Елдырин.

Очумелов раздраженно перебил его:

— Да не слушай ты его, Митяй, голова меньше болеть будет. У Елдырина земляк в третьей роте, Лёнька Пантелеев, а этот — другой, не Пантелеев.

— Да как не Пантелеев? — опять возмутился Елдырин, и Митяй со вздохом приказал ему заткнуться. Лёньку от тепла разморило. Глаза стали открываться и закрываться с большим интервалом, коптящий светильник навевал какие-то совершенно невоенные мысли.

— Так, Очумелов, у вас еще два часа патрулирования, — сказал Митяй. — Живо пошли и поймали мне еще кого-нибудь. Я пока с этим разберусь.

Пререкаясь из-за Лёньки — то ли Пантелеева, то ли Пантелкина, — Очумелов с Елдыриным ушли в ночь.

— Так откуда ты здесь взялся, Пантелкин? — спросил Митяй. — Да не клюй носом, а то отрежу! Грубый окрик вернул засыпающего Лёньку к реальности.

— Из Тихвина.

— Это где такое?

— Под Новгородом.

— Здесь как оказался?

Цепь событий, в результате которых Лёнька оказался в Лбищенске, виделась ему сейчас такой запутанной и надуманной, что он решил не мутить воду и ответил коротко:

— Я шпион белоказаков.

— О как! — Митяй крикнул от неожиданности. — Прямо самый настоящий шпион?

— Ага. Сколько сейчас времени?

— Да что тебе случилось это время? — рассердился Митяй. — Надо будет — еще до рассвета расстреляем. У нас со шпионами строго. И чего шпионишь?

— Про это я только Чепaeву расскажу.

Митяй рассмеялся:

— А ты забавный, шпион Пантелкин. Не слыхал я еще, чтобы белоказаки себя белоказаками называли.

— Товарищ Митяй, не томи, скажи, который час, не то поздно будет!

— Что поздно будет?

— Чепая погубить хотят, тревогу поднимать надо.

— Что ты несешь, шпион? — обалдел Митяй.

— Чепая предали, и скоро сюда придут казаки и всех вас вырежут к чертовой матери! — заорал Лёнька. — Не веришь — не верь, но сведи меня к Чепaeу, пускай он сам решит, вру я или нет!

Митяй испугался, занервничал. Арестованный имел при себе документы пропавшего без вести красноармейца, и доверия к нему не было никакого. Но страсть и убежденность, с которой он говорил о заговоре, не могли оставить равнодушным. Митяй решил рискнуть.

— Но смотри у меня, шпион Пантелкин, быстрее меня никто из револьвера не стреляет. Попробуешь убежать или финт выкинуть — мозги провентилирую, даже «мама» сказать не успеешь.

Митяй накрыл копилку консервной банкой:

— На выход.

— А где выход? Не видно ж ни рожна.

— Два шага вперед, поворот налево — дальше прямо.

Послышался звук взводимого курка. Лёнька зажмурился и сделал так, как велел Митяй.

Чепaeвец безошибочно ориентировался в темноте. Он вел Лёньку сквозь ночь и дождь, постоянно предупреждая, где прыгнуть, где обойти, где пригнуться, и они довольно быстро дошли до большой избы, окна в которой светились бледным оранжевым светом.

— Вот, — сказал Митяй, — здесь Чепай живет.

— Не спит, что ли?

— У него всегда свет теплится. Это вроде как знак у него такой — заходи, когда захочешь, всегда жду.

— Так что, стучим?

— Какое — стучим! Сразу пойдем.

Они вытерли ноги о положенную на ступеньки мешковину и вошли в избу.

— Василий Иванович, извини, что поздно, — громко сказал Митяй. — Я тут к тебе шпиона бело-казаков привел.

В углу избы с койки вскочил взъерошенный человек с наганом в руке. Тут же прочь метнулся здоровенный котяра с голубым и зеленым глазами. Человек обматерил животное и непонимающим взглядом уставился на гостей:

— Чего? Где? Петька?

— Василий Иваныч, это я!

— Митяй? Ты охренел, любишь оно конем, посмотри — половина третьего ночи!

— Так я ж шпиона привел!

— Шпиона?!

Глаза Чепая, только что спросонья узкие, распахнулись.

— Где ты его взял, такого молоденького?

— Очумелов с Елдыриным привели.

Чепай потянулся, положил наган на подушку и начал натягивать галифе.

— Ну, рассказывай, шпион, зачем пожаловал. И лучше тебе по делу говорить, потому что я, если раньше просыпаюсь, шибко злой.

Лёнька стоял перед начдивом и не знал, с чего начать. То есть сказать-то было что, но вот так оказаться лицом к лицу с легендой...

— Товарищ Чепай.

— Если ты шпион, никаких «товарищей», только «гражданин», — оборвал Лёньку Чепай.

— Я не шпион.

— Как не шпион? Митяй говорит — шпион, а он врать не будет.

— Да дайте вы мне уже сказать! — заорал Лёнька. — Сейчас здесь будут белые, и они вас убьют!

— Белые? Сколько?

— Чуть больше тысячи, отрядом руководит полковник Бородин, ударной группой — подхорунжий Белоножкин. В отряде девять... нет, уже восемь пулеметов и два противопехотных орудия, штурм начнется в пять часов.

Обилие подробной информации впечатлило начдива. Он намотал портянки, натянул сапоги, накинул френч и начал застегиваться.

— Откуда ж ты все это знаешь, шпион? — спросил Чепай. — Что еще расскажешь?

— У вас предатель в отряде был, товарищ Чепай, Ночков. Он и красноармейца того убил...

— Чего?! — не поверил Митяй. — Ночков? Да не может того быть!

Но Чепай как будто не удивился.

— Так, Митяй, сейчас берешь ноги в руки и вместе со своими оболтусами по казармам, всех в ружье, но тихо, без суеты. Хотя... это им Петька сообщит. Погоди...

Чепай застегнулся на все пуговицы, нацепил португез, пристегнул шашку, прошел к койке, снял с подушки револьвер и засунул в кобуру. Попытался подкрутить усы, но усов не было. С досады начдив сплюнул и нахлобучил папаху.

— Ну что, окропим красненьким? — подмигнул он Митяю.

— Окро...

Дверь распахнулась и снова захлопнулась. В избу ворвался мокрый босой парень в исподнем. Вид у него был испуганный, в правой руке он сжимал узду — с такой силой, что костяшки на пальцах превратились в белые пятна:

— Чепай, беда!

— Что такое?

Петька бросил уздечку и метнулся к керосиновой лампе. Сразу стало темно.

— Нас предали!

Бойня

Своим последним дежурством караул Фимы Бронштейна был недоволен. Красноармейцы Теплов и Сухов ругались, не переставая, и изрядно допекли старшего.

— Ты нас спросил? — говорил Сухов Бронштейну. — Если нужны были добровольцы, то это всяко не я. Крайнего нашли, что ли?

— Выходит, что нашли, — раздраженно ответил Фима. — Сам же видел — никто в караул не хочет, все будто к походу готовятся.

— А нам не надо, что ли, готовиться? — возмутился Теплов. — Я, между прочим, нынче даже не поспал.

— Я тоже! — голос Фимы стал холодным. — Я сегодня друга хоронил второй раз!

— Так какого, спрашивается, ты нас подписал на второе дежурство подряд?

— А кого еще? У меня остались только...

Два раза что-то просвистело, и Сухов с Тепловым, пытаясь достать из своих шей метательные ножи, завалились набок.

— .. только вы, — охнул Фима.

В отличие от товарищей, Фиме достался не нож, а камень из пращи казака Усатова. Фима не мучился.

В это время Очумелов с Елдыриным шли под дождем и ожесточенно спорили.

— Дурак стоеросовый, — ругался Очумелов. — Никто не говорит, что твой Пантелеев — шпион.

— Сам только что...

— Ты что меня, египетский хлопок, с ума свести хочешь? Ты что, думаешь, кроме твоего Пантелеева в мире больше Лёнек не осталось?!

По жестокой иронии судьбы, люди, неслышно подкравшиеся к Очумелову и Елдырину со спины и перерезавшие им глотки, оба носили фамилию Пантелеевы — братья Пров и Николай. Тела убитых караульных бросили в нужник, из которого накануне похитили начальника штаба Ночкова.

Сводную караульную команду из десяти курсантов никто не резал и не колол штыками. Курсанты заснули возле костра, который развели неподалеку от казармы, и не слышали, как к ним подошел человек в форме красного командира. Он подкрался к одному из спящих и быстрым отработанным движением свернул ему шею. Потом второму, третьему. Это было несложно, курсантов никто не контролировал (их командира только что зарезали в караулке), и поэтому с заданием вполне мог справиться один профессионал. Сильные руки резко вытягивали голову вверх, потом быстро поворачивали против часовой стрелки на сто градусов. Голова с легким хрустом отделялась от позвоночника и повисала на тонкой мальчишечьей шее. Работа спорилась.

Спорилась она и в лазарете, где орудовали десятеро. Сначала они убрали охрану, затем, по молчаливому согласию, отправились проверить больных. Медсестер резали с сожалением, но быстро, чтобы не мучились, фельдшер умер во сне. Больных и раненых били торопливо, в горло, чтобы не поднимали шума. За пятнадцать минут лазарет превратился в кладбище.

Не повезло и пилотам чепаевской дивизии, юным Садовскому и Сладковскому. Они услышали звуки потасовки на улице и через окно увидели, как казаки закололи бойцов патруля. Молодые люди растолкали своих старших товарищей и предложили проникнуть на аэродром, чтобы угнать аэропланы в Уральск и вызвать подмогу. Ларионов и Кутько, не сговариваясь, напали на молодых людей и задушили голыми руками.

Ларионов и Кутько справедливо полагали, что пилоты колчаковцам пригодятся, и оказались правы — когда все закончилось, их записали в Особую эскадрилью Уральского войска.

На всякий случай диверсанты ударной группы Белоножкина были одеты в форму красноармейцев. Чтобы случайно не напасть друг на друга, на левые рукава они повязали белые ленты.

В станицу казаки вошли одновременно с севера и запада, откуда красные в принципе не ждали нападения.

Полтора десятка маленьких — по три человека — команд были заняты атакой на караульные помещения и стационарные посты. Казаки внезапно появлялись из мокрой тьмы перед ничего не подозревающими чепаевцами, которые мыслями были уже в походе на Украину, и кололи штыками,

чтобы не производить лишнего шума. Большая часть караульных помещений станицы Лбищен- ская оказалась под контролем белых за десять минут операции.

Отдельная группа из десяти казаков окружила курсантские казармы. Казаки бесшумно забарри- кадировали все выходы и заняли огневые позиции с таким расчетом, чтобы легко можно было снимать вылезавших через окна людей. Над окнами подвесили емкости с керосином — на случай, если красные начнут вылезать слишком ретиво.

Дольше всего пришлось возиться с красноармейцами, которые не грелись в теплых караулах, а следовали по обычным маршрутам, однако и их казаки сняли без каких-либо осложнений. Ровно в половине четвертого с северного поста в степь с помощью электрического фонарика был подан сигнал «Улицы свободны», и в Лбищенск втянулась основная группа захвата, возглавляемая подхорунжим Белоножкиным. Рядом с ним на белой кляче без седла ехал Богдан Перетрусов.

— Дурак ты, Белоножкин, — негромко бухтел бандит. — С твоими бы орлами поезда грабить, а не всякой ерундой заниматься.

— Заткнись, — флегматично предложил подхорунжий.

Богдан решил, что пока не стоит раздражать Белоножкина, и послушно закрыл рот.

В основной группе было не менее двухсот бойцов. Конная кавалькада спокойно двигалась по главной улице, и от нее по дворам неслышно разбредались казаки. Все заранее знали, у кого какой сектор обстрела. Белоножкин не отвлекался на приказы, — все они были отданы заранее, теперь пришло время их выполнять.

Значительно поредевшая группа вышла на площадь. Дождь закончился полчаса назад, луна вновь залила все бледным светом, но и это было хорошо. Самая грязная работа сделана, осталось взять Чепаева.

Теперь все зависело от Перетрусова.

— Показывай, куда дальше, — велел Белоножкин.

— Вперед.

Богдан знал, что Чепаев никуда не переезжал, но искренне надеялся, что Лёнька воспользовался петухом и придумал, как выдернуть Богдана из лап подхорунжего. Судьба Ночкова ему никак не улыбалась.

Вот и дом Чепая. У Перетрусова зачесалась шея и предплечья: он вспомнил последний миг жизни Ночкова. Черт, куда бы, куда ткнуть пальцем, чтобы отвлечь этого мясника Белоножкина?! Впрочем, и пальцем ткнуть не удастся — руки-то сзади связаны.

Они выехали на перекресток, подхорунжий поднял ладонь. Конники остановились.

Понятно, почему — вот оно, пожарище. Богдан тотчас вспомнил сон с ребенком, кружащим вокруг печной трубы.

— Это не дом Чепаева, — негромко сказал Белоножкин, глядя на остов избы.

Перетрусов решил, что его разоблачили, и приготовился принять смерть, страшную и лютую, какую сам недавно напроорочил Ночкову. Но острая жажда жизни взяла свое.

— Вестимо, не дом. Сгорело же все, — сказал Богдан.

— Это по карте не тот дом, который красные и Ночков отмечали!

— Так они ввали!

— Они?! — Белоножкин выхватил шашку, и Перетрусов зажмурился.

Однако, не услышав характерного звука, с которым шашка рассекает воздух, Богдан приоткрыл сначала один, потом другой глаз и только тогда обратил внимание на то, что смутило подхорунжего и заставило принять навязанные ему правила игры. У Богдана отлегло от сердца — Лёнька научился использовать петуха по назначению.

На крыльце дома, занимавшего противоположную чепаевской (настоящей чепаевской!) избе сторону улицы, стоял конь. Животное топталось, пряло ушами и сыпало «яблоками» на две нижние ступеньки. Передние ноги стояли на самой высокой ступеньке, голова была притянута к двери, узда зажата между дверью и косяком.

Белоножкин не обращал на Богдана ни малейшего внимания, не ждал от бандита никаких объяснений и лишь с досадой подумал, что Чепаев почувствовал-таки опасность и приготовился бежать.

Не знай Богдан, что дом с конем на крыльце пустует, тоже легко бы поддался на уловку и поверил, что именно там обитает Чепай. Ну кому еще взбредет в голову ставить коня на крыльцо, когда за тобой ведет охоту Уральское казачье войско?

Казачи неслышно окружили дом. Лошадей, чтобы случайно не попали на линию огня, укрыли за сараями, сами залегли в поленнице, у забора, на овине и в хлеву, приготовившись поддерживать штурм огнем.

Пора было делать ноги, но вот куда, Богдан пока понять не мог.

— Эй, Белоножкин, ты видишь, что я не обманул, — прошептал он на ухо командиру. — Дай хоть знак другу подать, чтобы он в сторонку отошел, под обстрел не попал.

Подхорунжий все еще не верил Перетрусову. Ему не хотелось давать бандиту хоть малейший шанс обмануть, однако все выглядело так, будто Перетрусов выполнил свою часть обязательств: свежее пожарище, рядом — дом, на крыльце — че- паевский конь, готовый унести хозяина. Эх, зарубить бы Перетрусова прямо сейчас, но вдруг Чепай в доме не один, и как его тогда опознать?

— Только один раз, — сказал Белоножкин Перетрусову. — И без фокусов.

— Если я филином ухачу начну, это будет фокус или как? — спросил Перетрусов.

Подхорунжий махнул рукой — делай, как нужно. Богдан два раза ухнул филином. Тотчас отозвался другой филин, совсем рядом, не то сзади, не то справа. Черт, да где же он?! Куда бежать, когда начнется заваруха?

Белоножкин откашлялся и приступил к исполнению задания, к которому уже давно готовился. В руке подхорунжего появился жестяной рупор.

— Чепай, дом окружен, — громко и отчетливо произнес Белоножкин. — Выходи с поднятыми руками, если не хочешь, чтобы мы тебя поджарили!

Из избы ответили практически сразу:

— Кто это там гавкает?

Да, Чепай уже не спал и был готов действовать. В том числе — хамить превосходящим силам противника. Белоножкин поиграл желваками и твердо поставил Чепай на место:

— С тобой, свинья, не гавкает, а разговаривает подхорунжий Белоножкин. Слыхал о таком?!

Если Чепай и слышал о Белоножке, то не хотел это обсуждать. В самом деле, у него были куда более насущные проблемы. Например, придумать, как вырваться из окружения.

— Ну так я пойду? — спросил Богдан.

— Сиди, где сидишь, — *сказал* Белоножкин. — С тобой еще полковник расплатиться должен.

— Я передумал, мне эти деньги не нужны. Мне обещали жизнь, меня это вполне устраивает.

— Договор заключен с полковником, — повторил подхорунжий и снова поднес ко рту рупор. — Считаю до трех. Раз!

Богдан напрягся. Сейчас могло начаться его последнее приключение.

— Два!

И все-таки — откуда Лёнька подал сигнал? Дело уже пахло керосином. Надо понять, где пройдет линия огня. Эх, петух был бы сейчас очень кстати...

— Три!

Перетрусов понял, что Лёнька стоит за дверью и держит лошадь.

Петька

Петька не боялся тифа, говорил «Зараза к заразе не липнет» и время от времени заглядывал по вечерам в лазарет, к медсестре Маняше, где неминуемо задерживался до ночи.

Маняша отвечать Петьке взаимностью не торопилась. Знаки внимания принимала благосклонно, но чтобы там за ручку подержаться или поцеловаться «хошамо в шшочку» — ни-ни. Петька изнывал от любви и готов был часами сидеть и смотреть на миленькое личико Маняши в сестринском чепце.

Сегодня Петька не думал навещать зазною — ведь у Маняши ночное дежурство, а в это время к ней вообще бесполезно соваться, выгнала бы и несколько дней к себе не подпускала.

Но Петьке не спалось. Он думал: вот не завтра, так послезавтра уйдем в поход. Лазарет Чепай с собой тащить не будет, сказал — отправимся налегке, больных и раненых оставляем, демобилизация им пришла. Получается, больше никогда Петька Маняшу не увидит. И оттого на сердце сделалось так больно и тоскливо, что Петька решил — сейчас или никогда.

Он даже одеваться не стал, как был — в кальсонах и фуфайке, — так и выскочил на улицу, под дождь. Решил пойти пешком и сказать Маняше, что любит ее. Не каменная же она...

Петьке не удалось дойти до лазарета и увидеть мертвое тело любимой девушки, потому что, добежав до ворот, он услышал чью-то раздраженную тираду:

— Ты что меня, египетский хлопок, с ума свести хочешь? Ты что, думаешь, кроме твоего Пантелеева в мире больше Лёнек не осталось?!

Это был голос Юрки Очумелова. Опять, наверное, спорит со своим тупым напарником Елдыриным. Петька решил, что надо бы пропустить их мимо, не хотелось выглядеть перед сослуживцами полным дураком. Сейчас они пройдут и...

— Аргх! — раздалось во тьме, и Петька услышал, как что-то упало на землю.

Два раза. Разговор между Очумеловым и Елдыринным оборвался на полуслове.

Осторожно приоткрыв калитку, Петька выглянул на улицу. Он разглядел в нескольких десятках шагов от себя две незнакомые фигуры с белыми повязками на руках.

Дождь стих так же внезапно, как и начался. В просвете, образовавшемся в тучах, показалась луна.

Незнакомцы выпрямились и поволокли по грязи два каких-то мешка. До Петьки не сразу дошло, что они тащат. Мешками были мертвые Очумелов с Елдыриным.

Петька понял, отчего они с Чепаем вчера не смогли найти Ночкова. Предатель сбежал, а сейчас, видимо, вернулся со своими друзьями из чрезвычайки. А что, если не вернулся, а так и остался здесь? Что, если новоприбывшие курсанты на самом деле не курсанты вовсе, а каратели и теперь режут старых чепаевцев по всей станице?!

Главное — не поднимать шума. Петька тихо прошел через двор, вывел из конюшни своего Чалого, поставил коня на крыльцо чепаевской избы. Чтобы лишний раз не привязывать, Петька вошел в дом с поводьями и зажал их дверью.

— Чепай, беда! — громко прошептал он и вдруг увидел, что Чепай не один. Кроме него в избе были Митяй из караула и какой-то незнакомый парень, совсем молодой, как бы тоже не из курсантов.

— Что случилось? — спросил Чепай. Он был встревожен и уже одет, несмотря на столь ранний час. Петька метнулся к керосинке, затушил ее.

— Нас предали! Ночков своих чекистов привел!

Митяй и незнакомец переглянулись.

— Чекистов? Ночков белых привел, — сказал парень.

— погоди, — перебил его Чепай. — Говори, Петька, что видел.

Петька торопливо рассказал. Митяй, услышав о смерти Очумелова и Елдырина, коротко выматерился. Незнакомец растерянно посмотрел на Петьку:

— Но они должны были начать позже! В пять утра! Перетрусов специально к ним Ночкова повез.

— Ты что, заодно с Перетрусовым? — посуровел Чепай. — Я думал, ты шпион, а ты...

— Да нет же! — сказал незнакомец. — Я свой, наш, пролетарий! Все случайно получилось! Я помочь хотел!

— Помог, любись ты конем.

— Да погодите же! — незнакомец чуть не плакал. — Перетрусов сказал, что, если не сумеет выдать Ночкова за Чепая, нужно из дома срочно уходить, потому что белые специально за Чепаем идут!

— Всем Чепай нужен, — усмехнулся Василий Иванович. — Просто нарасхват.

Тут незнакомец подпрыгнул на месте:

— Придумал! Конь!

Петька, Чепай и Митяй посмотрели на «шпиона».

— Нужно коня привязать к другому дому, понятно? Чтобы его с улицы видно было.

Мысль была дельная. Отвлекающий маневр поручили незнакомцу и Митяю. Петька с Чепаем должны были открыть огонь по белым, когда они начнут штурм пустого дома.

— Не страшно, шпион? — спросил Чепаев, когда Митяй с незнакомцем осторожно выводили Чалого со двора.

— Страшно, — кивнул «шпион».

Лицо у него было абсолютно счастливое.

Чепаев

Василий Иванович никогда не думал, что станковый пулемет, поднятый на голубятню, когда-нибудь пригодится. Просто на всякий случай он каждый раз устанавливал «максима» на ключевую позицию. Как правило, пулемет стоял без дела, накрытый брезентом, пока дивизия не снималась с места и не занимала новый плацдарм.

Но вот — пригодился.

Голубятня возвышалась прямо на крыше штаба, днем с нее открывался отличный вид и простреливался весь центр станицы. Чепай с Петькой прекрасно понимали, что в темноте стрельба будет неэффективной, но выбирать было не из чего.

Главное — добраться туда раньше, чем белые закончат зачищать станицу.

Чепаев оглянулся. Все тихо, хвоста, вроде, нет.

Шли черным ходом — мимо колодца и овощной ямы к лестнице, ведущей на чердак. Из удушливого чердачного мрака можно было попасть на гремющую под ногами, обитую прохудившимся железом крышу, и вот она, голубятня.

— Чепай, а голуби?

— Тише! Пусть спокойно сидят, не враги.

Вот он, тайник. Чепай с Петькой осторожно выкатили «максим» из укрытия, сняли брезент, протерли оружие ветошью, проверили затвор, заправили ленту.

— Слышь, Чепай, а ведь совсем развиднелось. Я коня хорошо вижу.

— Подвинься, мне пристреляться нужно.

Чепай посмотрел в прорезь прицела. А ведь и впрямь — развиднелось.

Внизу послышались шаги. Петька аккуратно выглянул наружу и тут же спрятался в тени голубятни:

— Отряд. Белые.

Эх, если бы тут была пара «люисов», а не один «максим», который никак не развернуть под таким углом... Черт, да хватило бы пары гранат, чтобы накрыть вон того казачка в бурке; он, судя по всему, командир.

Отряд прошел по улице и оказался прямо на линии огня.

— Стреляй, Василий Иванович! Уйдут, проклятые.

— Сиди тихо! — прошипел Чепаев. — Они и так у меня на мушке.

Белые не могли решить, какой дом принадлежит Чепаеву, потом заметили лошадь на крыльце — и началось.

— Кто там за тебя отвечает? — спросил Петька, услышав неразборчивый крик из дома.

— Митяй, наверное. У мальчишки голос еще не переломался.

— Раз! — послышалось с улицы.

— Ну, с богом, — сказал Чепай и повесил на грудь льва. Поменяли глаза цвет или нет, Петька не разглядел — в голубятне было слишком темно.

— Два!

— Петька, смотри в оба. Как нас заметят, попытаются влезть.

— Не учи ученого!

— Три!

Лёнька

Дом был выставший, пустой, хотя ушли из него, судя по всему, совсем недавно. Может, месяц назад, может, раньше.

Митяй открыл подпол, чтобы сигануть туда, когда в избу начнут стрелять. Лёнька стоял в темноте, у двери. Дверь до конца не закрывалась, поэтому, чтобы конь не ушел, Лёньке пришлось держать узду в руке.

— Главное, — говорил Митяй, — как стрельба начнется, опусти поводья и тоже в подпол ныряй. Иначе — в решето.

Лёнька прикинул расстояние. Нырнуть не получится — шею свернешь. А вот проползти...

— Чепаев, дом окружен, — донеслось с улицы. — Выходи с поднятыми руками, если не хочешь, чтобы мы тебя поджарили!

У Лёньки душа ушла в пятки. Он не ожидал, что все начнется так скоро.

Митяй хмыкнул и проорал так, что стекла зазвенели:

— Кто это там гавкает?

Пока белые разбирали его слова, Митяй шепотом окликнул Лёньку:

— Эй, шпион! Ты стрелять умеешь?

— Ага, — обрадовался Лёнька.

— Держи.

Лёнька придавил поводья ногой и поймал небольшой дамский пистолетик с перламутровой рукояткой.

— С предохранителя снять не забудь.

— С тобой, свинья, не гавкает, а разговаривает подхорунжий Белоножкин. Слыхал о таком?! — донеслось снаружи.

«Эх, Белоножкин, — подумал Лёнька. — Хороший ты мужик. И почему мы не на одной стороне?»

— Считаю до трех. Раз!

«Все-таки давать такой пистолет — насмешка. Этой пукалкой только ворон пугать!»

— Два!

— Готовься, шпион, сейчас кэ-эк...

— Три!

Снаружи что-то негромко чихнуло, и всю комнату залило красивым красным светом. Потом разорвалась граната, стекла в окнах вылетели, и Лёнька едва не погиб.

Поводья, пока он разбирался с пистолетиком, захлестнули ступню, а Чалый, испугавшись взрыва, рванул и потащил за собой Лёньку.

Двери и крыльцо Лёнька преодолел на удивление легко и безболезненно — потому что порожка не было, и, распахнув дверь ногами, слетел с крыльца, как на лыжах слетают со снежной горки.

Над собой в небе он увидел красную сигнальную ракету, странно вывернутый мир, переливающийся оттенками рубина, траву, крыши, стены... и тут он пребольно стукнулся.

Чалый метался по двору, Лёнька волочился за ним, словно кукла. Копыта ударяли в опасной близости от глаз, рук, паха. Началась беспорядочная стрельба, неподалеку деловито застучал пулемет, а Лёнька, совершенно ничего не боясь, пытался выскользнуть из захвата.

Кто-то истошно заорал:

— Чепая конь понес!

«Почему мне совсем не страшно? — думал Лёнька. — Меня конь тащит, может расплющить башку подковой, а я еду, будто с горы на собственном заду».

Тут он остановился, а Чалый умчался куда-то в ночь. Лёнька, будто его не мотало только что из стороны в сторону, вскочил на ноги. Стало понятно, почему приключение закончилось — Чалый стянул с его ноги ботинок.

Из-за угла выскочил казак, и Лёнька выстрелил ему меж глаз прежде, чем осознал, что казак — это Милентий.

Несмотря на размер, пистолетик делал свое дело: Милентий свел глаза к переносице, будто хотел посмотреть на дырку от пули, и упал, накрыв собой Лёньку. И вовремя, потому что рядом разорвалась граната. Несколько осколков пробили тело мертвого казака. Теплая кровь полилась на Лёньку.

Выкарабкавшись из-под мертвеца, Лёнька кинулся бежать. «Он же был мой друг, — думал Лёнька, в лабиринте заборов выбирая лучший путь к своим, — как это у меня так получилось? А если бы тут Зиновий был?»

Вместо Зиновия он столкнулся с Николаем.

— Бедовый? — обомлел казак. — Ты что здесь...

Враг, подумал Лёнька и вскинул руку. Но он ведь и друг, пронеслась шальная мысль, мы же из одной миски ели! Меня совесть мучить будет!

Пустое. Сердце бьется ровно, пистолет в руке не дрогнул.

«Второй, — подумал Лёнька. — Я убил двух людей, и оба были моими друзьями... Ну и хрен с ними».

С разных сторон раздавались крики, непрерывно гремели выстрелы, напоминая треск дерева во время пожара.

Лёнька выскочил на площадь. Пулемет лупил с голубятни, там были свои, своим надо помочь.

Не обращая внимания на стрельбу, на мелькающие тени врагов, на потерявшийся ботинок, Лёнька, почти не хромая, приблизился к штабу, и вовремя: двое казаков уже карабкались наверх.

— Я здесь, — крикнул Лёнька врагам.

Казаки оглянулись, и Лёнька выстрелил каждому в сердце.

Плечо обожгло. Лёнька упал и пару раз выпалил наугад.

• Пистолет оказался пятизарядным, шестой выстрел получился пустым щелканьем курка по бойку. Всматриваться, попал он или нет, было некогда, нужно быстрее добраться до упавших с лестницы тел и снять с них оружие.

У него ничего бы не получилось — его преследовал конный казак, но сверху раздался одиночный выстрел — и мертвое тело упало в грязь, а лошадь, промчавшись мимо Лёньки, остановилась возле колодца и начала мирно щипать траву, не обращая внимания на стрельбу.

— Эй, там, внизу, живой? — послышался голос Петьки.

— Живой, — ответил Лёнька, разоружая убитых. Теперь в его распоряжении появились пятизарядный карабин, два револьвера и три бутылочные бомбы.

— Прикрывай, шпион, у нас патроны закончились, — крикнул Чепай.

— Есть прикрывать.

Пока Чепай с Петькой спускались с крыши, Лёнька успел сделать три прицельных выстрела и два навскидку, все удачные.

— А ты, я гляжу, бедовый, — похвалил Лёньку Петька.

— Мне уже говорили.

— Хватит языками чесать, надо людей собирать, — оборвал разговор Чепай.

Послышался звук работающего мотора, улица осветилась желтым теплым светом, и, громко скрипнув тормозами, рядом остановился автомобиль.

— Козлов, ты? — крикнул Чепай.

— А то кто ж?

— Быстро все в драндулет.

Один за другим они запрыгнули в автомобиль. Заднее сиденье «форда» водитель выдрал с мясом, чтобы влез большой ящик с оружием.

— Как обстановка? Наших много? — спросил Чепай Козлова, когда тот, лихо выкрутив баранку, повернул на главную улицу.

Ответил Козлов не сразу. Вдавил в забор казака, сдал назад, выехал из колеи и помчался вперед, выключив фары.

— Плохо, Василий Иванович. Наших мало. На северной половине голяк, казармы горят, мясом воняет, вой стоит. Нечего там ловить, Василий Иванович.

— Ладно, гони на юг.

Там, судя по всему, кипел нешуточный бой.

Батурин

Батурина повезло — на бедняцкой улице, где он квартировал, жило больше сотни старых чепаевцев, которые предпочитали селиться не в казармах, а небольшими группами по три-четыре человека. Они, чтобы не быть в тягость хозяевам, помогали по дому или же пайком.

Здесь еще с вечера свернули все караулы и патрули, собираясь отоспаться перед походом. Батурин закрыл на это глаза — одна ночь ничего не решит, только попросил держать оружие рядом с собой, а не в пирамидах, как было положено в казарме.

Бедняки слишком утеплили маленькую избенку, и к трем часам ночи внутри стало нечем дышать. Батурин проснулся, глянул на часы со светящимся циферблатом и пошел на улицу проветриться и покурить.

Только старая привычка — сначала выглянуть в окно, а потом выходить — спасла ему жизнь. Трех незнакомцев с белыми лентами на рукавах он увидел прежде, чем они бесшумно проникли во двор. Они явно шли по его душу и, скорее всего, готовились перебить в доме всех, чтобы не было шума.

Шашкой в тесном домишке с низким потолком орудовать было не с руки, зато на полке лежала остро заточенная сечка для шинкования капусты.

Дверь отворилась неслышно. Первого диверсанта Батурин пропустил мимо, а второму нанес короткий и точный удар сечкой в переносицу. Тот хекнул от неожиданности и замертво упал на пороге, перегородив дорогу третьему.

Сечка застряла у него в голове.

Первый отреагировал мгновенно — развернулся и кинулся на Батурина, но домашняя утварь вновь пришла на помощь комиссару. Маленький чугунный утюжок удобно лег в руку, и Батурин, блокируя нож левой рукой, правой ударил врага в висок.

Третий не учел низкой притолоки. Пока он вваливался внутрь, Батурин успел перегруппироваться после схватки с первым и утюжком приголубил третьего по затылку. Несколько раз.

В избе проснулись, бабы хотели поднять визг, но Батурин страшно шикнул на них, и хозяева просто забились в угол.

Батурин вытащил трупы в сени и отправился проводить остальных бойцов.

К ним тоже навевались гости, но чепаевцы оказались не промах.

Довольно быстро они собрались вокруг комиссара. Шума никто не поднимал — боялись, что белых вокруг много, а они остались одни.

— Надо идти выручать Чепая, — сказал Батурин, когда у его ворот сбилась без малого рота.

В этот момент в воздух взвилась красная сигнальная ракета, раздался взрыв где-то в центре станицы, и следом затарахтел пулемет. Тут же послышался гул, свист и гиканье, который человек, встречавший конные атаки, ни с чем не спутает — звук казачьей конной лавы.

— Борисов, Леонов — пулеметы к бою, держать центральную улицу, не пускать конных. Буткеев и Бескудников — держать тыл, диверсанты могли уйти к центру. Со мной Васильев и Петров, остальные — держим фланги!

Батурин с артиллеристами Васильевым и Петровым отправился выкатывать пушку. Конечно, в темноте стрелять из гаубицы глупо, но если постараться не лупить по дворам, где могут засесть свои, а накрыть снарядами дороги — должно помочь.

Слаженный заградительный огонь нескольких пулеметов остановил лаву, конный отряд рассосался по узким улицам и переулкам Лбищенска.

Гаубица выкатилась на центральную улицу одновременно с чепаевским драндулетом. Чепаев с Петькой и каким-то сопливым красноармейцем — видимо, из курсантов — выгрузили ящик с оружием, Козлов отогнал «форд» на пару сотен шагов к северу и перегородил дорогу.

— Сколько нас? — спросил Чепаев у Батурина.

— Около сотни, переключку делать некогда.

— Ладно, давайте зададим им перцу, любись они конем. Васильев, Петров — кройте все северное направление, там уже никого из наших нет. Кто спасся, если не дураки, сами нас найдут. Станковый

пулемет тоже развернуть на север и держать тыл во что бы то ни стало! Патронов не жалеть, белых не больше тысячи, мы их разобьем, не будь я Чепай! Остальные — за мной, в атаку, марш!

Сплошная стена огня накрыла северную часть станицы. Мирное население давно сидело по подвалам и молило Бога, чтобы все скорее закончилось.

Бог был на стороне мирного населения, финал уже близился.

Лёнька

Белые испугались.

Отряд Чепая быстро перешел в контрнаступление и почти вытеснил южную группировку казаков из Лбищенска.

Лёнке было весело. Он проявлял чудеса меткости и реакции, с каждой минутой бил все точнее и быстрее. Он грыз ореховый приклад карабина, оставляя клыком царапину всякий раз, когда снимал очередного казака. Тридцать шестой. Тридцать седьмой. Тридцать восьмой.

— Бедовый, звать-то тебя как? — спросил Петька. — А то все «шпион», «шпион»!..

— Лёнька я, Пантелкин, из Тихвина.

— Даже не слышал никогда. Большой хоть город?

— Побольше, чем эта дыра.

— Почему дыра? Здесь ведь тоже люди живут.

— Здесь они умирают.

— Твоя правда. Вон того, у бруствера, сними.

Есть. Тридцать девятый.

Белые все реже высывались из укрытий и предпочитали дальний бой ближнему. Солнце уже показалось из-за горизонта, окрасив станицу в нежно-розовый, а они все никак не могли занять южных окраин.

У чепаевцев заканчивались патроны. Все реже строчили пулеметы, прикрывающие тыл, замолчала гаубица, контратака начала захлебываться, потому что стену огня нечем было обеспечить.

К восьми утра огонь с позиций белых вдруг прекратился.

— Так, братцы, — Чепая собрал вокруг себя отряд. — Сейчас у нас есть хорошая возможность раздавить всю южную группировку, главное, не давать им передохнуть. Идем в штыковую. По моей команде...

— Чепая, ты меня слышишь? — послышался голос Белоножкина.

— Слышу, слышу, — отозвался Чепая и спросил у Лёнки: — Это тот, что меня в избушке прихлопнуть пытался?

— Он самый.

— Настырный, любись он конем.

— Чепая! — крикнул Белоножкин. — Отдай льва, и я тебя отпущу.

— А где твой *командир, сосунок?* Я с порученцами не разговариваю! — Чепая подмигнул Петьке.

Белые помолчали.

— Полковник Бородин убит. Я теперь за него.

— Так я и тебя прихлопну, малой! Дырку от бублика ты получишь, а не льва.

— Чепая, вас не больше сотни, нас — почти тысяча. Я тебя прощу, иди на все четыре стороны, никто вас не тронет, хоть к Махно, хоть к большевикам, только льва оставь. Не нужен он тебе.

Чепая хотел что-то крикнуть, но вдруг передумал и снял с шеи талисман.

— Чепай, — нерешительно спросил Петька. — Может, ну его, этого льва? Отдай, авось не обманут.

— Обманут, Петька. Я бы точно обманул, любись оно конем.

— Зачем мы им? Им только эта бирюлька нужна, — удивился Лёнка.

Чепая горько усмехнулся.

— Нам эта бирюлька жизнь спасла. Да только все равно не в ней дело, а в том, кто ее получит. Загребут белые — победят красных, и снова все по-старому начнется. Большевикам достанется — они со своей мировой революцией не только нашего крестьянина в гроб вгонят, но и всех прочих крестьян тоже.

— А ты? Ты же справедливый! — попытался возразить Петька.

— Посмотри, Петруха, сколько я той справедливостью народа загубил. Своих же под удар подставил. И твоих тоже. Фурман-то, наверное, обозлится на нас за самоуправство такое.

— Но мы же можем победить!

— Можем, да страшно мне. Давит меня этот лев, хочет, чтобы я все время его носил. А если все время носить, война не кончится. Кто из вас хочет всю жизнь воевать? Нате, заберите!

Петька взять талисман не решился и даже отодвинулся от Чепая. Остальные тоже.

— Вот так-то, любись оно конем. И я не хочу. Потому у нас с вами один выход — победить и бежать отсюда, куда глаза глядят.

— У нас патроны кончились, Чепай.

— Надо идти в штыковую.

Пока бойцы и командир препирались, Лёнька нащупал в кармане талисман Перетрусова. Он хорошо помнил, как требовал петух послушания, как хотел полностью подчинить себе внутренний Лёнькин голос. Каково же Чепая? Каково это — отвечать за всех, особенно, когда отвечать не хочется?

Беги к реке, садись в любую лодку и гребь отсюда, пока весла не сотрутся, вспомнил Лёнька приказ петуха. Спасение — в реке. В степи их точно перебьют. На юг идти нельзя, там белые, на север тоже — там красные. А за Уралом можно затеряться.

— Может, нам лучше к реке? — спросил Лёнька.

Все посмотрели на него.

Петька сказал:

— А бедовый-то наш дело говорит. За рекой оторваться можем.

Чепай испытующе посмотрел на Лёньку:

— Молодец, шпион. Коли живы останемся — придумаю, чем тебе отплатить.

Урал

Откуда в красных столько силы и дерзости, Белоножкин понимал. Не понимал он другого — как долго его отряд сможет выдерживать этот натиск.

Северная группа никак не могла пробиться через заградительный огонь чепаевцев. С небольшим отрядом подхорунжий обогнул станицу с запада, добрался до южан и ужаснулся: убитыми и ранеными южная группировка потеряла уже большую свою часть — триста человек. Если учесть, что на севере потери перевалили за сотню, то чепаевцы почти уравнили шансы.

В голове Белоножкина крутился давешний разговор с покойным Бородиным — нельзя оставаться в Лбищенске после штурма. Как в воду смотрел, мерзавец дохлый. Шесть сотен бойцов не удержат плацдарм, если красные захотят его отбить. Не удержат они его и сейчас, если у красных осталось хоть немного патронов.

Подхорунжий надеялся только на хитрость и чудо.

В восемь утра казаки по приказу Белоножкина прекратили огонь. Сам подхорунжий вступил в переговоры с Чепаем, ожидая, пока его люди на северном рубеже установят «лыюисы» на высоких точках, по примеру того «максима», что так эффективно работал с голубятни ночью. Все-таки Чепая, несмотря на свою подлость и отчаянное невежество, оказался достойным противником. У него было чему поучиться.

Кроме того, наиболее удачливые из ночных диверсантов должны были прорвать тыл красных и попробовать развернуть гаубицу на Чепая — боеприпасы на складах, захваченных в северной части станицы, имелись в предостаточном количестве.

Пулеметы собирались поднять и на южной стороне, на старую пожарную каланчу. Для этого пришлось отправить команду еще дальше на юг, чтобы их не заметили со стороны красных. На юге

команда спустится к Уралу, пройдет под прикрытием высокого берега, поднимется на каланчу, и вот тогда можно будет заново разыграть партию.

— Чепаев, на что ты надеешься? — тянул время Белоножкин. — Думаешь, к тебе из Сломихинской помощь придет? Забудь, Чепаев, не придет! Сегодня утром у вас в штабе прямая линия сработала, и какой-то Попов сказал, что часть взята под контроль чрезвычайной комиссией, еще вчера. Ты меня слышишь? Чепаев? Отдай льва, я тебе слово офицера даю, что отпущу.

Со стороны красных послышался обидный смех.

— Чего ты ржешь?

— Подхорунжий слово офицера дает?! Ха-ха-ха! Курица не птица, прапорщик — не офицер. Утрись своим словом, сопляк.

— Я сам вырву тебе кишки, Чепаев. Жди меня!

Снова обидный смех.

Черт, да сколько можно возиться с этими пулеметами? Все нужно самому делать! На часах уже девять, хотя по плану Лбищенск вместе с Чепаевым должны были лежать у ног победителей с четырех часов.

Как бы в ответ на проклятия командира, с каланчи сделал несколько пристрелочных выстрелов «лююис». Ответом ему был ураганный огонь по позициям красных с северного рубежа. Бухнула пушка, и снаряд упал слева от залегшего отряда Чепаева. Послышались крики, стоны и проклятия.

— Ага, сукины дети! — захохотал Белоножкин. — Получили? Получили? Бей их, ребята, никуда они от нас...

В следующий момент голос подхорунжего сорвался.

Отряд Чепаева встал во весь рост. Строевым шагом по пересеченной, изрытой взрывами местности войско мужиков, которые до революции в руках ничего, кроме вил да грабель, не держали, шло так, как по плацу не каждое элитное подразделение пройдет. Они шагали строго на восток, к каланче, с которой палил «лююис».

Чепаевцы не кричали «ура», не пригибались, не уворачивались от свинцового града, которым поливали их сразу с трех сторон превосходящие по численности казаки. Бойцы Чепаева держали винтовки наперевес, штыками вперед, будто собирались раскатать каланчу по бревнышку и спустить в реку.

Который из них Чепаев? Который из них?! Убить Чепаева — и эта кодла, пьянь кабацкая разбежится, поджав хвост! Но все они были на одно лицо — небритые, чумазые, ободранные, многие — в одном исподнем, окровавленные, нецелые... и у всех на лицах была улыбка и презрение к смерти.

Сто метров прошли! Двести! Триста! Ни один не упал, несмотря на плотный огонь! Неужели все мажут?

Когда до каланчи осталось метров двадцать, самые нецелые бросились к ее основанию, и подхорунжий сразу понял, что сейчас произойдет.

Каланча окуталась дымом, потом до обомлевших казаков донесся гром нескольких взрывов. Когда дым рассеялся, каланчи не было.

— Они уходят к реке! — заорал, срывая голос, подхорунжий. — По коням! Догнать! Добить! Всех до одного!

Он первым вскочил в седло и пустил коня в галоп.

Свою ошибку Белоножкин понял, едва достиг берега. Обрыв был крутой, на лошадях по нему не спуститься. Чепаевцы меж тем преодолели большую часть пути. Арьергард красных, заметив фигуру на вершине обрыва, открыл огонь.

Когда подоспели остальные конники, чепаевцы уже отчаливали. Удивительно, что казаки умудрились не забыть станковый пулемет.

— Занять позицию, — скомандовал Белоножкин. — Пошевеливайтесь!

Лента долго не заправлялась в пулемет, и подхорунжий с досады застрелил заряжающего. Следующий вставил ленту с первого раза.

— Если переклинит патрон... — предупредил подхорунжий.

Патрон не переклинило, «максим» дал очередь и сразу потопил ялик с двумя красноармейцами. Тела унесло течением.

Река была быстрой. Половину лодок сразу утянуло на стремнину и повлекло вниз. Пока красные вставляли весла в уключины, их вновь накрыло прицельным огнем. Но они не паниковали и плыли на другой берег.

Вести прицельную стрельбу мешало не только течение, но и ветер. Задувало так, что, передумай красные грести на другой берег и начини сушить весла, их унесло бы, как на парусах.

Чем дальше отходили лодки, тем чаще мазали казаки.

Но Белоножкин не терял надежды найти Чепаева. Он внимательно изучал всех уплывающих и наконец увидел человека во френче и галифе, худого, с изможденным лицом, с опаленными волосами. Человек был ранен в живот, его товарищи по очереди зажимали рану руками. Их лодка рывками приближалась к противоположному берегу.

Белоножкин велел пулеметчикам сосредоточить огонь на этой лодке. С первой попытки удалось свалить одного из гребцов, но потом порывы ветра усилились, и как бойцы ни корректировали огонь, ни одна очередь больше не достигла цели. Подхорунжий был готов выть с досады.

Лодка затонула у самого берега. Четверо выживших вытащили из воды раненого в живот товарища и положили на песок, свернув под голову снятый с него френч. Потом начали разгребать песок рядом с телом.

Белоножкин не поверил собственным глазам. Сдох! Сдох, проклятый! Дотянулся Господь, покарал грешника!

— Чепай подход! — заорал он что было сил, но на том берегу его не было слышно, по крайней мере, ни один из копающих в мокром песке яму не оглянулся на беснующегося подхорунжего.

Когда яма была готова — неглубокая, с локоть, — четверо аккуратно уложили туда покойника и нагребли поверх курган. Наблюдавший за этим Белоножкин обратил внимание, что с мертвеца ничего не сняли, в том числе блестящий на солнце предмет.

— Лодку! — велел Белоножкин. — Немедля достать лодку.

Лодки не было. Чепаевцы отвязали их все и пустили в свободное плавание. Боже, как перебраться на тот берег? Лев там, только переплыви и выкопай тело!

Чепаевцы постояли с опущенными головами над курганом, потом побрели берегом на север.

— Лодку или плот! — продолжал требовать подхорунжий.

— Это делать надо, — сказал кто-то из казаков.

— Так делайте же, делайте, что вы стоите, как истуканы?! Делайте!

Казаки взялись за работу со всем возможным рвением и через несколько часов соорудили из разрушенной взрывом каланчи вполне годный плот. Он получился тяжелым, сталкивали его в воду вдесятером, и столько же потребовалось гребцов, чтобы им управлять. Одиннадцатым был подхорунжий.

Плот развалился, едва вышел на стремнину. Все соскочили в холодную воду и кое-как доплыли обратно.

У берега вытащили из воды потопленный ялик. В станице нашли лодочника, чтобы починил посудину. Старик работал весь день и всю ночь и починил-таки ялик, но ночью разразилась буря, вода в Урале поднялась на несколько вершков, и курган смыло вместе с телом.

В Ставку Верховного Правителя отправили сообщение, что Чепаев утонул, форсируя Урал.

Перетрусов

Когда Богдан понял, что его новый приятель сам себя запер в окруженном казаками доме, то не на шутку перетрухнул.

Не за себя, за Лёньку. Предупреждал же. Петух был дан на хранение не геройствовать, а выгоду чувствовать, смысл происходящего улавливать.

Подхорунжий выкрикнул в рупор «Три!», и в небо унеслась красная сигнальная ракета. Один из казаков бросил в дом гранату. Не то бросил слабовато, не то стекло оказалось крепкое, но только окно граната разбила, а внутрь не попала, упала у стены и взорвалась.

Лошадь на крыльце испугалась, бросилась бежать.

А в узде испуганной животины застрял не кто иной, как Лёнька. Видимо, на роду ему написано не связываться с лошадьми. Как там в стихотворении, которое читали в деревенской школе? «И примешь ты смерть от коня своего»?

О смерти думать было некогда. Богдан визгливо выкрикнул:

— Чепая конь понес!

Казаки заметались. По плану нужно было штурмовать избу. Но кто-то крикнул, что Чепая несет конь. Что делать: продолжать штурм или наплевать на все и гнаться за конем?

К тому же с голубятни, на которую Богдан до сих пор не обращал внимания (хотя последние несколько депеш Ночкову он отправлял именно туда), начал стрельбу «максим». Белые сами оказались виноваты. Зачем было выпускать ракету, если сигналом к наступлению мог служить тот же самый взрыв гранаты или любой другой шум, поднятый в станице. Но нет, им захотелось ракету.

Она отлично осветила всю честную компанию, чем не преминул воспользоваться пулеметчик. Началась паника, беспорядочная стрельба кем попало по кому попало. Богдан прижался к своей лошади и негромко попросил:

— Выноси меня, кривая.

Лошадь не обиделась и пошла куда-то в сторону от перестрелки. Умная тварь, тоже жить хочет.

Вынести Богдана она не успела. Едва Перетрусов обрадовался, что спасся, его окликнули:

— Далеко собрался?

Перетрусов от досады даже плюнул.

— Я, между прочим, все правильно сделал, — сказал Богдан, не оборачиваясь. — Развязывай меня и отпускай, вы сами Чепая профукали.

— Это был не Чепая, — сказал Белоножкин.

— Да что ты? А кто тогда? Иван Федорович Крузенштерн? Развяжи меня, и я пошел. Деритесь сами.

— Нет, — сказал Белоножкин. — Формально ты обещание выполнил, но по сути — надул. Полковник потом сам с тобой разберется, а мне некогда. Усов, уведи этого мерзавца куда-нибудь, да запри хорошенько.

Богдана заперли, вернее, наглухо заколотили, в каком-то огромном свежем срубе без окон. Наружную стену украшала надпись, сделанная известью: «СДЕСЬ БУДИТ ИЗБА-ЧЕТАЛБНЯ!» Даже часового не поставили для охраны, что для такого лихого бандита, как Богдан Перетрусов, было наихудшим оскорблением. Он решил, что покинет застенки во что бы то ни стало.

Но доски, которыми казаки заколотили вход, оказались слишком крепкими, стены — высокими, а плечи Богдана — слабыми. Скоб для крепежа казаки не пожалели.

Потянулись томительные часы ожидания. Бой в станице то затихал, то возобновлялся, и этот ритм даже начал навевать на Богдана сон. После сотой неудачной попытки вылезти по бревенчатым стенам наружу (добрался до пятнадцатого звена, нужно еще пять!) Перетрусов без сил упал на землю и посмотрел вверх.

Небо уже стало ярко-голубым. Солнца из-за стен видно не было, и слава богу, иначе здесь, внутри, случился бы настоящий ад.

Богдан только сейчас обратил внимание, как тихо стало вокруг. Выстрелы и взрывы умолкли, а после них казалось, будто ваты в уши напихали — никакие звуки не воспринимаешь.

Просто желая проверить, не оглох ли он, Перетрусов заорал во все горло.

— Че орешь, сейчас выпущу, — негромко сказал знакомый голос.

— Лёнька!

— Не ори, не дома. И дома тоже не ори, — прокряхтел Лёнька.

Послышался душераздирающий скрип дерева. Третья доска снизу начала дрожать, а потом отошла от стены.

— Уф! — выдохнул Лёнька. — Сороковкой зашили.

Лёнька оттянул доску на себя, Богдан уперся руками изнутри. Заскрипела, нехотя вылезая из бревна, вторая скоба.

— Все, бросай, я пролезу!

Лёнька взял Перетрусова за руку и вытащил наружу.

— Что, победили?! — спросил Богдан, отряхиваясь.
— Победили, — мрачно ответил спаситель. — Но не мы. Надо ноги делать, скоро сюда казаки придут.
— Стой! Ты куда? В ту сторону только степь, нас быстро догонят, к реке бежим!
Лёнька ответил уже на бегу, не оборачиваясь:
— Я после Ильина дня не купаюсь. Догоняй.

Аэроплан

— Ты рехнулся! — сказал, округлив глаза, Богдан, когда увидел аэропланы. — Давай лучше лошадь угоним!
— Никаких лошадей! — резко ответил Лёнька. — Я уже накатался.
— Не полезу я в эту страсть! Что я, одичал, что ли?
— Не срамись!
— Ты управлять-то этой штукой умеешь?
Лёнька не умел, хотя некоторое представление о полетах у него было. Еще в Тихвине, работая в типографии, он читал все, что приносили в набор, в том числе брошюру об аэронавтике и устройстве летательных аппаратов. Лёнька мало что помнил, но петух, которого он сжимал в кулаке, говорил, что это — реальный шанс спастись.
Они спокойно прошли на летное поле, пересекли три узкие полоски голой утрамбованной земли, накатанные аэропланами.
— Левый или правый? — спросил Богдан. Он решил, что пусть уж Лёнька, раз начал, закончит, а петуха можно забрать потом.
— Левый, — уверенно сказал Лёнька. — Иди к винту.
— Почему я?!
— Потому что я знаю, что делать, а ты — нет. Крутанешь лопасть — и сразу в сторону, чтобы руки не отрубило. Понял?
Пилоты Ларионов и Кутько в это время под присмотром двух конных казаков хоронили убитых товарищей. Оба возопрели, и Кутько спросил у казаков:
— Может, подсобите?
— Работай давай. Не ты — так тебя.
— Мы пилоты, а не землекопы! Мы и так взяли на себя все, что могли!
— Не положено. Скажи спасибо, что только двоих хороните, там, у обрыва, сейчас вообще большую яму копают. Шутка ли — две с половиной тысячи ухлопали за ночь!
Две с половиной тысячи впечатляли. Кутько уже жалел, что после Сладковского не задушил Ларионова. После сел бы в «Ньюпор» — и улетел на все четыре стороны... хотя нет, Ларионова убивать было нельзя, в одиночку аэроплан завести сложнее. Бот потом...
У Ларионова в голове шевелились те же самые мысли — и еще пошловатый стих Северянина про ананасы в шампанском.
— Изумительно вкусно, искристо и остро... — вдруг сказал Кутько.
— Что? — спросил казак.
— Что?! — спросил Ларионов.
Звук, который натолкнул их на мысль о Северянине, напугал обоих.
— «Ньюпор»! — заорали пилоты, бросили лопаты и побежали к взлетной полосе, где всюду стрекотал двигатель аэроплана. Казаки пустили лошадей в галоп.
— Вы куда? — крикнули казаки бегущим пилотам.
— Быстрее скачите вперед, кто-то завел аэроплан! — крикнул Ларионов. — Быстрее!
Казаки поняли и дали шпор лошадям.

Но у них было всего по одной лошадиной силе, а у двигателя французского истребителя «Ньюпор» — целых триста. Подпрыгивая на кочках и колдобинах, аэроплан пошел вперед, сначала медленно, потом быстрее, еще быстрее, еще...

Ручку на себя! Отрыв!

На какое-то мгновение у Лёньки сердце опустилось едва ли не до кишок. Но он взял себя в руки, выровнял начавший крениться аппарат и на бреющем пролетел над головами двух конников, размахивающих шашками.

— Да! — заорал он, и в рот набилось столько воздуха, что не проглотить.

Пока он набирал высоту, сердце, выкарабкавшись из кишок, пело.

Богдан, сидевший сзади, на полет не обращал внимания. У него в ногах лежал огромный кожаный бювар, набитый чем-то твердым и тяжелым.

Бомбы, догадался Перетрусов. Это было странно — неужели бомбы возят в бюваре? Впрочем, интересно сейчас было совсем другое.

Он выглянул наружу. Под крылом летающей этажерки распласталась станица. Богдан ни за что не подумал бы, что она такая большая, целый город. Может, пока Лёнька набирает высоту, бомба- нуть напоследок? Прощальный подарок от атамана Перетрусова подхорунжему Белоножкину?

Предвкушая потеху, Богдан щелкнул бронзовыми замочками. Из-за рева двигателя и свиста ветра щелканья слышно не было, но Перетрусов знал, что они звонко щелкнули, отстегиваясь.

Внутри оказались кожаные мешочки, объемные и увесистые. Богдан не знал, радоваться ему или печалиться. Это были не бомбы, а монеты.

Вытащив один мешочек, бандит развязал горловину и выудил оттуда желтый кругляк. Двуглавый орел. Царский золотой червонец.

В бюваре лежали те самые двадцать пять тысяч золотом. Жаль, что не бомбы, но тоже хорошо. Богдан завязал мешочек, взвесил на руке и бросил вниз, на станицу.

— На кого бог пошлет, — сказал он и улыбнулся.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пароход «Бретань» вышел из Гавра по расписанию и в Нью-Йорк добрался в положенный срок. Разношерстная публика высыпала на палубу и глазела на гигантскую статую женщины с шипастым венцом на голове и факелом в руке. Многие аплодировали.

«Бретань» была не шикарным океанским лайнером, а шустрым челноком, перевозящим людей за небольшие деньги в Новый Свет.

За большие деньги люди путешествуют, за последние — ищут новой жизни.

Два черных человека, благодаря труду которых пароход добрался до места назначения, ехали бесплатно. Один открывал топку, другой забрасывал лопатой уголь.

Их смена заканчивалась, они смертельно устали, но до полной остановки было еще далеко. Сейчас уголь кидает один, топку открывает другой. Потом они поменяются. И так — двенадцать часов кряду.

Они не имели права вылезать из трюма и любоваться океаном. Ели объедки с камбуза. Но не жаловались, хотя им все ужасно надоело.

Только когда очередная порция угля не долетела до топки и высыпалась под ноги открывающему, один черный человек сказал другому:

— Василий Иванович, может, хватит уже? Василий Иванович опустил лопату и оперся на черенок.

— Ты прав, Петька. Хватит.

ЭПИЛОГ

Полковник Бородин был убит шальной пулей, пытаясь спасти жизнь казаку во время штурма Лбищенска.

Подхорунжий Белоножкин по итогам операции получил внеочередное звание есаула и остался удерживать занятый плацдарм. Однако, как и предсказывал Бородин, долго удерживать Лби-щенскую не получилось. Спустя два с половиной месяца, 20 ноября 1919 года, казаки были выбиты большевиками в ходе Уральско-Гурьевской наступательной операции. Уральскому казачьему войску пришлось весьма непросто в последующий год. В ходе отступления, постоянно преследуемые Красной Армией, казаки и их семьи гибли от голода, холода и болезней.

Александр Васильевич Колчак, осознав всю бесперспективность дальнейшего сопротивления, отказался от должности Верховного Правителя России в пользу генерала Деникина. Однако уйти ему не удалось — адмирал был предан союзниками и расстрелян без суда.

Комиссар Дмитрий Андреевич Фурман написал книгу о легендарном начдиве, изменив в фамилии героя одну букву, из-за чего потомству Василия Ивановича тоже пришлось поменять в метриках букву «е» на «а».

Командарм Фрунзе стал легендой и умер на операционном столе в мирное время, в 1925 году. Некоторые считают, что в его смерти виновен И. В. Сталин. Спустя полгода ушел из жизни и председатель ВЧК Дзержинский.

Лёнька Пантелкин с Богданом Перетрусовым посадили аэроплан недалеко от Уральска.

Тела Петьки и Василия Ивановича так и не были найдены.